

ISSN 2782-1587

№ 2 (14), 2023
(online)

**ВОПРОСЫ
ДЕВИАНТОЛОГИИ**

**Номер журнала посвящен 70-летию со дня рождения
и 40-летию научно-педагогической деятельности
профессора Ю. А. Клейберга**

eLibrary ID: 74920

ISSN 2782-1587

Вопросы девиантологии № 2(14), 2023 (online)

Научный журнал основан в 2020 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель журнала – Ю. А. Клейберг

**Электронный адрес редакции: klab53@rambler.ru
<http://kleyberg.ru>**

Специализированный журнал по девиантологическим проблемам зарегистрирован в Национальном центре ISSN (URL: <http://kleyberg.ru/magazine>), включен в базу данных РИНЦ, имеет полнотекстовую сетевую версию на платформе Научной электронной библиотеки (<https://www.elibrary.ru/titles.asp>). Индексирование журнала в РИНЦ осуществляется в соответствии с Лицензионным договором от 13.04.2021 г. № 139-04/2021.

Журнал расположен также на сайте www.kleyberg.ru

В журнале публикуются статьи по фундаментальным, прикладным и общественно значимым проблемам девиантологии, актуальные исследовательские психологические, философские, политологические культурологические, социологические, криминологические, медицинские, педагогические разработки, а также обзоры Конгрессов, конференций, рецензии монографий, учебников и учебных пособий и другие материалы.

При цитировании ссылка на журнал обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей и материалов несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения автора. Статьи рецензируются. Рукописи не возвращаются.

При цитировании ссылка на журнал обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях.

Ответственность за содержание статей и материалов несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

© Клейберг Ю. А., 2023

© Авторы статей, 2023

Учредитель и главный редактор – Ю. А. Клейберг,
лауреат Государственной премии Правительства РФ в области образования,
академик РАЕН, доктор психологических наук, доктор педагогических наук,
профессор (Тверь, Россия)

Редакционная коллегия:

Демиденко Н.Н., академик МАО, д-р психол. наук, проф. (Тверь, Россия).

Козлов В.В., академик МАО, МАПН, президент МАПН, д-р психол. наук, проф.
(Россия).

Котов-Дарти С.Ф., академик РАЕН, МАО, д-р юр. наук, проф. (Республика
Гана).

Сиротюк А.Л., академик МАО, д-р психол. наук, проф. (Тверь, Россия).

Клейберг Б.Ю., чл.-корр. МАО, кандидат юридических наук (Тверь, Россия).

Научный совет журнала:

Акопов Г.В., академик МАО, Заслуженный деятель науки РФ, д-р психол. наук,
проф. (Самара, Россия).

Арпентьева М.Р., академик МАО, д-р психол. наук, проф. (Калуга, Россия).

Баева И.А., академик РАО, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербург, Россия).

Гилинский Я.И., академик МАО, д-р юр. наук, проф. (Санкт-Петербург,
Россия).

Рахимбаев Э.Н., академик МАО, д-р юр. наук, канд. пед. наук, проф. (Алматы,
Республика Казахстан).

Руденский Е.В., академик МАО, д-р социол. наук, проф. (Новосибирск, Россия).

Суртаев В.Я., академик МАО, Заслуженный деятель науки РФ, д-р пед. наук,
проф. (Ростов-на-Дону, Россия).

Тесленко А.Н., академик МАО, МАСР, д-р социол. наук, д-р пед. наук, проф.
(Астана, Республика Казахстан).

Храмцова Ф.И., академик МАО, д-р полит. наук, проф. (Минск, Республика
Беларусь).

*Все права защищены. Никакая часть этого издания не может быть
репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

СОДЕРЖАНИЕ

Клейберг Ю.А. III-й Международный Конгресс девиантологов: информационно-аналитический абрис.....	6-8
Иванова И.В. Восприятие ценности семьи и брака студенческой молодежью в контексте профилактики деструктивного поведения.....	9-13
Фомина М.М. Социально-бытовая адаптация к самостоятельной жизни как фактор развития личностного потенциала несовершеннолетних беременных.....	14-18
Ипполитова Е.А. Психологическая готовность к материнству девушек, склонных к девиантному поведению.....	19-24
Завражин С.А. Детская агрессивность в оптике микропсихоанализа.....	25-29
Турчин А.С. Психологическая детерминация приобщения школьников, студентов и курсантов к наркокультуре.....	29-34
Семеняк И.В., Ершова Р.В., Арабайкина С.Ю. Проблема аддиктивного влечения в девиантологии и его профилактика...	34-46
Казиева М.Р. Профилактика девиантного поведения подростков.....	47-54
Шелиспанская Э.В. Формирования преодолевающего поведения у подростков в преморбиде алкогольной зависимости.....	55-61
Балобожко И.А. Девиантологические аспекты в антикоррупционной политике как фактор профилактики деструктивных общественных явлений.....	61-70
Арпентьева М.Р. Современные проблемы диагностики и коррекции девиаций в вузе.....	70-81
Герасимова В.В. Девиантологические аспекты в антикоррупционной политике как фактор профилактики деструктивных общественных явлений.....	82-87
Блясова И.Ю., Коканов Н.А. К вопросу минимизации последствий преступности несовершеннолетних в процессе ее предупреждения.....	88-98
Фёдорова О.Б. Взаимосвязь компонентов экологического сознания с криминальными мотивами несовершеннолетних правонарушителей.....	98-105
Малюшина Ю.А. Проявления криминальной мотивации в подростковом возрасте.....	105-111
Бондаренко Т.А. Позиция жертвы как запрос на психологическое консультирование.....	111-118
Руденский Е.В. Драматизматический интеракционизм клинической социатрии виктимности как концептуальное	

основание виктимодраматерапии.....	118-130
Сальников О.О. Функционально-психологическая девиация как основа девиантной виктимности.....	130-136
Грижбовская Н.А. Драма-рефлексия как метод клинической драма-социатрии виктимности.....	136-141
Палецкий М.А. Девиантное поведение личности как следствие дефицита социальной компетентности.....	141-146
Бояджиев Р., Долгиев А.И., Клейберг Ю.А. Риски употребления наркотиков как триггеры психосоматических нарушений и аутодеструктивного поведения подростков и молодежи.....	146-152
Рахимбаев Э.Н., Юсупов У.Ж. Концептуальные основы развития национальной системы ювенального права в Республике Казахстан.....	153-165
Резолюция III-го Международного Конгресса Девиантологов «Девиантология XXI столетия».....	166-168
Книжные новинки.....	169-171
Информация.....	171-173
Приложение.....	174-176

III-й МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ДЕВИАНТОЛОГОВ: ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ АБРИС

Я рад приветствовать всех участников III-го Международного Конгресса девиантологов и поблагодарить за неравнодушие и профессиональный патриотизм!

Я также искренне благодарен всем, кто поздравил меня с юбилеями и сказал/написал обо мне приятные слова. Большое вам спасибо! Я всегда ценил добрые и искренние отношения, поскольку свято убежден, что именно они в тандеме с поддержкой, пониманием и уважением являются одновременно залогом и стимулом творчества в широком смысле слова. Именно добродетель должна являться Смыслом жизни!.. Очень хочется, чтобы мечта Платона стала явью: *«Хорошо бы, если бы добродетель имела свойство перетекать из того, кто полон ею, к тому, кто пуст, как течет вода по шерстяной нитке из полного сосуда в пустой»*. Но это, увы, невозможно...

Далее, как известно, **11 января 2023 года в г. Твери** на базе Академии Национального образования и науки при участии Международной Ассоциации девиантологов, Международной академии ювенологии, Международной Академии психологических наук, Международной профессиональной Ассоциации психологов, Комиссии по образованию и семейной политике Общественной Палаты Союзного государства (Республика Беларусь), Народного Конгресса местных сообществ Казахстана «Очаг» (Республика Казахстан) и UK Academy of Education (Великобритания) в заочном режиме состоялся **III-й Международный Конгресс девиантологов «Девиантология XXI столетия»**. С чем я всех нас – и организаторов, и участников – поздравляю!

Работа Конгресса осуществлялась по следующим основным направлениям:

➤ **«Методология современной девиантологии: теоретические подходы и концепции, научные школы»** (руководители – академик МАО, доктор юридических наук, профессор **Я.И. Гишинский**, Санкт-Петербург, Россия; доктор юридических наук, профессор **Kwamy P. Dartey**, академик МАО, Лондон, Великобритания);

➤ **«Психология и педагогика девиантного поведения: теория и практика»** (руководители – академик МАО, доктор психологических наук, профессор **А.Л. Сиротюк**, Тверь, Россия; академик МАО, доктор политических наук, кандидат педагогических наук, профессор **Ф.И. Храмцова**, Минск, Беларусь);

➤ **«Социально-психологическая виктимология девиантной личности»** (руководители – академик МАО, доктор социологических наук, профессор **Е.В. Руденский**, Новосибирск, Россия; академик МАО, доктор юридических наук, профессор **Э.Н. Рахимбаев**, Алматы, Казахстан).

➤ **Veria** (материалы по другим направлениям, соответствующим тематике Конгресса).

Поступившие в Оргкомитет материалы участников Конгресса, были опубликованы в научных журналах **«Вопросы девиантологии»** (РИНЦ, ISSN 2782-1587) и **«UK Academy of Education: scientific magazine»** (РИНЦ, ISSN 2782-3032), а также в коллективной монографии **«Девиантология XXI столетия в контексте актуальной ситуации»**.

Поскольку проведение Международного Конгресса девиантологов стало традиционным полилогом научного сообщества, можно смело констатировать: форум стал, по сути, открытой дискуссионной платформой не только для авторитетных и маститых ученых, но и для неравнодушных практиков, а также для пытливых молодых ученых, аспирантов и магистрантов. Примером тому является широкий спектр вопросов и проблем,

поднятых участниками Конгресса, связанных с исследованием и развитием различных аспектов девиантологической науки.

Разумеется, все мы – и организаторы, и участники Конгресса – не ставили перед собой цель дать исчерпывающие ответы на вызовы, кризисы и риски, возникающие и циркулирующие в обществе XXI столетия, или даже освещение всех проблем современной девиантологической науки.

Однако, и это радует, работа в этом направлении, как показывают материалы участников Конгресса, не прерывается, она продолжается, и, надеюсь, будет интересной как для самих ученых, так и для практикующих девиантологов (психологов, криминологов, медиков, педагогов и др.), а также для специалистов министерств, управлений, комитетов, фондов, волонтерских движений и др. Уверен также, что опубликованные материалы в наших журналах и коллективной монографии, послужат хорошей основой в подготовке специалистов социномических профессий в вузах и колледжах, а также в системе повышения квалификации и постдипломного образования.

Итак, что мы имеем в «сухом остатке»? Основные направления стали объединяющим трендом Конгресса девиантологов. Судите сами, в рамках первого направления **«Методология современной девиантологии: теоретические подходы и концепции, научные школы»** участниками были представлены и опубликованы интересные и актуальные материалы **Я.И. Гилинского (Санкт-Петербург), А.Н.Тесленко (Астана, Казахстан), В.В. Козлова (Ярославль), И.В.Котлярова и В.И.Надольской (Минск, Беларусь), Ю.А. Клейберг (Тверь), Е.И.Мещеряковой (Воронеж), Ф.И. Храмцовой (Минск, Беларусь), Н.Ю.Рябченко (Барановичи, Беларусь), А.В. Зобкова (Владимир), А.Л. Сиротюк и А.С. Сиротюк (Тверь), К.О.Чедия (Москва), Н.Н. Демиденко и С.В. Хваловой (Тверь); А.В.Ермолина и В.П.Дяченко (Киров).**

Второе направление **«Психология и педагогика девиантного поведения: теория и практика»** пополнилось интересными материалами **И.В. Ивановой (Тверь, Минобр Тверской обл.); Р. Бояджиева (София, Болгария); А.И. Долгиева (Магас, Республика Ингушетия, Россия); А.Г.Бармина (Санкт-Петербург); Ф.Н. Сакиевой (Армавир); К.О. Чедия (Москва); М.Р. Арпентьевой (Калуга); М.М. Фоминой (Владимир); И.А. Балобешко (Минск, Беларусь); В.Я. Суртаева (Ростов-на Дону); И.В.Семеняк, Р.В. Ершовой, С.Ю. Абайкиной (Коломна); В.В. Герасимовой (Казань); Э.В. Шелиспанской (Тула); Е.А. Ипполитовой (Барнаул); С.А. Завражина (Владимир), Э.Н. Рахимбаева (Алматы, Казахстан, Бишкек, Кыргызстан), У.Ж.Юсупова (Бишкек, Кыргызстан), Т.Ю. Скибо (Воронеж).**

Третье направление **«Социально-психологическая виктимология девиантной личности»** представлено в основном материалами учеников и коллег fundатора и руководителя известной научной школы **профессора Е.В. Руденского (Новосибирск): Е.В. Руденским (Новосибирск, НГПУ), О.О. Сальниковым (Новосибирск, СОШ №172), Н.А. Гржибовской (Новосибирск, НГПУ, СОШ №172), М.А. Палецким (Новосибирск, НГПУ),** а также статьей **Т.А. Бондаренко (Москва),** а также **Т.А. Бондаренко (Москва).**

В научном журнале «UK Academy of Education: scientific magazine» опубликованы статьи: **Р. Бояджиева (София, Болгария) и С. Котова-Дарти (Республика Гана), Ю.А. Клейберга (Тверь), Е.И. Мещеряковой и Т.Ю. Скибо (Воронеж), Ф.Н. Сакиевой (Армавир), С. Шунеева и Т. Тастана (Республика Казахстан), О. Жунусова и Т. Тастана (Республика Казахстан), Н. Хайдарова и Т.Тастана (Республика Казахстан).**

В Коллективную монографию «Девиантология XXI столетия в контексте актуальной ситуации» вошли работы **профессоров: Тесленко А.Н. (Астана, Казахстан), Клейберга Ю.А. (Тверь) и Козлова В.В. (Ярославль).**

Как видно, география представителей стран и российских городов обширна: **Болгария, Республика Беларусь, Республика Гана, Республика Казахстан, Республика**

Кыргызстан; города РФ: Армавир, Барнаул, Владимир, Воронеж, Казань, Калуга, Киров, Коломна, Магас, Москва, Новосибирск, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Тверь, Тула, Ярославль. Учеными из этих стран и городов представлен широкий спектр теоретико-прикладных научных работ. Это еще раз убеждает, что интерес к девиантологической и криминологической проблематике, вопреки всему, растет, и наблюдается тенденция к его расширению. Это, безусловно, радует.

Однако, и я об этом тоже должен сказать, как и два предыдущих Международных Конгресса девиантологов (2016 и 2020), так и нынешний III-й Конгресс, **к большому сожалению и недоумению**, не вызвал интереса у преподавателей **юридического и психологического факультетов, института педагогического образования и социальных технологий ТвГУ**, где читаются дисциплины девиантологического и криминологического циклов (и где есть специализации и лаборатории), других тверских вузов, филиалов столичных гуманитарных вузов в Твери, а также депутатов, **курирующих детско-семейную сферу, сотрудников аппарата Уполномоченного по правам ребенка, так называемого молодежного правительства Тверской обл., Министерства социальной защиты населения (опеки), Министерство культуры, СМИ. А УМВД России по Тверской обл. вообще запретило участвовать своим сотрудникам в Конгрессе!** Неслыханно! Позор, да и только! Участие в Конгрессе приняло только **Министерство образования Тверской области.** И все! (*Информационные письма-приглашения были высланы всем заблаговременно с повторным напоминанием*). Это просто удивительно! Складывается такое впечатление, что проведение таких затратных форумов, как Международный Конгресс девиантологов, необходимо только мне одному – инициатору и организатору, и что в Тверском регионе с девиантологической и криминологической точек зрения, все гладко и спокойно, что нет проблем у тверских подростков и молодежи, их семей, что совсем нет проявлений таких форм девиантного и криминального поведения, как наркомания, агрессия, преступность, проституция, суицид, коррупция и мн. др.! Но пусть все это останется на совести руководителей и сотрудников этих организаций, а также ученых (в кавычках и без), проявивших профессиональную инертность, леность и нежелание совершенствоваться и строить отношения...

Тем не менее, мы по-прежнему открыты для всех, кто увлечен девиантологической и криминологической проблематикой, кто хочет проявить себя в науке. Приглашаем ученых и практиков, молодых ученых, пытливое студенчество, ориентированных на девиантологическую науку, к активному сотрудничеству.

Мы ждем ваши статьи, уважаемые коллеги и друзья!

Будем работать дальше, будем работать вместе! Наш караван науки всегда в пути!

Еще раз благодарю всех участников III-го Международного Конгресса девиантологов за проявленную активность, оперативность и профессионализм!

**С уважением – профессор Ю.А. КЛЕЙБЕРГ,
лауреат Государственной премии Правительства Российской Федерации в
области науки и образования.**

**ВОСПРИЯТИЕ ЦЕННОСТИ СЕМЬИ И БРАКА
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ В КОНТЕКСТЕ ПРОФИЛАКТИКИ
ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ**

И. В. Иванова
(Тверь, Россия)

Об авторе: *Иванова Инна Валерьевна*, кандидат психологических наук, педагог-психолог высшей категории Тверского областного центра психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи» Министерства образования Тверской области.
E-mail: ps-ped-sopr@yandex.ru

Аннотация. Социальные институты семьи, брака в настоящее время подвергается сильной трансформации. Отсутствие доверительного эмоционального контакта с родителями, разрушение привязанностей ведет к трудностям взросления и риску ухода в деструкции. Представлен эмпирический опыт исследования ценности семьи и брака в восприятии молодежи. Выявлено: большинство студентов предпочитают вступать в законный брак, в большей степени девушки.

Ключевые слова: семья, брак, молодежь, деструкции, восприятие ценности брака, официальный брак.

**PERCEPTION OF THE VALUE OF FAMILY AND MARRIAGE BY STUDENTS
IN THE CONTEXT OF PREVENTION OF DESTRUCTIVE BEHAVIOR**

Inna V. Ivanova (Tver, Russia)

Annotation. The social institutions of the family and marriage are currently undergoing a strong transformation. The lack of trusting emotional contact with parents, the destruction of attachments leads to difficulties growing up and the risk of leaving in destruction. The empirical experience of studying the value of family and marriage in the perception of young people is presented. Revealed: most students prefer to enter into a legal marriage, mostly girls.

Keywords: family, marriage, youth, destructions, perception of the value of marriage, official marriage.

Под словом «молодежь» будем понимать, в соответствии с законодательством нашей страны, молодых граждан – социально-демографическую группу лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно.

Ключевой причиной возникновения деструктивного поведения представляется негативная воспитательная практика в семьях. Отсутствие верных эталонов, образцов для подражания в лице папы и мамы ведет к искаженному восприятию отношения к женщине, роли мужа, матери, отца, отношения к старшему поколению, отсутствию формирования адекватной картины мира и базовых ценностей, в том числе ценности семьи.

Институт семьи и брака в настоящее время подвергается сильной трансформации. Количество браков в России в последние годы снижается, число разводов остается примерно одинаковым. По данным Росстата, опубликованным в 2022 году, число разводов в 2021 году увеличилось на 80 174 развода. В 2020 году - 564 033 пары, в 2021 - 644 207 пар (4,4 на 1000 человек населения). Количество разводов в России уже около 5 держится примерно на одном уровне – около 600 тысяч в год [Федеральная служба государственной статистики, 2022]. Как правило, ребенок остается с матерью, часты повторные браки, при этом дети от первого брака в таких семьях могут становиться предоставленными самим себе, особенно в случаях рождения младшего брата/сестры в новой семье с новым супругом. Зачастую дети направляются на воспитание к бабушкам, дедушкам, лишаясь полноценного общения не только с обоими родителями, но и с матерью, которая становится полностью поглощена зарабатыванием денег на семью. Отсутствие доверительного эмоционального контакта с родителями, разрушение привязанностей ведет к трудностям взросления и риску ухода в деструкции. Кроме того, у ребенка, подростка не формируется представление о браке как о чем-то особенно ценном, ответственном, чем необходимо дорожить, беречь отношения.

Сегодня в российском обществе мы наблюдаем трансформацию ценностных ориентиров в молодежной среде, в связи с чем особо актуализируются научные работы, посвященные вопросам профилактики преступного поведения среди детей и подростков [Купирова Ч.Ш., 2020].

Было проведено исследование восприятия молодежью института семьи и брака в рамках разработки программы профилактики деструктивного поведения молодежи через формирование базовых ценностей. В анонимном анкетировании приняло участие 98 студентов 1-4 курса ВУЗов и колледжей г. Твери, обучающихся на дневном и заочном отделении, в возрасте от 16 до 25 лет. Среди них 45 юношей и 53 девушки. У 18 человек (19% от выборки) родители не состоят в официальном зарегистрированном браке.

Были сформулированы *гипотезы*:

1. Большинство студентов предпочитают вступать в законный брак.

2. Девушки более негативно, чем юноши, относятся к совместному проживанию без официального брака, а также в большей степени для них значима свадьба как атрибут регистрации брака.

3. Студенты, чьи родители не состоят в браке, сами не намерены вступать в официальный брак.

Большинство девушек (57%) и юношей (68%) отвечали, что не считают регистрацию брака обязательной. При ответах на вопросы о собственном желании зарегистрировать брак обнаружилось другие результаты. Ответы девушек на вопрос «Вы сами хотели бы зарегистрировать официальный брак с любимым человеком?» распределились следующим образом: «это необязательно» - 3,8%, «да, но сначала просто проживем вместе» - 71,2%, «да, сразу, как буду уверен/а в партнере» - 25%. У юношей: «это необязательно» - 32%, «да, но сначала просто проживем вместе» - 52%, «да, сразу, как буду уверен/а в партнере» - 16%. Можно наблюдать, что отсутствие регистрации как норма воспринимается больше, чем половиной опрошенных, однако в отношении своей собственной жизни руководствоваться данным стереотипом о необязательности официального брака желают лишь 3,8% девушек и 32% юношей. Можно сказать, что в выборке юношей меньше проявление двойного стандарта в данном вопросе.

Таким образом, и девушки (96%), и юноши (78%) ответили, что сами хотели бы зарегистрировать брак. *Гипотеза 1* – «большинство студентов предпочитают вступать в законный брак» – подтвердилась.

Среди тех, кто внешне демонстрирует готовность жить без регистрации брака, полноценным такой союз не считают, а также предпочитают рождение детей в браке по большей части девушки (рис. 1).

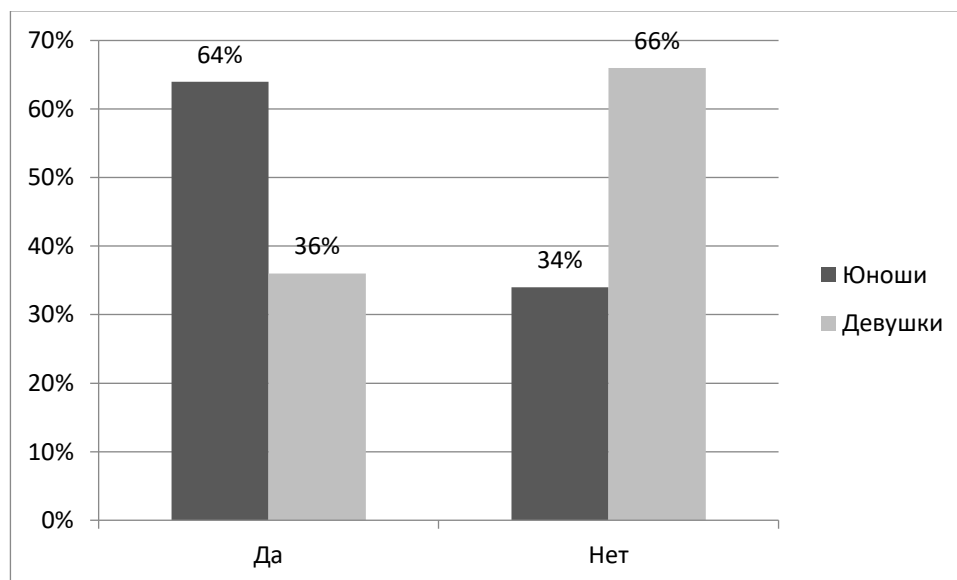

Рис. 1 – Ответы студентов на вопрос: «Стоит ли заводить детей парам, не состоящим в официальном браке?»

Из рисунка 1 видим, что более половины юношей воспринимают как норму рождение ребенка в паре, не состоящей в официально зарегистрированном браке. Для выборки девушек характерен обратный результат.

Среди студентов, считающих, что в брак все-таки надо вступать, более длительный период проживания без регистрации предпочитают юноши. Ответы студентов на вопрос «Как долго, по Вашему мнению, стоит жить вместе без регистрации брака?» распределились следующим образом: «несколько» - 18,5% девушек, 18,2% юношей, «1-2 года» - 70,4% девушек, 36,4% юношей; «3-5 лет» - 11,1% девушек, 45,5% юношей.

Студенты оптимальным возрастом вступления в брак считают возраст от 22 до 30 лет. При этом 62% девушек отвечали уклончиво - «в любом возрасте», «когда встретишь своего человека» и т.д. Возможно, здесь играет роль фактор страха не выйти замуж в каком-то определенном возрасте, может быть, девушки считают, что они уже должны были выйти замуж.

Студентов просили назвать достоинства проживания без официальной регистрации отношений (рис. 2).

Видим, что восприятие положительных сторон практически не отличается для респондентов, для всех на первом месте стоит возможность узнать друг друга лучше. Финансовая сторона вопроса уходит на второстепенный план.

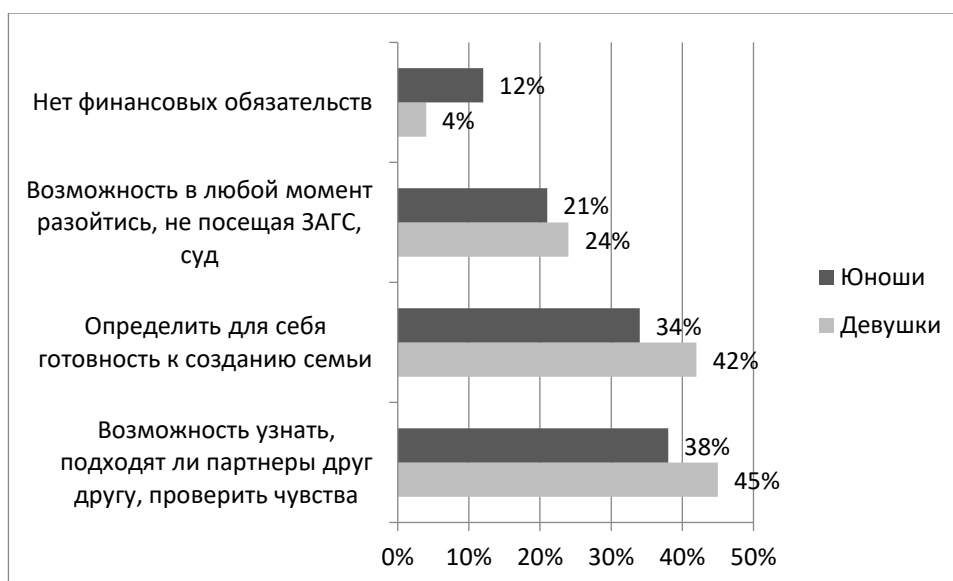

Рис. 2 – Ответы студентов на вопрос о положительных сторонах совместного проживания без регистрации брака

Отрицательно относятся к проживанию без регистрации брака лишь 4% девушек, среди юношей таковых не оказалось. Скорее положительно и положительно к проживанию без оформления брака относятся 58,5% девушек, 80% юношей. *Гипотеза 2* – девушки более негативно, чем юноши, относятся

к проживанию без официального брака, а также в большей степени для них значима свадьба как атрибут регистрации брака – подтвердилась частично.

Действительно, девушки более отрицательно относятся к проживанию без официальной регистрации брака, испытывают больше опасений по этому поводу. Однако празднование свадьбы больше интересует юношей, чем девушек. Данный результат не укладывается в традиционные стереотип относительно желания именно девушек о красивой и обязательной свадьбе. Результат довольно интересен и требует определения причин выявленной тенденции на увеличенной выборке.

Гипотеза 3 – студенты, чьи родители не состоят в браке, сами не намерены вступить в официальный брак – не подтвердилась. Только 11% среди таких студентов выразили желание не регистрировать брак.

Можно заключить, что совместное проживание без брака большинство студентов рассматривают как некоторый промежуточный этап, возможность узнать друг друга лучше. Девушки больше склоняются к официальной регистрации брака и испытывают больше опасений по поводу проживания без регистрации, особенно это касается рождения детей. Студенты отдают предпочтение трате денег не на свадьбу, а на путешествие или покупку чего-либо. Не исключено, что это может быть связано не с отходом от традиций, а просто с материальной составляющей.

Результаты проведенного исследования позволили посмотреть на восприятие студенческой молодежью института семьи и брака, понять те трансформационные механизмы, которые происходят в нашем обществе, а также позволят в дальнейшем более детально подойти к разработке программы по формированию ценности семьи и брака, правильного восприятия этого гражданского института подрастающим поколением.

Список литературы

1. Купирова Ч.Ш. Вовлеченность несовершеннолетних в преступные деяния: уголовно-правовой и криминологический аспекты проблемы // Вестник РУК. 2020. №4 (42). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vovlechennost-nesovershennoletnih-v-prestupnye-deyaniya-ugolovnoppravovoy-ikriminologicheskiy-aspekty-problemy> (дата обращения: 25.11.2022).

2. Семья, материнство и детство // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 13.09.2022).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflict of interests.

СОЦИАЛЬНО-БЫТОВАЯ АДАПТАЦИЯ К САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ БЕРЕМЕННЫХ

М. М. Фомина
(Владимир, Россия)

Об авторе: *Фомина Марина Михайловна*, старший преподаватель Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, заведующий отделением организационно-методической работы Владимирского социально-педагогического центра несовершеннолетних (СРЦН). E-mail: marina_fomina_92@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности социально-бытовой адаптации и подготовки к самостоятельной жизни несовершеннолетних беременных в условиях учреждения социального обслуживания. При этом социально-реабилитационная деятельность рефлексируется с позиции развития личностного потенциала несовершеннолетних и их подготовки к новому социальному статусу.

Ключевые слова: несовершеннолетние беременные, дети группы социального риска, социально-бытовая адаптация, личностный потенциал.

SOCIAL AND HOUSEHOLD ADAPTATION TO INDEPENDENT LIFE AS A FACTOR OF THE DEVELOPMENT OF THE PERSONAL POTENTIAL OF MINOR PREGNANT WOMEN

Marina M. Fomina
(Vladimir, Russia)

Annotation. The article deals with the features of social and household adaptation and preparation for the independent life of minor pregnant in the conditions of a social service institution. At the same time, social rehabilitation activities are reflected from the position of the development of the personal potential of minors and their preparation for a new social status.

Keywords: pregnant minors, children of the social risk group, social and household adaptation, personal potential.

Введение. В настоящее время перед обществом, государством в целом и его субъектами, в частности, поставлена чрезвычайно важная задача – профилактика семейного неблагополучия и создания благоприятной для воспитания ребенка семейной среды, что отражено в Постановлении Правительства Российской Федерации «Об утверждении плана основных

мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года» [Распоряжение Правительства РФ от 23.01.2021 № 122-р].

Особое внимание в новом векторе обеспечения благополучия семей с детьми отводится воспитанникам организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Ввиду специфической социальной ситуации развития эта категория детей «группы риска» более других нуждается в помощи и поддержке государства. Низкий уровень нравственной культуры, социальная дезадаптация и бессознательное воспроизведение стереотипов поведения в проблемной семье выступают факторами распространения ранних половых связей и подростковой беременности среди воспитанников социозащитных учреждений.

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), ежегодно в мире фиксируются порядка 22 миллионов случаев наступления беременности среди девушек-подростков, не достигших 19 лет. Несмотря на то, что в России за последние 20 лет коэффициент подростковых беременностей снизился в 2 раза, численность остается прежней и даже возрастает. Так, например, в 2010 году в стране было зафиксировано 125 тысяч случаев беременности девочек-подростков, а в 2018 году уже более 210 тысяч [Осташова, 2020, с. 120].

Согласно исследованиям Т.В. Мамчиц, дети из неполных, неблагополучных семей и дети-сироты более уязвимы и мало информированы о последствиях раннего вступления в интимные отношения. Это связано с недостаточно организованным сексуальным просвещением, низким уровнем контрацептивной культуры и социального благополучия, бедностью и др. [Мамчиц, 2018, с. 109].

Одной из ключевых проблем несовершеннолетних матерей является их психологическая незрелость, функциональная неготовность к семейной жизни и эффективному материнству, несформированность родительских позиций и материнских установок [Красноярова, 2011, с. 8]. Подростки группы социального риска в период ранней беременности чаще всего не имеют стабильного места жительства, средств к существованию, поддержки со стороны ближайшего социального окружения. Ввиду ограниченности социальных возможностей, неблагополучной семейной микросреды и осуждающе-негативной позиции окружающих чаще всего девушки вынуждены либо отказаться от ребенка, либо воспитывать его в одиночестве.

В силу психологических особенностей возраста, неопытности и недостаточности знаний по уходу за ребенком, непринятия беременности родственниками, социально-правовой и экономической несостоятельности несовершеннолетние матери оказываются незащищенными перед возникающими проблемами и нуждаются в дополнительной поддержке.

В целях повышения качества жизни несовершеннолетних беременных и родивших детей до совершеннолетия с 2021 года на территории Владимирской области реализуется модель социально-психологической поддержки несовершеннолетних матерей, нуждающихся в помощи и поддержке

государства [приказ Департамента социальной защиты населения Владимирской области от 22.10.2021 № 378].

Анализируя особенности и потребности целевой группы, авторы модели пришли к выводу, что многие девочки в целом не готовы к выполнению материнских функций. Даже в случае, когда девушка хочет стать матерью, у нее отсутствуют навыки ведения домашнего хозяйства, ухода за ребенком, умение вести бюджет. Однако своевременная помощь в решении бытовых проблем помогает сохранить ребенка и семью.

В целях создания оптимальных условий для социально-бытовой адаптации несовершеннолетних беременных и родивших детей до исполнения 18 лет, их подготовки к самостоятельной жизни и интеграции в социум на базе ГКУСО ВО «Владимирский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» реализуется программа «Конструктор семьи».

Целью данной статьи является научный анализ и осмысление потенциала социально-бытовой адаптации и процесса подготовки к самостоятельной жизни как фактора развития личностного потенциала несовершеннолетних беременных.

Исследовательские задачи заключаются в определении основных направлений, ресурсов и особенностей социально-бытовой адаптации юных матерей, результативности указанной деятельности в развитии личности несовершеннолетних беременных группы социального риска.

Результаты. Опыт социально-реабилитационной работы с беременными несовершеннолетними из неблагополучных семей показывает, что в группе проблем, с которыми придется столкнуться девушке, большое место занимают социально-бытовые. Формирование у несовершеннолетних матерей социально-бытовых навыков можно условно разделить на *четыре направления*: домоводство, финансовая грамотность, кулинария и ведение семейного бюджета [официальный сайт Владимирского СРЦН]. Занятия проводятся в индивидуальной форме по 45-60 минут.

Занятия по теме «Домоводство» начинаются с одного из ключевых направлений подготовки несовершеннолетней матери – воспитания истинных семейных ценностей, правил поведения с мужчиной и мужем, знакомства с обязанностями членов семьи, нормами этики в семье. Обязательными вопросами данной темы является изучение особенностей ведения домашнего хозяйства, ухода за вещами: стирка, глажка белья, формирование навыков пользования бытовыми приборами, уборка жилых помещений.

Важным направлением является развитие у несовершеннолетних финансовой грамотности и ответственного экономического поведения. Педагоги знакомят девушек с алгоритмом безопасного проведения финансовых операций, использованием банковских продуктов, мерами социальной поддержки семей с детьми: выплатами по беременности и родам, материнского капитала, денежных пособий, льготами для «одиноких мам».

При подготовке и проведении занятий используются материалы Интернет-ресурсов, разработанных Центральным Банком Российской Федерации, а также дидактические психологические и трансформационные бизнес-игры.

Данное направление крайне актуально для беременных несовершеннолетних, так как им, в силу возраста, неопытности и, часто, отсутствия поддержки со стороны взрослых, сложно разобраться в юридических аспектах своего нового положения.

Кулинария – важная тема в работе с несовершеннолетними беременными. Как правило, в семье и образовательном учреждении девочкам прививают элементарные навыки домоводства, однако умением рационально составлять домашнее меню несовершеннолетние мамы до рождения ребенка не овладевают. В данном отношении главная задача педагога – показать оптимальное сочетание полезных и бюджетных продуктов питания, способов приготовления пищи и разнообразия ежедневного меню.

Проблема многих молодых людей и семей – неумение соизмерять желания со своими доходами. Финансовая неграмотность нередко приводит к кризисам в семейном бюджете, поэтому в занятия по ведению семейного бюджета включены вопросы, позволяющие будущим мамам научиться планировать свой бюджет, экономно распределять денежные средства, вести учет доходов и расходов. В качестве наглядного пособия им выдается таблица по контролю расходования средств. Таким образом, у подростков формируется обстоятельная картина семейной бухгалтерии.

При проведении занятий по социально-бытовой адаптации необходимо учитывать непродолжительный период проживания несовершеннолетней в стационарных условиях, ее индивидуальные навыки, уровень жизненного опыта, а также практическую направленность. Каждое занятие в целом решает комплекс задач: от получения навыков по определенному виду деятельности (например, шитье) до развития коммуникативных умений.

При проведении занятий по формированию нового опыта полезно использовать демонстрационный материал, опорные сигналы, работу по алгоритму (инструкции, технологические карты), игровые технологии: сюжетно-ролевые и дидактические игры. Основными методами, рекомендуемыми в работе с беременными несовершеннолетними, являются: проблемно-ситуативный метод, методы приучения и упражнения, метод стимулирования.

Кроме того, будущих мам необходимо научить находить нужную информацию и правильно ею пользоваться. Для этого при проведении занятий по каждому из направлений несовершеннолетние знакомятся с полезными Интернет-ресурсами.

Выводы. В целом, целенаправленная деятельность по социально-бытовой адаптации несовершеннолетних беременных обеспечивает знакомство девушек с правилами ведения домашнего хозяйства, нормами

семейной этики; формирование навыков самообслуживания, поведения в быту и общественных местах, самоконтроля, базовых знаний о личных и семейных доходах и расходах, навыков безопасного ведения финансовых операций; становление у них положительных жизненных ориентиров на семейную жизнь, материнство, эффективное межличностное взаимодействие; содействие профессиональному самоопределению в соответствии с желаниями, способностями, индивидуальными особенностями и с учетом запросов рынка труда.

Таким образом, формирование у юных матерей традиционных нравственных ценностей, здорового образа жизни, базовых знаний и умений ведения домашнего хозяйства и навыков самообслуживания помогает несовершеннолетним справиться с бытовыми трудностями, достичь максимальной самостоятельности в решении повседневных жизненных задач, и, главное, испытать настоящее счастье материнства.

Список литературы

1. ГКУСО ВО «Владимирский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» (Владимирский СРЦН): сайт. – Владимир, 2022. URL: <https://vladsrncn.social33.ru/upload/mednosti.pdf> / (дата обращения: 06.11.2022).
2. Департамент социальной защиты населения Владимирской области (ДСЗН): сайт. - Владимир, 2017. URL: <https://vladsrncn.social33.ru/upload/medialibrary/3c7/jtgk6tlt1csul5dfxp7ti24lca2mbez/Prikaz-po-beremennym.pdf> / (дата обращения: 05.11.2022).
3. Красноярова М.В. Социально-педагогические средства формирования ответственного материнства девочки-подростка: автореф. ... кандидата педагогических наук. - Оренбург, 2011. - 24 с.
4. Мамчиц Т.В. Подростковая беременность. Психолого-педагогическое сопровождение девушек в условиях образовательного учреждения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2018. № 8. С. 108-110.
5. Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года: Распоряжение Правительства РФ от 23.01.2021 № 122-р (по сост. на 25.05.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 5. Ст. 914.
6. Осташова О.А. Подростковая беременность как актуальная проблема // Актуальные вопросы гуманитарных наук 2020: материалы выступлений молодых ученых в рамках Ломоносовских чтений 2020. – Архангельск: САФУ, 2020. - С. 120 - 123.

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflict of interests.**

ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К МАТЕРИНСТВУ ДЕВУШЕК, СКЛОННЫХ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Е. А. Ипполитова
(Барнаул, Россия)

Об авторе: *Ипполитова Елена Александровна*, кандидат психологических наук, доцент, доцент Алтайского государственного университета. E-mail: ippolitovae@bk.ru

Аннотация. В статье анализируется специфика содержания компонентов психологической готовности к материнству девушек 17-18 лет, склонных к девиантному поведению. В результате проведенного исследования установлено, что некомпетентность в вопросах материнства, низкий уровень рефлексии своей подготовленности к роли матери, негативный эмоциональный настрой и отсутствие желания иметь детей связаны с высоким риском аддиктивного, делинкветного и суицидального поведения студенток.

Ключевые слова. Психологическая готовность девушек к материнству; склонность к девиантному поведению; аддиктивное, делинкветное, суицидальное поведение.

THE PROBLEM OF PSYCHOLOGICAL READINESS FOR MOTHERHOOD GIRLS PRONE TO DEVIANT BEHAVIOR

Elena A. Ippolitova
(Barnaul, Russia)

Abstract. The article analyzes the specifics of the content components of psychological readiness for motherhood of girls 17-18 years old, prone to deviant behavior. Because of the conducted research, it found that incompetence in matters of motherhood, a low level of reflection of one's readiness for the role of a mother, a negative emotional attitude and lack of desire to have children associated with a high risk of addictive, delinquent and suicidal behavior of female students.

Keywords. Psychological readiness of girls for motherhood; tendency to deviant behavior; addictive, delinquent, suicidal behavior.

В условиях устойчивой тенденции снижения рождаемости, сохраняющейся в России на протяжении длительного времени, в том числе по причине сознательного отказа женщин от рождения ребенка, проблема

готовности к материнству является одной из наиболее интенсивно изучаемых в современной психологии. К настоящему моменту исследованы содержание и специфика проявления психологической готовности к материнству, которая в обобщенном виде определяется как способность будущей матери обеспечить адекватные условия для развития ребенка вследствие определенного типа отношения к нему (В.И. Брутман, Г.Г. Филиппова, С.Ю. Мещерякова) [Брутман, 2000; Мещерякова, 2000; Филиппова, 2002]. В работах А.С. Деминой, Е.И. Жупиевой и других авторов показано, что психологическая готовность к материнству является динамическим образованием, имеющим свои особенности у женщин разного возраста и социального статуса [Демина, 2013; Жупиева, 2019]. Выделяется ряд структурных компонентов, позволяющих разносторонне исследовать данный феномен. Одним из наиболее интересных представляется подход Т.А. Гурьяновой, выделившей в структуре психологической готовности к материнству ряд компонентов: мотивационный (мотив рождения ребенка), эмоциональный (эмоциональное восприятие материнства), оценочный (рефлексия своей подготовленности и соответствия себя в роли матери), операционный (материнская компетентность как владение знаниями и умениями, необходимыми для ухода за ребенком), а так же регуляционный (саморегуляция женщины во время беременности и при взаимодействии с родившимся ребенком) [Гурьянова, 2005].

Несмотря на разработанность феномена в научных кругах, в социальном плане проблема негативных последствий психологической неготовности к материнству во многих аспектах остается нерешенной. Так, одной из них является девиантное поведение матери, которое не способствует сохранению здоровья ребенка, а наоборот, нарушает и затрудняет нормальный процесс его развития. Наибольшую распространенность в современных условиях приобретают такие формы девиаций материнского поведения как отказ от ребенка, жестокое обращение с ним, регулярное прерывание беременности, незапланированная беременность в раннем возрасте и, напротив, сознательное откладывание беременности на поздний возраст.

В литературе выделяется ряд факторов, способствующих формированию девиантного поведения матери [Гурылева, 2019; Ермолова, 2019; Николаева, 2015]. При этом отмечается, что некоторые его формы, в том числе отказ от рождения или воспитания ребенка, фиксируются у социально и экономически благополучных женщин, не демонстрирующих девиаций иного рода по типу аддиктивного или суицидального поведения. В этой связи возникает вопрос о связи склонности к различного рода отклоняющегося поведения женщины с ее отношением к материнству, особо актуальный в молодежной среде. С целью проверки гипотезы о наличии корреляции психологической готовности девушек к материнству с риском девиации было предпринято эмпирическое исследование, задачами которого выступили выявления группы риска девиантного поведения с последующим анализом

специфики сформированности компонентов готовности к рождению будущего ребенка (согласно подходу Т.А. Гурьяновой).

В исследовании приняли участие 100 студенток КГПОУ «Алтайская академия гостеприимства» (возраст 17-18 лет). В качестве методов использовались анкетный опрос (включая авторские анкеты для выявления готовности к материнству Р.В. Овчаровой), психодиагностическое тестирование (методика Ю.Ф. Лахвич «Мотивация родительства», опросник для выявления склонности к различным формам девиантного поведения «ДАП-П»), методы математико-статистической обработки данных (корреляционный анализ, U-критерий Манна-Уитни).

В результате использования опросника «ДАП-П» из общей выборки были выделены две группы девушек по 30 человек каждая: с высоким и низким уровнем показателей склонности к девиантному поведению, включая аддиктивное и делинкветное поведение, а так суицидальную предрасположенность. Далее сравним показатели психологической готовности к материнству данных групп.

Так, согласно полученным данным, респонденты демонстрируют разный уровень психологической готовности к материнству во всех сферах (рис 1).

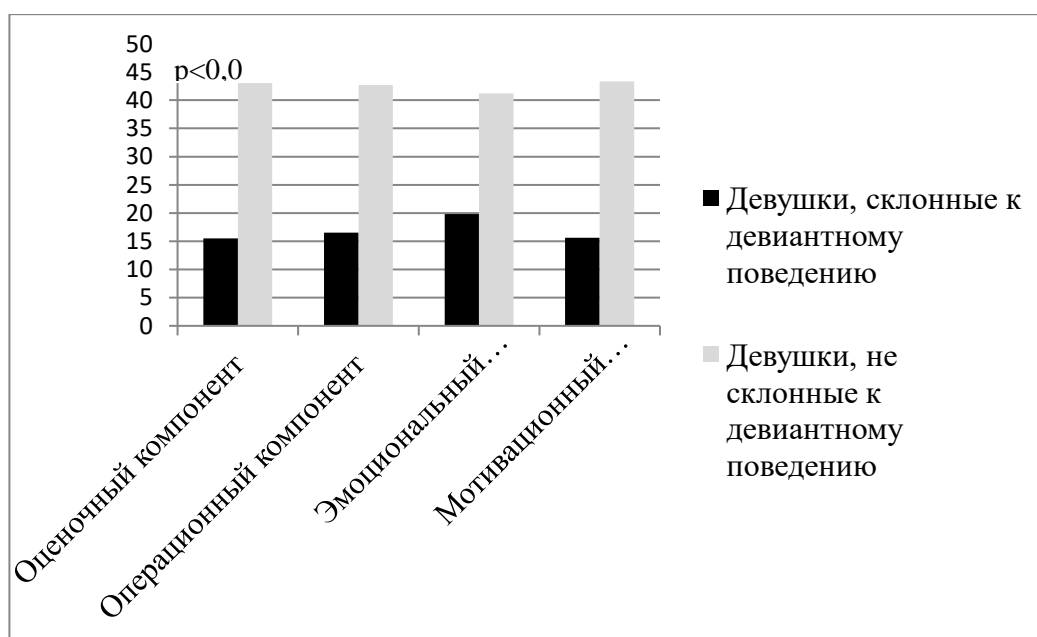

Рис. 1. Анализ различий компонентов психологической готовности к материнству у девушек, склонных и не склонных к девиантному поведению

Результаты, представленные на рисунке показывают, что у склонных к девиациям девушек 17-18 лет выявлен низкий уровень психологической готовности к материнству по всем компонентам, выделенным Т.А. Гурьяновой (оценочный, операционный, эмоциональный, мотивационный).

Обратимся к анализу достоверности различий, полученных данных (табл.1).

Таблица 1

Различия компонентов психологической готовности к материнству у девушек, склонных и не склонных к девиантному поведению

	оценочный компонент	операционный компонент	эмоциональный компонент	мотивационный компонент
U Манна-Уитни	0,000	30,000	129,000	4,000
W Вилкоксона	465,000	495,000	594,000	469,000
Z	-7,331	-7,169	-4,775	-6,606
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	,000	,000	,000	,000

Группирующая переменная: склонность к девиантному поведению

Анализируя особенности операционного компонента психологической готовности к материнству можно заключить, что девушки, склонные к делинкветному и аддитивному поведению, либо имеющие высокий уровень суицидального риска, менее ориентированы на рефлексии своей подготовленности и соответствия себя в роли матери ($p < 0,001$). Это доказывает, что вопросами материнства они в данный момент не интересуются, она является в данный момент для них неактуальной (таблица 1).

Операционный компонент у данной группы респондентов так же не сформирован. Они видят для себя мало возможностей в достижении материнской компетентности, не владеют знаниями, способами и навыками, необходимыми для ухода за будущим ребенком ($p < 0,001$). Можно заключить, что в случае появления ребенка, склонные к девиантному поведению девушки не смогут о нем позаботиться. Кроме того, выявлено преимущественно негативное эмоциональное восприятие материнства ($p < 0,001$). При оценке этого явления у них преобладает отрицательный фон настроения, беременность и рождение ребенка представляется как дискомфортные состояния, сопровождающиеся нежелательной повышенной нагрузкой.

Согласно данным относительно содержания мотива рождения ребенка, у девушек группы риска девиантного поведения отмечается низкий уровень мотивации материнства, у них отсутствует желание иметь детей ($p < 0,001$). Для сравнения нужно отметить, что у девушек данного возраста без склонности к девиациям фиксируются мотивы, направленные на рождение ребенка, принятия ответственности за его воспитание.

Применение корреляционного анализа комплексно по всей выборке позволило выявить взаимосвязь готовности к материнству с риском девиантного поведения. Установлено, что общий показатель склонности студенток к различным девиациям отрицательно коррелирует со всеми

компонентами психологической готовности к материнской роли. Так, предрасположенность девушек к девиантному поведению сопровождается низким уровнем рефлексии своей подготовленности к роли матери ($r=-0,662$; $p<0,001$), неразвитостью мотивации рождения детей ($r=-0,578$; $p<0,001$) и материнской компетентности ($r=-0,661$; $p<0,001$), преобладанием отрицательных эмоций относительно возможного материнства ($r=-0,664$; $p<0,001$). Соответственно, в случае тенденции к снижению риска девиаций, у девушек наблюдается повышение всех показателей психологической готовности к предстоящему материнству.

Проведем анализ взаимосвязи отдельных выявленных форм девиантного поведения и подготовленности к рождению детей опрошенных студенток. Установлено, что, как и в случае с общей склонностью к девиации, каждая из таких форм как делинквентное, аддиктивное и суицидальное поведение сопровождаются неразвитостью операционального, оценочного, эмоционального и мотивационного компонентов психологической готовности к материнству ($p<0,001$). При этом интенсивность взаимосвязи различается. Аддиктивное поведение девушек в большей степени сочетается со снижением рефлексии себя в роли матери ($r=-0,644$; $p<0,001$), что является вполне закономерным, так как тенденция к уходу от внешнего мира и от реальности, посредством зависимости (наркомания, алкоголизм, переедание) способствует к избеганию вопросов о будущем материнстве. Делинквентное поведение интенсивнее всего связано с неразвитостью у студенток эмоционального компонента психологической готовности к материнству матери ($r=-0,644$; $p<0,001$). Это объясняется тем, что основой данной девиации выступает психический инфантилизм, проявляющийся в эгоцентризме, склонности к резким колебаниям настроения и выраженным аффективными реакциям, неумении прогнозировать возможные нежелательные события, который способствует фиксации девушек на удовлетворении собственных потребностей, а возможность рождения ребенка в этой ситуации воспринимается как непреодолимая преграда для достижения удовольствия. В свою очередь, склонность к суицидальному поведению примерно в равной степени взаимосвязана со всеми показателями психологической готовности к материнству. Следовательно, в случае высокой вероятности совершения самоубийства, наличия мотивов и мыслей суицидальной направленности, у девушек слабо развита мотивация к рождению детей, это событие воспринимается негативно, они не задумываются о материнстве, не рефлексиируют на эту тему и не имеют знаний и навыков относительно воспитания ребенка.

Таким образом, можно заключить, что проблема психологической готовности к материнству девушек, склонных к девиантному поведению, стоит достаточно остро, особенно если принимать во внимание наличие высокого риска незапланированной беременности, а впоследствии к аборту, отказу от ребенка или к его отвержению и неадекватному воспитанию, именно

для данной группы. Следовательно, профилактика девиантного материнства в студенческой среде должна сопровождаться комплексом мер, направленных как на снижение риска общей девиации, так и на целенаправленную психологическую подготовку к рождению ребенка, специфичную для девушек со склонностью к аддиктивному, делинкветному или к суицидальному поведению.

Список литературы

1. Брутман В.И., Варга А.Я., Хамитова И.Ю. Влияние семейных факторов на формирование девиантного поведения матери // Психологический журнал. 2000. № 2. С. 79–87.
2. Гурьянова Т.А. Психологическая готовность к материнству как динамическое структурно-системное образование // Ползуновский вестник. 2005. №3. С. 35-44.
3. Гурылева Л.В., Гаврилушкина С.А., Кабальдина Т.В., Николаева И.А. Феноменологический анализ переживания беременности у женщин, склонных к девиантному поведению // Человеческий капитал. 2019. № 8. С. 155-163.
4. Демина А.С. Психологическая готовность к материнству в период ранней взрослости // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. №4 (56). Т. 2. С. 88-92.
5. Ермолова Т.В., Иволина Т.В., Дедова О.В., Литвинов А.В. Проблема дисфункционального материнства в новейших зарубежных исследованиях // Современная зарубежная психология. 2019. Том 8. № 4. С. 25—37.
6. Жупиева Е.И. Психологическая готовность к материнству у девушек из неполных семей // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 6-1. С. 101-110.
7. Мещерякова С.Ю. Психологическая готовность к материнству // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 18-28.
8. Николаева Т.А. Феномен девиантного материнства в современном социуме: мифы и реальность // Science Time. 2015. № 4 (16). С. 552–556.
9. Филиппова Г.Г. Психология материнства. - М.: Издательство Института Психотерапии, 2002. - 239 с.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflict of interests.

ДЕТСКАЯ АГРЕССИВНОСТЬ В ОПТИКЕ МИКРОПСИХОАНАЛИЗА

С. А. Завражин
(Владимир, Россия)

Об авторе: *Завражин Сергей Александрович*, профессор Владимирского государственного университета им. Александра и Николая Столетовых, доктор педагогических наук; zavragin-sa@yandex.ru

Аннотация. В статье эксплицирован оригинальный взгляд основателя микропсихоанализа Сильвио Фанти на природу человека, сущность человеческой деструктивности, зарождение и становление агрессивных тенденций на ранних этапах личностного развития.

Ключевые слова: Сильвио Фанти, микропсихоанализ, пренатальный период, агрессивность, воспитание, коррекция детской агрессии

CHILD AGGRESSIVENESS IN THE OPTICS OF MICROPSYCHOANALYSIS

Professor Strgey A. Zavrazhin
(Vladimir, Russia)

Annotation. The article explicates the original view of the founder of micropsychoanalysis Silvio Fanti on the nature of man, the essence of human destructiveness, the origin and formation of aggressive tendencies at the early stages of personal development.

Keywords: Silvio Fanti, micropsychoanalysis, prenatal period, aggressiveness, upbringing, correction of child aggression.

На протяжении многих лет в зарубежной и отечественной науке сложилась тенденция рассматривать детерминацию и смыслы агрессивного поведения человека в контексте его постнатального развития. Наиболее влиятельные концепции агрессии (психоаналитическая, этологическая, архитектурная, эгопсихологическая, фрустрационная, социального научения, когнитивная, социобиологическая, культурно-историческая и др.) в целом отрицают существование психического и, соответственно, какой-либо

агрессивной мотивации, до рождения. Одним из первых, кто стремился связать возникновение первичных агрессивных импульсов с пренатальным периодом онтогенеза, был выдающийся швейцарский психиатр Сильвио Фанти (1919 – 1997).

Он разработал теорию и практику микропсихоанализа, используя достижения классического психоанализа, философии буддизма, квантовой физики, клеточной биологии, генетики, когнитивных наук.

Ключевую роль в теоретических построениях Фанти играет концепт Пустоты. Он полагал, что Пустота в структурном плане состоит из элементарной, нейтральной, нецеленаправленной, по своей сущности, энергии. Пустота является аутентичным источником жизни. Жизнь как органическое начало начинается из Пустоты как неорганического континуума и возвращается в неё. Человеческое существование «представляет собой протекающий в пустоте электро-химико- электрический процесс» [1, с.34].

Сам человек как биологический организм соткан, согласно Фанти, в основном из пустот. Кроме биологической пустоты, ученый выделяет и психическую, репрезентацией которой являются, например, паузы в диалоге, а также сновидения.

С точки зрения микропсихоанализа, пустота – это континуум бытия-деяния. Человек существует через пустоту (ДНВ) и самореализуется посредством деяния (ИДЭ). Истинные причины деяний (поступков) находятся не в «Оно», как постулируется в классическом психоанализе, а в биологической и психической пустоте.

В учении Фанти феномен ИДЭ возникает до появления Человека и имеет несколько семантических оттенков. Швейцарский психиатр определяет его как всемогущее и всесоздающее начало, как единственный инстинкт, как динамический импульс «всевозможного», как инстанцию энергетической организации пустоты.

Именно благодаря ИДЭ, утверждает Фанти, человек – существо нечеловеческого происхождения. Его нельзя определить, как делают генетики, суммацией генов. Он представляет собой совокупность идэических возможностей, которые образуют идэическую наследственность. В свете её существования человек принципиально не отличается ни от своих предков, ни от своих детей [1, с. 63-70].

Исходя из данных допущений, Фанти ставит под сомнение результативность какого-либо родительского воспитания, усилий общества, направленных на социализацию подрастающего поколения, и шире – на улучшение человеческой природы. Заметим, что критичный взгляд на возможности семейного и социального воспитания, высказанный Фанти, перекликается с позицией его более известного соотечественника – К.Г. Юнга, который заявлял, что если бы не существовало коллективного бессознательного, как невидимого инструмента, неодолимо влияющего сквозь

пространство и время на установки и поведение каждого, то проблему совершенствования человека можно было решить путем воспитания [2, с. 236].

В формате микропсихоанализа важное значение придаётся и концепту Попытка, трактуемого как непосредственное производное ИДЭ, ее психоматериальная актуализация, которая происходит в трех видах деятельности: сновидениях, агрессивности и сексуальности.

В интерпретации природы человеческой агрессивности С. Фанти стоит ближе всего к мнению Э. Фромма, дифференцирующего, как известно, злокачественную агрессивность (деструктивность) – страсть к уничтожению – и доброкачественную, оборонительную, нацеленную на выживание. Однако в отличие от Фромма, который человеческую агрессивность в целом выводит из деструктивных условий бытия, Фанти рассматривает её как неумолимый закон ИДЭ, заставляющий Homo Sapiens помимо своей воли испытывать компульсивное желание уничтожения других и себя, подчиняясь зову Пустоты. Как видим, Пустота у Фанти заняла место Танатоса у Фрейда. Само же фрейдовское представление об агрессии как инстинкте Фанти не устраивает. Он настаивает, что ИДЭ – это не агрессивный инстинкт, а агрессия – это проявление универсальной идэической деятельности, а не влечение; основным же антропологическим измерением человека, как существа противоречивого, сотканного из начал Добра и Зла, является жажда убивать, от которой он не в состоянии избавиться через культурные запреты, так как она «противоречит типичному идэическому желанию» [1, с. 198].

С. Фанти, полемизируя со всеми психоаналитиками, гипотезирует наличие особого вида агрессивности – эмбриональной – нацеленной на будущую мать. Ее первичной реакцией в отношении плода является его отторжение. Ни о какой гармонии между матерью и ее плодом говорить не приходится, ровно наоборот - с момента зачатия до появления на свет они находятся в стадии перманентной вражды, которую ученый называет маточной войной. Именно отсюда берут начало, по убеждению Фанти, нередко встречающиеся проявления неодолимой ненависти к матерям.

Фанти доказывает, что обнаруженный Анной Фрейд в фаллической стадии психосексуального развития такой защитный механизм как идентификация с агрессором формируется гораздо раньше: он закладывается на клеточном уровне и уже характерен для плода [1, с. 181].

В микропсихоанализе состояние эмбриона, связанное с неуверенностью существования, постоянным страхом небытия из-за маточной войны, выступает первоисточником известного специалистам синдрома брошенного ребенка. В широком смысле каждый ребенок, свидетельствует Фанти, является брошенным по причине отчаянной борьбы за выживание [1, с. 183].

Сам факт рождения оценивается в микропсихоанализе не как первичная и фундаментальная угроза жизни, самое масштабное травматическое событие, триггер всей последующей личностной психодинамики (Отто Ранк), а скорее,

как временная передышка, «перемирие» во взаиморазрушительных отношениях матери и ребенка.

После рождения они возобновляются, но в новой психосоциальной ситуации. Мать, пишет Фанти, наносит своему ребенку обиды с завидным постоянством и изощренным коварством. Эти обиды есть выражение ее пронизанной духом соперничества агрессивности, которая сопровождается чувством вины матери и создает предпосылки для развития у ребенка разного рода психопатологии [1, с. 184-187]. К матери восходит, по мысли ученого, любое индивидуальное и коллективное преступление, масштаб которого пропорционален величине неудовлетворенной любви, испытываемой в пренатальный период или в раннем детстве [1, с. 229].

Агрессивное отношение матери в своему грудному ребенку Фанти назвал «безумным присутствием», которое, будучи нарциссической проекцией ИДЭ, с одной стороны, приводит младенца в непосредственное и опасное соприкосновение с пустотой, а во-вторых, формирует у него систему энергетической защиты от нее. Балансируя между этими интенциями, ребенок развивает свои органы чувств, учится распознавать искусно замаскированные агрессивные намерения матери, одновременно оттачивая свои разрушительные побуждения. Тем самым в микропсихоанализе подчеркивается конструктивная роль агрессивности в психосоциальном развитии как эпифеномене влечения к смерти. Здесь уместно заметить, что в понимании влечения к смерти как источника жизни, а влечения к жизни как варианта влечения к смерти, взгляды микропсихоанализа и классического психоанализа сближаются [1, с. 88-93].

Анализируя причины усиления агрессивного драйва на ранних этапах развития, Фанти обращает внимание на роль в этом процессе так называемых «нормальных» родителей. Их «вклад» заключается, во-первых, в предъявляемых ребенку противоречивых требованиях, а во-вторых, во взаимной вражде родителей, от которой он, чтобы сохранить личную целостность и семейный союз, нередко прячется в душевном расстройстве [1, с. 193].

Опираясь на значительным клиническим материалом, Фанти приходит к неутешительному выводу, что у «человеческого существа не так много возможностей для того, чтобы катаболизировать скрытую ненависть, которая накопилась в нем в течение утробной и детской войн» [1, с. 194].

В пубертате появляется высокий риск кумуляции и перевода утробных и детских агрессивных фиксаций в самую радикальную форму – самоуничтожение. Самоубийство по Фанти – это попытка уничтожить гнетущий страх смерти через возвращение в Пустоту. В ходе практики микропсихоанализа повторяемая суицидентами фраза: «Нет ничего, ради чего стоило бы жить» трансформируется в иную: «Нет ничего, ради чего стоило бы покончить с собой» [1, с. 194-197].

Микропсихоанализ не предложил специальных методов коррекции агрессии в детском возрасте. На взгляд Фанти, в этом направлении допустимо использование заслуживших признание таких микропсихологических техник, как изучение личных и семейных фотографий с помощью лупы для фиксации мельчайших деталей лица, позы, жестов, мимики анализируемого и его родственников; исследование семейных дневников, переписки родственников; генеалогического древа. Весь этот материал позволяет точнее определить агрессивные идентификации, психодинамику агрессивного драйва, а значит, избежать повторения разрушительных паттернов.

Кратко очерченный в данной статье подход микропсихоанализа к источникам, движущим силам человеческой деструктивности, ее начальным этапам развития, по нашему мнению, заметно обогащает методологию превентивной педагогики и психологии, раскрывает некоторые возможности его прикладного использования в профилактике и коррекции ранних форм разрушительной активности растущей личности.

Список литературы

1. Фанти С. Микропсихоанализ / С. Фанти. Пер. с итальянского Н.Н.Шостаковой. Науч. ред. Б. Марци. – Москва, 1995. 354 с.
2. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени / К.Г. Юнг. Пер. с нем. А.М.Боковикова. Предисл. А.В. Брушлинского. - Москва: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. 336 с.

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflict of interests.**

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПРИБОЩЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ, СТУДЕНТОВ И КУРСАНТОВ К НАРКОКУЛЬТУРЕ

А. С. Турчин
(Санкт-Петербург, Россия)

Об авторе: *Турчин Анатолий Степанович*, академик Международной академии образования, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и

Аннотация: в статье приводятся данные о психологической детерминации возникновения такого вида девиации как склонность к употреблению психоактивных веществ, и, как следствие, приобщению молодых людей к наркокультуре. Отмечено, что она представляет реальную опасность жизни и здоровью молодых людей безотносительно их социального статуса и требует организации систематического психологического сопровождения, а не разовых психопрофилактических мероприятий.

Ключевые слова: наркокультура, психоактивные вещества, девиантное поведение, психопрофилактика.

PSYCHOLOGICAL DETERMINATION OF INTRODUCING SCHOOLCHILDREN, STUDENTS AND CADETS TO DRUG CULTURE

Professor Anatoly S. Turchin

Abstract: the article provides data on the psychological determination of the occurrence of such a type of deviation as a tendency to use psychoactive substances, and, as a consequence, the introduction of young people to drug culture. It is noted that it poses a real danger to the life and health of young people regardless of their social status and requires the organization of systematic psychological support, and not one-time psychoprophylactic measures.

Keywords: drug culture, psychoactive substances, deviant behavior, psychoprophylaxis.

Введение. Одной из актуальных задач современной психологической науки является выяснение детерминации саморазрушающего поведения, как антитезы здорового образа жизни. Как правило, на очередные вызовы соматическому и психическому здоровью современная система образования реагирует с существенным запаздыванием. Это относится как к противодействию наркокультуре, так и к явной и скрытой агрессии в социальных сетях, направленной на размывание традиционных ценностей.

Целью статьи является обобщение опыта изучения детерминации такого вида девиации как склонность к употреблению психоактивных веществ молодыми людьми.

Исследовательские задачи: а) выяснение психологического механизма возникновения склонности к приему ПАВ; б) выявление предпосылок к данному типу девиации у учащейся молодежи.

Методологическими основаниями исследования выступили личностно-деятельностный подход, а также работы Ю.А. Клейберга [Клейберг, 2017] и А.Ш. Тхостова [Тхостов, 1993].

Курсанты, обучающиеся в вузах Росгвардии и получающие специальность военного психолога, в той или иной степени испытывают потребность в выяснении реальной детерминации девиантного поведения, поскольку с ним приходится сталкиваться не только при контакте с футбольными болельщиками или на несанкционированных акциях молодежи.

В процессе практик в войсковых подразделениях им приходится контактировать с военнослужащими по призыву, уровень осведомленности которых в степени угрозы со стороны наркокультуры фактически не отличается от того, который характерен для старшеклассников. В этой связи целесообразно рассмотреть причины сохранения интроекции наркомифов в период ранней юности, а также попытаться представить иную схему детерминации возникновения и развития соответствующей девиации, нежели принятой в массовой профилактической работе в образовательных учреждениях.

Опасность расширения пространства воспроизводства наркокультуры одинаково высока как для мегаполисов, так и для областных центров. Так, по данным Е. Дементьевой [Дементьева, 2018, с.20.], в конце второго десятилетия нового века наблюдался рост количества наркозависимых, а в Выборгском районе Ленинградской области по отношению к 10 тысячам жителей их доля приближалась к двум тысячам. Наркозависимые легко идут на совершение противоправных действий, в частности, в Красносельском районе Санкт-Петербурга в 2018 г. фиксировалось 209,9 преступлений на 10 тысяч жителей [Дементьева, 2018, с.20].

Хотя профилактика девиантного поведения, связанного с вовлечением в наркокультуру и ее пагубным влиянием на перспективы личности не является приоритетным направлением в служебной деятельности военнослужащих Росгвардии, в период получения высшего профессионального образования целесообразно знакомить их с психологическим механизмом возникновения наркозависимости, поскольку, по нашему мнению, одной из причин недостаточной эффективности принимаемых мер в отношении носителей данной субкультуры является реагирование по уже отмеченному факту. Последнее в теории обучения, базирующейся на методологических основаниях деятельностного подхода [Леонтьев, 2003; Тихомандрицкая, 1999; Л.А. Цветкова, 2011 и др.] обозначается как «ожидание ошибки» и «реагирование на ошибки». К сожалению, применительно к данному варианту девиации такой способ построения воспитательной работы обречен на неудачу, так как психологический механизм возникновения патологической зависимости существенно отличается от того, который лежит в основе обычной схемы мотивационного отношения к новому предмету [Березин, Лисецкий, 2000]. В этой связи и вариант профилактики, когда подросткам или старшим школьникам демонстрируют документальные фильмы с соответствующим сюжетом, блокируется интроекцией наркомифов. Более пространно об этом мы рассказывали ранее [Турчин, 2018]. Суть в том, что базовая реакция подростка (реакция эмансипации), опирающаяся на «чувство взрослости» прямо способствует возникновению явного или скрытого протестного поведения в отношении информации, транслируемой взрослыми эпизодически, в то время как «задачи возраста» подростку и старшему школьнику надо решать каждодневно.

Традиционная схема опредмечивания потребности, когда человек должен почувствовать нужду и осознать ее, проявить поисковую активность и путем перебора предметов выбрать тот, который сможет эту нужду удовлетворить, в большей степени относится к витальным или иным, так сказать, нормативным потребностным состояниям. В отношении приобщения к наркопотреблению трудно предположить, что подростки или юноши действительно сразу стремятся стать наркозависимыми. Есть замещающая потребность, чаще всего, это потребность в признании в группе сверстников или старших по возрасту. Для того, чтобы добиться подобного эффекта они готовы идти на рискованные для здоровья и самой жизни действия, поскольку их картина мира насыщена мифами (в том числе и наркомифами), а выполнять длительную работу по самосовершенствованию, развитию способностей и т.д. они не готовы.

Как правило, в подобной ситуации отрицательную роль играет медиатор (человек или группа с антиобщественной направленностью), стимулирующий девиантное поведение и способствующий интроекции наркомифов в содержание сознания потенциального потребителя (покупателя) психоактивных веществ (ПАВ). Он может прямо «указывать» предмет пока еще не к потребности, но достаточно быстро становящийся таким. После неоднократного приема ПАВ потребитель осознает наличие у себя патологической потребности, но уже ему трудно от нее отказаться, поскольку он сам попадает в некоторую «базу данных», выпасть из которой можно лишь, уехав «далеко и надолго», оборвав все связи с ближайшим окружением, что для молодых людей сопряжено с серьезными эмоциональными потрясениями. Если же такой шаг не сделан, то на следующем этапе возникает нужда в ПАВ, т.е. подлинная разрушающая здоровье человека зависимость.

При подобном понимании детерминации возникновения наркодевиации требуется иная организация психопрофилактической работы. Речь идет при этом практически о всех категориях подростков, старшеклассников и студентов (курсантов), поскольку ранее нами было отмечено, что в наркокультуру могут быть втянуты молодые люди из всех слоев населения, без различия пола, типа образования, семейного положения и т.д. Даже то, что их могут тестировать в обязательном порядке на склонность к употреблению ПАВ, как это есть в вузах силовых структур, не отменяет необходимости перехода к дозированному, но систематическому просвещению молодежи в состоянии старых и новых угроз их здоровью.

Безусловно, курсант или студент-психолог должны знать, как проникают в сознание наркомифы, какой вред приносят так называемые «легкие наркотики», разрешенные к открытому потреблению в ряде государств Западной Европы. В процессе преподавания ряда психологических дисциплин могут специально рассматриваться данные вопросы (общая психология, психофизиология, психология здоровья, педагогическая психология и др.), когда в ходе групповых и практических занятиях могут

выполняться соответствующие психодиагностические процедуры [Малюченко, Смирнов, 2006] или разрабатываться краткосрочные учебные проекты, направленные на психопрофилактику потребления ПАВ.

Процедура исследования и его результаты.

В нашем исследовании ранее было выявлено отсутствие существенных различий в отношении качеств, необходимых для противостояния ценностям наркокультуры как у старшеклассников, так и у студентов [Турчин, 2018]. При диагностике личностных свойств, а также системы ценностных ориентаций у тех и других отмечались такие их сочетания, как неустойчивость к манипулятивному воздействию со стороны личности и группы, низкая самооценка и средняя выраженность волевых качеств. Для первокурсников при в целом позитивной структуре социальных ценностей (милосердие и помощь людям), характерно стремление к приятному времяпровождению и отдых (на одинаковом уровне значимости). По тесту Г.Н. Малюченко [Малюченко, Смирнов, 2007] зафиксировано недостаточно критичное отношение к ценностям наркокультуры, а также потенциальная уязвимость к восприятию наркомифов и действию скрытой рекламы ПАВ. Последнее свидетельствует о необходимости существенной перестройки системы психопрофилактики такого вида девиации, как склонность к употреблению ПАВ.

Выводы.

В качестве итога можно отметить, что современная молодежь, обладающая социально-психологическими качествами, провоцирующими девиантное поведение, нуждается не в разовых акциях демонстративного характера, а в комплексном психологическом сопровождении, способствующем адаптивности к новым пространственно-временным характеристикам образовательной среды вуза, а также обогащению содержания их общественной и культурно-досуговой деятельности.

Список литературы

1. Березин С.В., Лисецкий К.С. Психология ранней наркомании. - Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С. 22.
2. Дементьева Е. Питерская дурь // МК в Питере. 2018. 13–20 июня. С. 20.
3. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения: учебник и практикум для вузов. – 5-е изд., перераб. и доп. / Ю. А. Клейберг. - М.: Издательство Юрайт, 2017. - 290 с. – Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс.
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла: Природа, строение и динамика смысловой реальности: учебное пособие для студентов вузов. 2 изд., испр. и доп. - М.: Смысл, 2003.
5. Малюченко Г.Н., Смирнов В.М. Социально-психологический анализ целостных представлений о мире. - Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006.

6. Тихомандрицкая О.А., Дубровская Е.М. Особенности социально-психологического изучения ценностей как элементов когнитивной и мотивационно-потребностной сферы (Методические аспекты) // Мир психологии. 1999. № 3. С. 80–90.

7. Турчин А.С. Ценности здорового образа жизни и противодействие наркокультуре как задачи психологического сопровождения в обучении и воспитании курсантов военной образовательной организации высшего образования войск национальной гвардии // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2018. № 2 (3). URL: <http://vestnik-spvi.ru/2018/06/016.pdf> С.67-72.

8. Турчин А.С., Турчин Д.А. Особенности восприятия скрытой рекламы наркосодержащих веществ студентами / Векторы развития современной России: научное знание в контексте современности: Материалы IX Международной научно-практической конференции (2–3 апреля 2011 года). - М.: МВШСЭН, 2011. С. 277–283.

9. Тхостов А.Ш. Болезнь как семиотическая система // Вестник Моск. ун-та. Сер.14. Психология. 1993. №1. С.3-16.

10. Цветкова Л.А. Социальная психология наркотизма в студенческой среде: автореф. ... д-ра психол. наук: 19.00.05. - СПб, 2011. 41 с.

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflict of interests.**

ПРОБЛЕМА АДДИКТИВНОГО ВЛЕЧЕНИЯ В ДЕВИАНТОЛОГИИ И ЕГО ПРОФИЛАКТИКА

И. В. Семеняк, Р. В. Ершова, С. Ю. Абайкина
(Коломна, Россия)

Об авторах: *Семеняк Иван Владимирович*, преподаватель кафедры психологии Государственного социально-гуманитарного университета, Коломна; *Ершова Регина Вячеславовна*, доктор психологических наук, профессор, профессор Государственного социально-гуманитарного университета, Коломна. E-mail: erchovareg@mail.ru; *Абайкина Светлана Юрьевна*, психолог Реабилитационного центра (филиала) Московского научно-

Аннотация. В данной работе рассматриваются основные теоретические подходы к феномену аддиктивного влечения и его профилактики. Делается вывод о том, что на данный момент существует проблема объяснения феномена аддиктивного влечения. Аддиктивное влечение выступает одним из важнейших критериев рецидива зависимого поведения и представляет собой наиболее подходящую мишень профилактики аддикций.

Ключевые слова: аддикция, аддиктивное влечение, аддикт, девиантное поведение, профилактика.

THE PROBLEM OF ADDICTION IN DEVIANTOLOGY AND IT'S PREVENTION

Ivan V. Semenyak, Professor Regina V. Ershova,
Svetlana Yu. Abaykina
(Kolomna, Russia)

Введение. Научные исследования девиантного поведения как психологического феномена и его типов за последние 50 лет широко представлены в российской и зарубежной научной литературе. Исследования в области девиантологии и психологии девиантного поведения сохраняют свою актуальность в настоящее время, а теоретические и эмпирические результаты исследований используют психологи, медицинские психологи, аддиктологи, наркологи, психиатры, юристы, социологи и другие специалисты в области девиантологии. Одним из доминирующих интересов в области девиантологии выступает направление по профилактике данного вида поведения личности.

По мнению Ю.А. Клейберга «девиантное поведение – это специфический способ изменения социальных норм и ожиданий посредством демонстрации личностью ценностного отношения к ним с использованием характерного для конкретного вида девиантного поведения сленга, стиля, символики, моды, манеры, поступка и т.п. [4]. Само девиантное поведение будет выступать средством достижения значимой цели, способом психологической разрядки, замещением блокированной потребности, переключением деятельности, удовлетворением потребности в самореализации и самоутверждении» [Цит. по: 8, с. 91-92]. Само девиантное поведение подразделяется на негативное (употребление психоактивных веществ, далее по тексту – ПАВ, совершение преступлений); позитивное (социальное творчество); социально-нейтральное (попрошайничество) [4].

Аддиктивное поведение. По мнению отечественного ученого В.Д.Менделевича, девиантное поведение (в зависимости от способов взаимодействия с реальностью и нарушения тех или иных норм общества) можно классифицировать на делинквентное, в крайних своих проявлениях

представляющее уголовно-наказуемое деяние; аддиктивное, когда формируется стремление к уходу от реальности посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных видах деятельности с целью развития и поддержания интенсивных эмоций; патохарактерологическое, обусловленное паталогическими изменениями характера, сформировавшимися в процессе воспитания; психопатологическое, основывающееся на психопатологических симптомах и синдромах – проявлениях тех или иных психических расстройств и заболеваний; на базе гиперспособностей, то есть способностей, которые значительно превышают среднестатистические [11; 13].

Стоит отметить, что для современного развития девиантологии характерно отсутствует единый подход к классификации видов девиантного поведения. В нашей работе мы сделали акцент на негативной форме девиантного поведения – аддиктивном (зависимом) поведении. Аддиктивное поведение является одним из наиболее распространенных вариантов девиантного поведения. «Аддиктивное поведение выражается в стремлении к уходу от реальности посредством изменения своего психического состояния, что достигается различными способами: фармакологическими (прием веществ, воздействующих на психику) и нефармакологическими (сосредоточение на определенных предметах и активностях, что сопровождается развитием субъективно приятных эмоциональных состояний» [Цит. по: 10, с. 51]. Сам термин «аддикция» (синдром зависимости), используемый для обозначения наиболее тяжелой формы расстройства употребления ПАВ, обозначает хроническое рецидивирующее заболевание, которое проявляется в компульсивном поиске и употреблении ПАВ, потере контроля при попытке сократить употребление и развитии негативного эмоционального состояния при внезапном прекращении или лишении доступа к ПАВ» [1, с.53].

Американский психиатр Р. Браун (1993) сформулировал шесть универсальных для всех вариантов аддикции компонентов: *salience* (особенность, «сверхценность»), *euphoria* (эйфория), *tolerance* (рост толерантности), *withdrawal symptoms* (симптомы отмены), *conflict* (конфликт с окружающими и самим собой), *relapse* (рецидив) [9, с.15].

Согласно критериям Р. Брауна (1993), для аддикции характерен рецидив, то есть рецидив девиантного поведения. Следовательно, главная проблема аддиктивной формы девиантного поведения – это рецидив.

Рецидив является серьезной проблемой в лечении всех расстройств поведения человека. Рецидив – это многофакторное явление, которое, скорее всего, является результатом сочетания различных факторов биологической, психологической, социальной природы. Переменные, связанные с рецидивом, также включают индивидуальные характеристики пациента, аддиктивный потенциал ПАВ, факторы окружающей среды. Лица с аддиктивным поведением регулярно сталкиваются с побуждениями, сигналами и

автоматическими мыслями относительно неадаптивного поведения, которое они пытаются изменить.

Опыт реабилитации пациентов наркологического профиля в условиях стационарной формы реабилитации и их мониторинг на амбулаторных программах выявляет проблему рецидивного процесса у данной категории пациентов. К основным причинам отказа от прохождения курса реабилитации и рецидива после ее завершения выступает феномен влечения аддикта (лица зависимого от химического или поведенческого аддиктивного агента, обладающего определённым аддиктивным потенциалом) к аддиктивному агенту. Данная проблема выступает одной из причин возвращения аддикта к девиантному поведению. В настоящее время в научной литературе используются различные синонимические названия этого критерия зависимого поведения: «тяга», «патологическое влечение», «аддиктивное влечение», «крейвинг». В нашей работе мы будем использовать термин, чаще всего встречающийся в психологической литературе по данной теме: «аддиктивное влечение».

Аддиктивное влечение. Аддиктивное влечение считается клинически важным явлением в структуре зависимого поведения и позволяет прогнозировать рецидив, а, следовательно, представляет собой цель для фармакотерапии, психокоррекции и психотерапии [17]. Данный критерий зависимого поведения выступает одним из критериев алкогольной и наркотической зависимостей. Поэтому аддиктивное влечение может выступать доминирующим фактором, приводящим к рецидиву зависимого поведения и сопутствующих ему девиантных проявлений: преступления, проституции, распространения наркотиков, агрессивного поведения. Как показывает практика, рецидив наиболее вероятен в начальном периоде воздержания от ПАВ, поэтому целесообразна длительная реабилитация лиц с зависимым поведением, однако сохранение вероятности рецидива сохраняется на всей протяжённости жизни аддикта и «никогда не достигает нуля» [1, с. 54].

В статье мы рассмотрим различные теории и модели, связанные с данным явлением, рассмотрим его виды и типы, систематизируем основные методы психокоррекции и психотерапии аддиктивного влечения.

Можно сделать вывод, что признание аддиктивного влечения в качестве основного фактора риска возвращения к употреблению ПАВ после лечения и реабилитации от зависимости имеет важное значение для обеспечения надлежащих и своевременных вмешательств во время наивысшего риска рецидива.

Методологическим основанием рассмотрения аддиктивного влечения как причины рецидива аддиктивного/девиантного поведения выступает предложенный Ю.А. Клейбергом системный подход в девиантологии. «Системная девиантология открывает перспективы для дальнейшей институционализации девиантологии, а исследовательские данные этой науки приобретают общезначимый характер, что, несомненно, способствует

появлению новых теоретических подходов, концепций и парадигм, подкрепленных полезными эмпирическими исследованиями» [Цит. по: 5, с. 134-138].

Концепция аддиктивного влечения формируется в научном сообществе уже на протяжении нескольких столетий. Так Kerr (1889) определял аддиктивное влечение, как «жажду страшного напитка», приводя аналогию с мифом о Тантале, где провоцируется жажда, которую он никогда не сможет утолить [15]. Стоит также отметить, что с 1936 года в литературе анонимных алкоголиков уделяется значительное внимание аддиктивному влечению как проблеме рецидива зависимости от алкоголя. Эксперты Всемирной организации здравоохранения уже в 1955 году (Jellinek et al, 1955) рассматривали данный критерий как основу возникновения зависимости, чрезмерного употребления алкоголя, потери контроля и рецидива [15]. Аддиктивное влечение впоследствии вошло в Международную классификацию болезней как ключевой симптом алкоголизма и наркомании.

В отечественной литературе принято разграничивать два типа аддиктивного влечения первичное и вторичное: в основе первичного аддиктивного влечения лежит психологическая зависимость («психологической зависимостью называется эмоциональное состояние, характеризующееся ощущением настоятельной тяги к наркотику либо для получения эффекта, связанного с его употреблением, либо для снятия негативных ощущений, связанных со злоупотреблением им» [Цит. по: 7, с. 132], а вторичное аддиктивное влечение формируется под воздействием абстинентного синдрома (комплекс вегетативных, болевых, соматических, неврологических, психических и психопатологических нарушений, возникающих у аддиктов за прекращением употребления ПАВ [14, с. 3.; 9, с. 330].

В реабилитационной литературе для зависимых лиц выделяют несколько видов аддиктивного влечения: прямое, ассоциативное, скрытое. Прямое аддиктивное влечение – аддикт испытывает желание употребить ПАВ для снятия синдрома отмены (абстинентного синдрома). Ассоциативное аддиктивное влечение – доминируют симптомы психологической зависимости, выражающиеся на когнитивном уровне мыслями, воспоминаниями, антиципацией употребления, смакованием прошлых эпизодов употребления. Скрытое аддиктивное влечение трактуется как неосознанное влечение к употреблению, когда человек не может определить причину своего психологического дискомфорта и способы его устранения. В такой ситуации аддикт выстраивает свое поведение таким образом, что он сталкивается с триггерами (местом, социальным окружением, деньгами), провоцирующими его на рецидив.

В настоящее время существует довольно большое количество работ, посвященных проблеме аддиктивного влечения, что отражает научный интерес к проблеме зависимого поведения. По нашему мнению, в данный

момент наиболее полно описаны теории и модели аддиктивного влечения в работе М.А. Михайлова (2017), где он выделяет *биологические теории, психобиологические теории, психологические теории, поведенческие теории патологического влечения* (Lang A., 1995), *теории поведенческого выбора* (Ainslie G., 1992, 2001; Herrnstein R.J., Prelec D. 1992; Orford J., 2001; Rachlin H., 2000; Vuchinich R., Tucker J., 1998 и др.); *мотивационные теории патологического влечения и теории удовлетворения потребностей* (Breiner M. et al., 1999; Skinner M.D., Aubin H.J., 2010; West R., 2006, Асмолов А.Г., 1979; Братусь Б.С., 1984, 1988; Завьялов В.Ю., 1988, 1993; Леонтьев А.Н., 1975; Ломов Б.Ф., 1984; Рубинштейн С.Л., 1946; Allport G., 1937 и др.); *когнитивные теории патологического влечения с акцентом на когнитивные механизмы с мотивационно-потребностными или психобиологическими подходами* (Adinoff B. et al., 2007; Baker T., Morse E., Sherman J. , 1986, 2004; Beck T. et al., 1993; Eissenberg T., 2004; Redish A.D. et al., 2008; Tiffany S.T., 1990, 1999); *психоаналитические теории патологического влечения* (Вермсер Л., 2004; Херст Д., 2000; Abraham K., 1927; Farber L.H. , 1976; Ferrenczi S., 191; Rado S., 1926, 1933; Автономов Д.А., 2009, 2010, 201; Фенихель О., 2004 и др.); *психопатологический подход в понимании аддиктивного влечения* [12].

Отдельно можно выделить гендерные особенности патологического влечения: аддиктивное влечение, как и сама зависимость от ПАВ у женщин носит более патологический характер по сравнению с мужчинами; женщины статистически чаще и быстрее переходят на систематический прием наркотиков, минуя эпизодическое употребление, для них характерно интенсивное формирование психической зависимости от употребления ПАВ и компульсивное влечение, более редкая ремиссия и значительное нарастание психосоциальной дезадаптации по сравнению с мужчинами (Воецкая В.П., Гунченко Л.С. 1991; Генайло С.П., 1990; Генайло С.П. и соавт., 1988; Шипилов Ю.А., 1991; Юлдашев В.Л., 1990, 1997; Ellinwood E. H. et al., 1966; Hser Y. I. et al., 1987; Anglin M.D. et al., 1987; и др.) [12].

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время аддиктивное влечение является наиболее широко изученным и плохо понятым понятием в изучении зависимого поведения. А по мнению некоторых авторов, аддиктивное влечение является плохим предиктором рецидива (Kassel, Shiffman, 1992; Tiffany, Carter, Singleton, 2000), а другие (Drummond, Litten, Lowman, Hunt 2000) предположили, что субъективный опыт аддиктивного влечения не может напрямую предсказать употребление психоактивных веществ, но рецидив может быть предсказан по коррелятам и основным механизмам аддиктивного влечения [18, р. 224].

Следовательно, целью лечения лиц с аддиктивным поведением должна быть не детоксикация, а реабилитация и профилактика рецидива. Рецидив является серьезной проблемой для всех видов девиантного поведения. Аддикт как зависимая личность, проходящая лечение, реабилитацию, ресоциализации, сталкивается с побуждениями, сигналами и автоматическими

мыслями относительно своего зависимого поведения. Признание аддиктивного влечения к аддиктивному агенту в качестве основного фактора риска возвращения к употреблению ПАВ после лечения от зависимости имеет важное значение для обеспечения надлежащих и своевременных вмешательств во время наивысшего риска рецидива.

Для профилактики аддиктивного влечения необходимо использовать комплексный подход, включающий в себя психотерапевтический и психокоррекционный блок методов и технологий профилактики аддиктивного влечения; социальный блок профилактики социальных триггеров рецидива зависимого поведения (работа с семьей, профилактика созависимости, посещение групп само-и взаимопомощи с целью формирования социальной идентичности в 12-ти шаговой модели выздоровления, работа с социальным окружением и др.); медико-терапевтический блок, включающий в себя лечение аддикта, психофармакологическое вмешательство, медицинскую реабилитацию с использованием мультидисциплинарного подхода; уголовно-исполнительный блок, включающий в себя принудительное лечение и реабилитацию для наркозависимых лиц, работу по профилактике зависимого поведения со стороны сотрудников ФСИН, МВД и др.; социально-просветительский блок, включающий в себя первичную, вторичную и третичную профилактику зависимого поведения [6].

Методы и техники по профилактике аддиктивного влечения. Все методы и техники по профилактике аддиктивного влечения, используемые в практической работе с зависимыми лицами на базе Социально-психологической службы и Реабилитационного центра ГБУЗ «МНПЦ наркологии ДЗМ» г. Москвы, можно разделить на следующие категории:

1. Информирование и повышение уровня компетенции пациентов о феномене «аддиктивного влечения», его видах, способах профилактики и отслеживания посредством чтения лекций, раздачи наглядного материала, создания стенгазет и баннеров.

2. Выполнение психокоррекционных заданий с целью отслеживания триггеров аддиктивного влечения (в начале каждой сессии следует выделять хотя бы 20–30 минут для разбора выполненного задания с положительным подкреплением).

2.1. Функциональный анализ употребления ПАВ.

Триггер Что побудило меня употребить?	Мысли и чувства О чем думал? Что я чувствовал?	Поведение Что я делал?	Положительные последствия Что хорошего мне это дало?	Отрицательные последствия Что произошло плохого?

Дата / время	Триггер (ситуация) Мысли и чувства	Интенсивность влечения к наркотикам (от 1 до 100)	Продолжительность тяги (в минутах)	Как мне удалось справиться

Функциональный анализ срывов помогает идентифицировать совокупность триггеров, свои мысли и чувства в ситуации влияния триггера и последствия употребления ПАВ. Триггеры могут быть внешними (время суток, день недели (пятница), места (магазин, лесопарк, где было употребление ПАВ и поиск наркотика через «закладку»), внешний вид наркотиков или используемые при употреблении наркотиков инструменты (шприц, трубки), предложение употребить от наркоманов или алкоголиков; внутренние: эмоции (вина, злость, обида, радость, восторг, интерес и др.), личностные состояния (негативное мышление, депрессивное состояние, иллюзии контроля и др.), которые провоцировали употребление ПАВ у пациента до начала реабилитации.

2.2. Список мер по уменьшению доступа к ПАВ.

№	Источники приобретения наркотиков (люди, места, сайты и т. д.)	Шаги, которые мне нужно предпринять для того, чтобы уменьшить доступность наркотиков
1		

Составление списка мер по уменьшению доступа к ПАВ позволяет аддикту через самонаблюдение отслеживать источники приобретения ПАВ и выявлять связь между триггерами и мыслями с последующими выводами.

2.3. Анализ триггеров, тяги и сопротивления влечению к ПАВ

Данный анализ помогает отслеживать ситуативные триггеры, мысли и чувства, возникающие при этом, а также измерять интенсивность и продолжительность тяги с использованием инструментов и способов ее преодоления. Регулярное заполнение таблицы позволяет аддикту получить информацию по выявлению закономерностей в триггерах, о длительности аддиктивного влечения (оно не может длиться «вечно») и сформировать набор своих «уникальных» инструментов проработки данного патологического состояния. Полезным является совместный разбор и анализ заполненной таблицы со специалистом [2, с. 26–33].

2.4. *Список эпизодов рецидива.* Цель этого упражнения – помочь пациентам определить, что они делали и чего не делали, пытаясь воздержаться

от употребления алкоголя или наркотиков. Начав выявлять причины рецидива, пациенты начинают учиться переориентировать свое мышление на то, что они могут сделать, чтобы измениться. *Инструкции.* Попросите каждого пациента просмотреть рабочие листы этого упражнения в группе. Попросите группу задаться вопросом, что менялось (если менялось) после каждого эпизода рецидива, что было похоже каждый раз, и может ли пациент определить, почему попытки оставаться чистыми и трезвыми не увенчались успехом. Отталкиваясь от приведенных ниже примеров, проанализируйте и напишите каждый эпизод вашего рецидива с того момента, когда вы первый раз приняли решение не употреблять. Ошибочное убеждение, которое вызывает нелогичные мысли.

«Каждый мой поступок должен быть привлекателен для всех, я должен всем нравиться и т. д.». Вернуться к прежнему болезненному способу мышления, вызывающему чувство «Беспомощности, Отверженности, Никчемности». Заниматься компульсивным, саморазрушающим поведением как способом избегания чувств. «Результатом саморазрушающего поведения может быть, как преднамеренное, так и непреднамеренное нанесение вреда своему психическому и физическому здоровью, асоциальное и антиобщественное поведение, суицидальное поведение и т.д.». Искать ситуации с участием людей, употребляющих алкоголь и наркотики. «Опасные контакты». Оказаться в большей боли, мыслить менее рационально и вести себя менее ответственно «даже если я буду предпринимать попытки, лучше не станет, станет только хуже». Оказаться в ситуации, когда употребление наркотиков или алкоголя кажется логичным спасением от боли. «Если я сейчас употреблю, мне станет гораздо легче, я смогу прожить эти чувства только с помощью алкоголя или наркотиков». Проанализируйте, что общего между каждым эпизодом и к каким выводам вы пришли, и дайте этому определение [16].

2.5. Закономерность в рецидивах. 1. Подведя итог в упражнении «Список эпизодов рецидива», в рабочей тетради кратко изложите закономерность к возвращению употребления алкоголя или наркотиков. 2. В рабочей тетради напишите стратегии, которые Вы готовы применять для того, чтобы изменить привычный шаблон к возвращению употребления [16].

3. Методы и техники психокоррекционной работы:

3.1. Заключение контракта. Контракт – это устное или письменное соглашение между аддиктом и специалистом относительно планируемых изменений, описанное в поведенческих терминах. Цель контракта должна быть структурирована по времени, конкретна, реалистична, достижима и

приемлема для участников. Например, «Ходить на группы Анонимных наркоманов и отказаться от употребления на 90 дней».

3.2. *Техники «легализации».* Данная техника направлена на профилактику отрицания аддиктивного влечения и подтверждение аддиктом внутренней готовности признавать свою тягу к ПАВ с целью в дальнейшем открыто обсуждать ее со специалистом. С этой целью необходимо провести ретроспективный анализ последних двух-трех срывов и рецидивов с использованием таблицы «Функционального анализа употребления ПАВ».

3.3. *Техника «напоминания и поддержки».* Психокоррекционная работа заключается в поддержке аддикта на пути выздоровления. С этой целью используются лозунги сообществ Анонимные Алкоголики и Анонимные Наркоманы, групповая и индивидуальная поддержка со стороны референтной группы выздоравливающих зависимых и специалистов с использованием убеждения, внушения, индукции нового образа жизни.

3.4. *Техника работы с защитными механизмами.* Целью психокоррекционной работы является помощь в осознании аддиктивного влечения и бессознательных защитных механизмов личности, скрывавших переживание аддиктивного влечения от самого пациента. В рамках данного направления полезным будет информирование пациента о психологических защитах и их роли в поддержании зависимого поведения. Рекомендуется написание и разбор задания, связанного с приведением примеров использования психологических защит (отрицания, проекции, рационализации и др.) в процесс своего употребления. Для выявления доминирующих психологических защит целесообразно проведение диагностики. Например, с использованием опросника «Индекс жизненного стиля» (LSI) (Плутчик Р., Келлерман Х. и Конте Х. Р., 1979).

3.5. *Техники «нормализации».* Техника направлена на принятие аддиктом факта аддиктивного влечения через его поддержку со стороны специалиста. Основной посыл специалиста к пациенту выражен в двух фразах: «Аддиктивное влечение – это нормально» и «Аддиктивное влечение – это всего лишь симптом». Данный подход позволяет избавить аддикта от чрезмерного напряжения и негативного мышления, связанного с переживанием аддиктивного влечения.

3.6. *Техники «символизации».* Целью данной техники выступает подбор рисуночных техник, работ с образами, символами и написание метафорических писем при профилактике аддиктивного влечения. Пример: изобразить на бумаге цветными карандашами образ тяги к ПАВ, написать письмо тяге или от тяги себе и дать на него ответ. Задания нуждаются в последующем обсуждении и разборе.

3.7. *Выявление и уточнение ресурсов совладания с тягой.* Специалист просит пациента рассказать о том, что (или кто) помогает пациенту воздерживаться от употребления ПАВ. Рекомендуется узнать у пациента самые эффективные инструменты преодоления тяги и проранжировать их

эффективность по шкале от 1 до 10. Помимо этого, можно уточнить у пациента, о каких способах противостояния искушению он ещё знает (например, слышал о них от других людей, читал), но сам ими не пользовался. И какой способ (как думает сам пациент) ему точно не поможет. Подобная постановка вопросов может помочь лучше осознать и ассимилировать собственный опыт противостояния влечению к спиртному.

3.8. Техники отвлечения. Сутью является переключение внимания от возникшей тяги к ПАВ на что-либо другое, внешнее, находящиеся в среде. Например, на то, чтобы прицельно фиксировать свое внимание на «здесь и сейчас» и описывать то, что видишь и слышишь в деталях и максимально подробно. Другие варианты отвлечения включают в себя набор таких действий как: порадовать себя чем-то малым, поговорить с кем-либо, кому доверяешь, позвонить по телефону, сменить обстановку и выйти из ситуации, в которой возникло аддиктивное влечение, приступить к выполнению простых бытовых домашних дел, приготовить еду, убрать квартиру, почитать, переключится на серфинг в интернете, социальные сети, выйти на онлайн-группу и т. д.

3.9. Техника контроля триггеров. Специалист совместно с аддиктом исследует и выявляет опасные ситуации, а также просит оценить степень риска каждого конкретного триггера, составив индивидуальную карту ситуаций высокого риска, в которой каждому триггеру будет присвоен ранг опасности (например, красный, оранжевый или желтый). Пациенту дается домашнее задание, в котором он должен придумать и записать на листе бумаги или в своем смартфоне план, как он будет избегать воздействия каждого конкретного триггера с учетом степени угрозы, которую он несет.

3.10. Откладывание употребления ПАВ «на потом». Участники групп Анонимных Алкоголиков рекомендуют своим членам придерживаться т. н. «суточного плана», то есть положить конец бесперспективным клятвам и зарокам, «бросить пить навсегда», вместо этого решив не пить только предстоящие 24 часа («Только сегодня»). Специалист может ознакомить пациента с этой технологией, увещевая пациента не сдаваться и научиться «пережидать» свою тягу. Техника «откладывания влечения» отличается от практики принятия решения «выпить завтра», которую неосознанно используют некоторые пациенты в обстоятельствах, когда они хотят, но не могут позволить себе выпить. Сутью является именно откладывание, пережидание, без принятия решения обязательно выпить потом в качестве награды за вынужденное ожидание.

3.11. Техника подкрепления со стороны ближайшего окружения пациента. Вовлечение ближайшего окружения в рамках семейной и супружеской терапии специалистами с целью просвещения, информирования и психокоррекции созависимых отношений, но и обучение членов семьи технологиям заключения семейного и супружеского контракта с аддиктом,

распознавания признаков скрытой тяги к ПАВ у члена семьи, обучение корректного предложения своей помощи.

3.12 и другие техники [2, с.59–70].

Приведенные методы и техники профилактики аддиктивного влечения не исчерпывают весь арсенал специалистов. Важно понимать, что все приведенные методы необходимо использовать в комплексе с другими методами психотерапии, фармакотерапии и психокоррекции в процессе профилактики рецидива аддиктивного поведения с формированием у аддикта личной ответственности за свое выздоровление.

Заключение

Аддиктивное влечение выступает практической проблемой как для аддиктологов, психологов, врачей и других специалистов, работающих с аддиктами, так и для самих лиц, зависимых от употребления ПАВ. Существуют различные подходы к описанию критериев аддиктивного поведения и на сегодняшний день в научной литературе нет единого представления о данном феномене аддиктивного поведения. Исследования аддиктивного влечения продолжают сохранять свою актуальность. Для профилактики аддиктивного влечения и рецидива аддиктивного поведения необходимо использовать различные психотерапевтические, фармакологические, психокоррекционные методы и техники с учетом индивидуальных особенностей аддиктивной личности. Профилактика аддиктивного влечения выступает важным предиктором профилактики девиантного поведения.

Список литературы

1. Автономов Д. А. Когнитивная модель аддикции. Роль убеждений и ментальных образов // ББК 88.1 К57. – 2022. – С. 53–61.
2. Автономов Д. А., Дегтярева Т. П. Триггеры к употреблению ПАВ и методы психотерапии // Наркология. – 2016. – Т. 15. – №. 2. – С. 26–33.
3. Автономов Д. А., Дегтярева Т. П. Концептуализации аддиктивного влечения у пациентов с алкогольной зависимостью: методы оценки, диагностики и психокоррекционной работы // Наркология. ч. II. – 2016. – №. 4. – С. 59–70.
4. Клейберг Ю.А. Основы психологии девиантного поведения: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Изд-во ИП Петросян, 2022. – 446 с.
5. Клейберг Ю.А. Системная девиантология: концептуализация проблемы // Российский девиантологический журнал. 2022. №2 (2). – С.134–138.
6. Клейберг Ю. А. Девиантное поведение и проблема личностной неопределенности // Сегменты социально-педагогической сферы. - Коломна, 2015. – С. 161–178.

7. Корниенко А. Ф. Общепсихологическая модель формирования психологической зависимости // Вестник Казанского государственного педагогического университета. – 2003. – № 1. – С. 131–140.
8. Ларионова С. О. Девиантное поведение как научно-педагогическая проблема // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 1–1. – С. 90–94.
9. Мандель Б. Р. Аддиктология (ФГОС ВПО) [Текст]: иллюстрированное учебное пособие для студентов высших учебных заведений гуманитарного направления (все уровни подготовки). – Москва: DirectMEDIA, 2014. – 535 с.
10. Матаева Г., Алимбетов К., Еркинбекова М. Понятие аддиктивного поведения // The Scientific Heritage. – 2020. – №. 45–3 (45). – С. 50–52.
11. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения. – Москва: Городец, 2016. – 385 с.
12. Михайлов М. А. Психопатологические расстройства в структуре и динамике обострения патологического влечения к психоактивным веществам: автореф. ... докт. мед. наук: 14.01.06. - Санкт-Петербург, 2017. – 49 с.
13. Позднякова У. С. Понятие, признаки и формы девиантного и делинквентного поведения детей // Психолог. – 2013. – № 10. – С. 94–129.
14. Смачков П. В. Способ лечения абстинентного синдрома при алкоголизме и наркомании. – 2018. – С. 3.
15. Drummond D. C. Theories of drug craving, ancient and modern // Addiction. – 2001. – Т. 96. – №. 1. – P. 33–46.
16. Gorski T. T., Kelley J. M. Counselor's Manual for Relapse Prevention with Chemically Dependent Criminal Offenders: Technical Assistance Publication (TAP) Series: 19. – 1996.
17. Stohs M. E. et al. Alcohol craving predicts relapse after residential addiction treatment // Alcohol and Alcoholism. – 2019. – Т. 54. – №. 2. – P. 167–172
18. Witkiewitz K., Marlatt G. A. Relapse prevention for alcohol and drug problems: that was Zen, this is Tao // American psychologist. – 2004. – Т. 59. – №. 4. – P. 224.

**Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interests.**

ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

М. Р. Казиева

(Астрахань, Россия)

Об авторе: *Казиева Мерует Рахимжановна*, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева. E-mail: meruet.kazieva.00@mail.ru

Аннотация. В настоящее время наблюдается стабильный рост численности несовершеннолетних с девиантным поведением. Проблема профилактики девиации приобретает еще большую актуальность в связи с недостаточным количеством исследований этого вопроса как в теоретическом, так и в прикладном отношении.

Ключевые слова: девиантное поведение, психологическое сопровождение, профилактика, социальная работа, семейная психотерапия.

PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR IN ADOLESCENTS

Meruet R. Kazieva

(Astrakhan, Russia)

Abstract: Currently, there is a steady increase in the number of minors with deviant behavior. The problem of prevention of deviation is becoming even more urgent due to the insufficient number of studies on this issue, both theoretically and in applied terms.

Keywords: deviant behavior, psychological support, prevention, social work, family psychotherapy.

Введение. В настоящее время наблюдается стабильный рост численности несовершеннолетних с девиантным поведением, сегодня проблема профилактики и коррекции социальной девиации у детей актуальна уже не только в отношении юношеского и подросткового возрастного периодов, это становится проблемой и для начальной школы, и даже для учреждений дошкольного образования. Относительно младшего школьного возраста проблема профилактики девиации приобретает еще большую актуальность в связи с недостаточным количеством исследований этого вопроса как в теоретическом, так и в прикладном отношении.

Цель исследования выявление особенностей профилактики девиантного поведения подростков.

Исследовательские задачи: в теоретическом аспекте освятить особенности профилактики девиантного поведения подростков.

Методология и методы исследования. Методологическая основа исследования: специфика профилактики девиантного поведения у подростков, а также ее превентивная роль в снижении отклоняющегося поведения учащихся, представлены в работах Т.Д. Зинкевич-Евстигнеевой, Е.В.Змановской, М.А. Ковальчук, И.Ю. Тархановой, С.О. Ларионовой, К.А.Калининой, В.Д. Менделевич, Д.Д. Мироновой.

Выбор методов определялся задачами исследования. В работе были использованы: теоретические методы исследования, такие как изучение научной литературы, анализ, обобщение современных научных представлений по проблеме исследования.

Итак, в настоящее время общественные преобразования, происходящие в различных сферах (социальная, политическая, экономическая и др.) жизни обуславливают деформацию институтов социализации, осуществляющих образовательную и воспитательную деятельность с детьми подросткового возраста. Данные факторы приводят к формированию отклоняющегося поведения в подростковой среде, увеличению количества причин (социальные, психологические, физиологические, экономические и др.) способствующих проявлению форм девиантного поведения [Калинина, 2018].

Исследованием проявления девиации в подростковой среде занимались многие ученые И.Ю. Пыльцина, Т.В. Шипунова, В.В. Простяков и др. Исследователи отмечают, что девиантное поведение, наносит огромный ущерб не только общественности, но и самой личности девианта.

Е.В. Змановская отмечает, что эффективным способом решения проблем девиации в подростковой среде выступает профилактическая деятельность, организуемая в процессе социальной работы. Социальная работа по профилактике девиантного поведения у подростков направлена на формирование условий, обеспечивающих сохранение физического, психического, личностного, социального видов здоровья, а также организацию и реализацию защитных действия от неблагоприятных влияний со стороны социума [Змановская, 2019, с.17].

Проводимые экономические, политические и правовые реформы в социуме привели к экономическому кризису, высокому уровню безработицы, резкому падению жизненного уровня семей, что выступает следствием активного роста количества подростков, имеющих девиантное поведение. В психолого-педагогической литературе списан ряд различных подходов к определению понятия «девиантное поведение». Рассмотрим основные подходы к определению данного понятия.

Первый подход – биологический подход, изучающий неблагоприятные особенности организма, которые затрудняют процесс социальной адаптации личности в социуме. В биологическом подходе представлена следующая классификация неблагоприятных особенностей: во-первых, наличие

генетических отклонений, которые передаются по наследству (умственная отсталость, дефекты зрения и слуха, повреждения центральной нервной системы); во-вторых, наличие психофизиологических особенностей, которые проявляются при воздействии на организм человека неблагоприятных факторов окружающей среды (социальные конфликты, нарушение экологии, психологические перегрузки и др.); в-третьих. физиологические характеристики, проявляющиеся в дефектах речевого развития (общее недоразвитие речи. фонетико-фонематическое недоразвитие речи), проблемах внешнего облика (непривлекательность и др.).

Второй подход – психологический подход, изучающий девиантность как проявление внутриличностных проблем личности и психологических патологиях, что проявляется в виде саморазрушения, отсутствии личностного роста, дегенеративности и др. Основной причиной возникновения девиации в данном случае выступает несформированность основных систем головного мозга, отвечающих за развитие высших психических функций (память, внимание, воображение, мышление). Также психологический подход уделяет внимание и особенностям личности, типу темперамента и т.д.

Третий подход – социологический подход, определяющий девиантное поведение как отклонение от общепризнанных в социуме норм и правил поведения. Ряд исследователей утверждают, что существует тесная связь между отклоняющегося от нормы поведения с социальными условиями проживания личности. А. Кегле. Э. Дюркгейм в своих научных исследованиях отрицали теорию врожденности преступных проявлений, и указывали на то, что аномальные проявления в поведении людей возрастает в периоды социальных потрясений (экономический кризис, военные действия и др.), тем самым указывая на социальные корни проявления девиантного поведения [Цит. по: Змановская, 2019, с.37].

Рассматривая различные трактовки понятия «девиантное (отклоняющееся) поведение» можно выделить социальные и индивидуальные нарушения, к которым оно приводит. Так, исследователи социального направления (М.А. Ковальчук и И.Ю. Тарханова) указывают, что отклоняющееся (девиантное) поведение выступает в виде социального поведения индивида (группы людей), которое не соответствует установленным социальным нормам (образцам, правилам) [Ковальчук, Тарханова, 2018, с.77]. Результатом приобщения к основным формам девиантного поведения выступает нарушение социальных норм.

Ряд авторов указывают, что девиантное поведение приводит к индивидуальным нарушениям, а именно к социальной дезадаптации личности, т.е. к потере способности приспособления к социальным условиям среды. Например, В.Д. Менделевич отмечает, что девиантное поведение личности является, отклоняющимся от социальных норм, причиняющим ущерб не только обществу, но и самой личности, что сопровождается ее социальной дезадаптацией [Менделевич, 2021, с.25]. По определению Д.Д. Миронова,

девиантное поведение выступает стереотипным поведенческим реагированием личности, связанным с возрастными нарушениями формирования представления о социальных нормах и правилах поведения, характерными для микро-социальных взаимоотношений (семья, сверстники) и малых половозрастных социальных групп, приводящих к её социальной дезадаптации [Миронов, 2019].

К.А. Ковальчук в своих исследованиях подтверждает, что девиантное поведение личности разрушает не только общественные устои и индивидуальность, но и наносит непоправимый ущерб и микро-социальной среде (семья, школьные товарищи, близкие люди и др.) [Ковальчук, 2018].

Таким образом, девиантное (отклоняющееся) поведение приводит, во-первых, к социальной дезадаптации личности (М.А. Ковальчук и И.Ю.Тарханова), во-вторых, к разрушению установленных социальных норм в социуме (В.Д. Менделевич и др.), в-третьих, наносит психологические травмы ближайшему социальному окружению (К.А. Ковальчук и др.).

К основным формам проявления девиантного поведения В.Д. Менделевич относят: насилие, употребление различных запрещенных веществ, проституция. правонарушения. социальный паразитизм и др. [Менделевич, 2021, с.25]

Основными причинами проявления девиантного поведения, по мнению Е.В. Змановской, выступают:

1. Негативное влияние микросреды (неблагоприятные условия первичной социализации, отрицательное влияние близкого окружения и др.).

2. Наличие врожденных психофизиологических отклонений (нарушение психики, физиологические недостатки и др.).

3. Социально-экономическое неблагополучие (материальное неблагополучие, безработица, отсутствие жилья и др.).

4. Ценностные ориентации (высокие материальные потребности, уважение окружающих, коллектива. товарищей по работе, приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей).

5. Негативное влияние социума (отсутствие социального контроля, изменение общественных устоев, низкий уровень духовного развития и др.).

6. Неблагоприятное состояние экологической обстановки (неблагоприятная экологическая обстановка условий проживания, вредные условия работы родственников, несоблюдение санитарно-гигиенических требований и др.) [Змановская, 2019, с.54].

Таким образом, можно утверждать, что девиантное поведение - это поведение, отклоняющееся от общепризнанной морали в социуме, а также система поступков. которые противоречат правовым и нравственным нормам. Перечисленные формы девиантного поведения негативно влияют не только на личность человека, приводя к ее саморазрушению, но и на общество в целом, затрудняя социальный процесс.

Для нормализации социального поведения подростков необходимо организовывать профилактику девиантного (отклоняющегося) поведения.

Оттолкнёмся от понятия профилактика. Прежде всего, уточним понятия «профилактика», и «профилактика девиантного поведения». В Большой энциклопедии термин «профилактика (от греч. Prophylaktikos – предохранительный) трактуется как «система предупредительных мер по укреплению здоровья и устранению причин заболевания человека. Понятие «профилактика» С.О. Ларионова трактует как предпринятые научно обоснованные и своевременные действия, направлены на предотвращение возможных физических, психологических или социокультурных коллизий у отдельных индивидов и групп риска; сохранение, поддержание и защиту нормального уровня жизни и здоровья людей; содействие им в достижении поставленных целей и раскрытии их внутренних потенциалов [Ларионова, 2018].

По нашему мнению, при всей справедливости приведенного положения, именно своевременность должна возглавлять список перечисленных условий, поскольку профилактика, как было определено выше, это процесс предупреждения, а не устранения девиаций. На наш взгляд, именно предупреждение возможных поведенческих отклонений в младшем школьном возрасте позволит избежать проблем девиаций в будущем.

Для устранения девиации в подростковой среде в социальной, психологической и педагогической работе существует огромное количество средств, методов и технологий. Каждая форма проявления девиантного поведения имеет специфические способы устранения и профилактической работы. Мы рассмотрим более подробно профилактические методы с детьми младшего школьного возраста по предупреждению девиантного поведения.

К.А. Ковальчук в качестве наиболее эффективных методов профилактической работы с детьми младшего школьного возраста по предупреждению девиантного поведения младших школьников выделяет следующие (рис. 1):

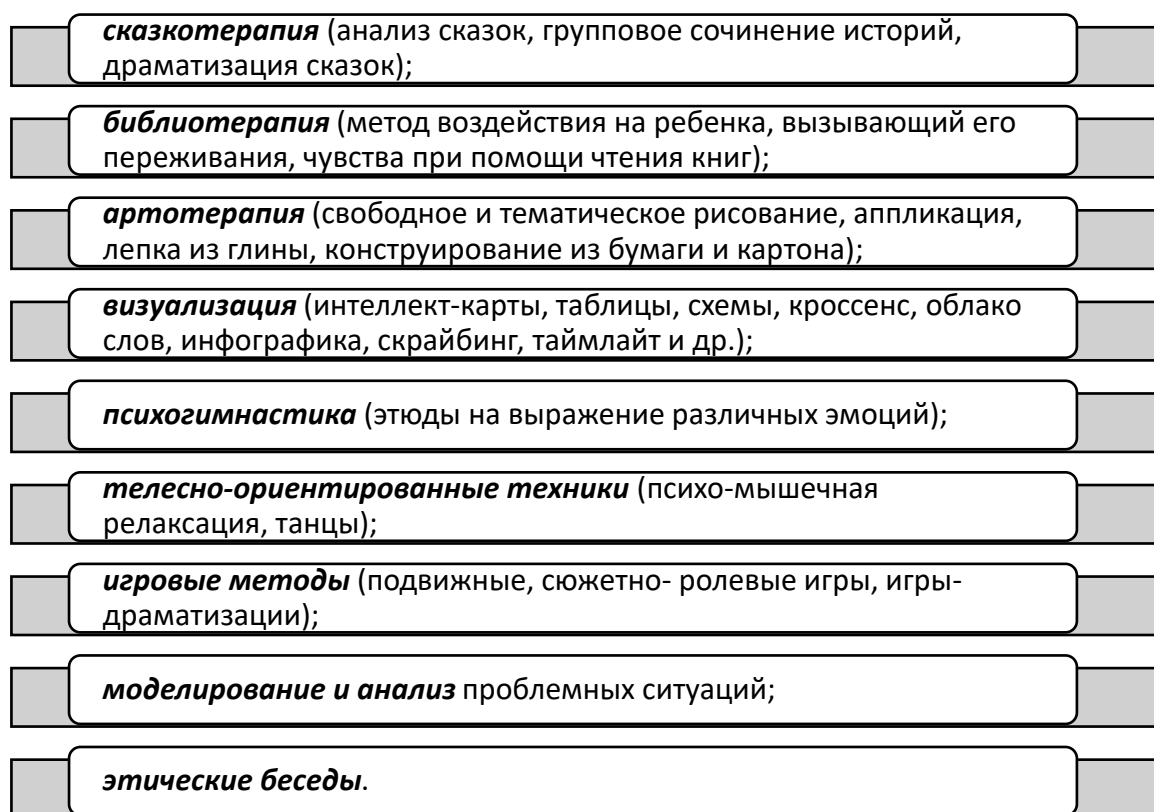

Рисунок 1 - Методы профилактической работы с детьми младшего школьного возраста по предупреждению девиантного поведения

К.А. Ковальчук при этом отмечает, что в работе с детьми младшего школьного возраста «наибольшего результата можно добиться комбинированным использованием элементов различных методов психологического воздействия – арттерапии, сказкотерапии, классических дидактических методов и приемов, таких как беседа, дидактические игры и т.п., а также метода групповой дискуссии и ролевых игр, адаптированных для нужд данной профилактической работы» [Ковальчук, 2018, с.77].

На наш взгляд, наибольшим потенциалом для профилактики девиантного поведения младших школьников представляется метод сказкотерапии. Сказка сознательно или подсознательно обучает ребенка правилам поведения, прививает нравственные нормы, формирует у ребенка представления о добре и зле, справедливости и несправедливости.

С точки зрения профилактики девиантного поведения, сказка – незаменимая возможность представления образного и визуализированного противопоставления крайних проявлений добра и зла, «истинного» и «преображенного» (кажущегося). Динамичность, драматичность и экстремальность сюжета сказки вызывает у ребенка эмоциональные переживания, ее фантастические персонажи – это нравственные образы, наделенные реальной смысловой нагрузкой. Герои сказки вызывают повышенную эмоциональную активность содействия – сопереживание, и как результат, принятие положительных эталонных образов добра, честности,

справедливости, и личностное неприятие зла, обмана, лживости и прочих пороков.

Специалисты подчеркивают возможности сказкотерапии как универсального метода работы с детьми, имеющие выраженные, или потенциальные отклонения в поведении (агрессия, неуверенность, застенчивость, конфликтность, депрессия и т.п.).

Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева предлагает пошаговый алгоритм работы со сказками профилактического направления для детей до младшего подросткового возраста с проблематикой неадекватного, неэффективного поведения [Зинкевич-Евстигнеева, 2020, с.37]:

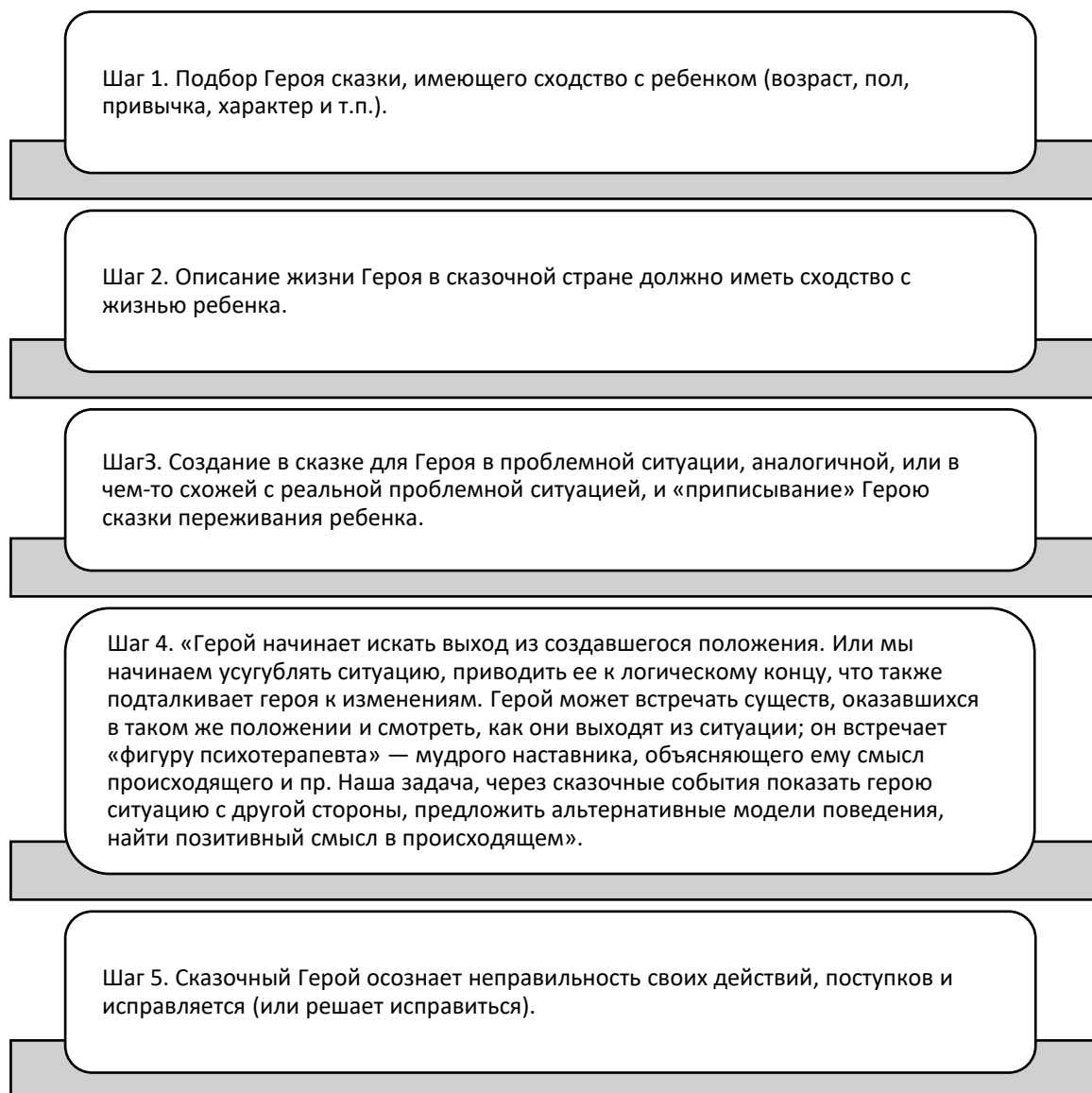

Рисунок 2 - Пошаговый алгоритм работы со сказками профилактического направления для детей до младшего подросткового возраста

Автор подчеркивает, что, организовав работу по предупреждению и коррекции отклоняющегося поведения детей младшего школьного возраста методом сказкотерапии «важно знать скрытую причину «плохого» поведения». Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева выделяет таких наиболее частотных причин, и рекомендует определенные модели сказок для работы по данным отклонениям в поведении младших школьников.

Результаты и выводы.

Таким образом, работа по профилактике девиантного поведения младших школьников, на наш взгляд, может быть эффективной при условии использования метода сказкотерапии с применением различных форм работы со сказкой, с учетом возрастных и индивидуальных особенностей детей. Это может быть рассказывание, сочинение, анализ, рисование, постановка, обыгрывание сказки. На наш взгляд, в комплексной профилактической деятельности сказкотерапия может способствовать формированию нравственных ценностей, положительной эмоциональной направленности, поведенческих реакции, предупреждению и коррекции агрессивности, формированию умения контролировать негативные эмоции и их проявления.

Список литературы

1. Зинкевич-Евстигнеева Т. Д. Практикум по сказкотерапии. - СПб: «Речь», 2020. - 310с.
2. Змановская Е.В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – 3-е изд., испр. - М.: Академия, 2019. – 288 с.
3. Калинина К.А. Профилактика девиантного поведения младшего школьника. [Электронный ресурс]. / К.А. Ковальчук // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-deviantnogo-povedeniya-mladshego-shkolnika> (дата обращения: 25.11.2022).
4. Ковальчук М. А. Девиантное поведение. Профилактика, коррекция, реабилитация / М.А. Ковальчук, И.Ю. Тарханова. - М: Владос, 2018. - 803 с.
5. Ларионова С.О. Девиантное поведение как научно-педагогическая проблема. [Электронный ресурс]. // Фундаментальные исследования. 2018. № 1-1. С. 90-94. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=30882> (дата обращения: 25.11.2022).
6. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения. Учебное пособие. – СПб: Речь, 2021. - 445 с.
7. Миронов Д.Д. Сущность понятия «Девиантное поведение подростков». [Электронный ресурс]. // Вестник ДНУ. 2019. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-ponyatiya-deviantnoe-povedenie-podrostkov> (дата обращения: 25.11.2022).

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflict of interests.**

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕОДОЛЕВАЮЩЕГО
ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ В ПРЕМОРБИДЕ
АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ**

Э. В. Шелиспанская
(Тула, Россия)

Об авторе: *Шелиспанская Эллада Владимировна*, кандидат педагогических наук, доцент, доцент факультета психологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. E-mail: shel.ell@inbox.ru

Аннотация: Представленная в тексте статьи проблема акцентирует важность выявления ранних форм развития аддиктивного поведения подростков. Приводится перечень причин, запускающих деструктивных аддиктивных поведенческих репертуаров, анализируются личностные особенности подростков в преморбиде алкогольной зависимости. Делается акцент на том, что именно в подростковом возрасте активно продолжается процесс становления моделей преодолевающего поведения. Приводятся результаты исследования особенностей стратегий преодолевающего поведения в группе подростков, стоящих на учете в отделе по делам несовершеннолетних (ОПДН).

Ключевые слова: аддиктивная личность, аддиктивное поведение, подростковый алкоголизм, преморбид, преодолевающее поведение.

**FORMATION OF OVERCOMING BEHAVIOR IN ADOLESCENTS IN
PREMORBID ALCOHOL DEPENDENCE**

Ellada V. Shelispanskaya
(Tula, Russia)

Annation. A list of the causes of triggering destructive addictive behavioral repertoires is given; the personal characteristics of adolescents in the premorbid of alcohol dependence are analyzed. The emphasis is placed on the fact that it is in adolescence that the process of formation of models of overcoming behavior actively continues. The results of a study of the characteristics

of strategies for overcoming behavior in a group of adolescents registered with the Department for Juvenile Affairs are presented.

Keywords: addictive personality, addictive behavior, adolescent alcoholism, premorbid, overcoming behavior.

Введение. Сложившаяся геополитическая ситуация в мире, тревожность в отношении нестабильной социально-экономической сфере, а также смена привычных стереотипов образовательной и социальной политики, сформировала у современной молодежи ощущение безысходности, неуверенности в завтрашнем дне, инфантилизм, снижение чувства безопасности и защищенности. На сегодняшний день не теряет значимости проблема распространения среди подростков таких социально-обусловленных девиаций как демонстративное, вызывающее поведение, нигилизм, приобщение к практикам, употребления алкоголя, психоактивных веществ в деструктивных подростковых группах, и как следствие – ранние дебюты подросткового алкоголизма. Отличительной чертой такого типа поведения является процесс формирования и форсированного развития стремления к уходу от реальности, с устойчивой фиксацией внимания на определенных видах деятельности, приеме психоактивных веществ, наносящих вред физическому и психологическому здоровью молодого человека.

В этой связи, проблема формирования ранних форм аддиктивного поведения молодых людей регулируется различными мероприятиями общественного характера, которые могут носить характер правовых санкций, медицинского вмешательства, педагогического влияния, социальной поддержки и психологической помощи.

Цели и задачи. На основе изучения и анализа теоретических, эмпирических данных, полученных при изучении особенностей преодолевающего поведения подростков с аддиктивным поведением, состоящие на учете в отделе по делам несовершеннолетних (ОПДН) по Щекинскому району Тульской области, разработать программу по формированию позитивных жизненных установок у данной категории подростков.

Основная часть. При оценке причин, запускающих деструктивные аддиктивные поведенческие репертуары, как правило, выделяется: (1) неконструктивные способы выхода из затруднительных ситуаций удовлетворения личностно значимых потребностей; (2) несформированность психологической защиты подростка, неэффективные способы купирования эмоционального напряжения; (3) факты психотравмирующей ситуации в жизни подростка [1]. И.В. Белокрылов и И.Д. Даренский, анализируя личностные особенности подростков в преморбиде аддиктивной зависимости, отмечают, что таким лицам свойственны субклинические проявления диссоциативных симптомов – нарушения самосознания, самовосприятия, границ «Я», явления отчуждения витальности, активности [2].

Интересен подход А.Ю. Акопова, который считает, что у лица с зависимым поведением выделяется еще такая черта, как отчетливая уступчивость, податливость, восприимчивость. Перечисляя общие психологические особенности, образующие психологический портрет аддиктивного героя, автор выделяет, прежде всего, сильную потребность к получению удовольствий, наслаждений. Эта потребность в широком понимании, трактуемая как ожидание всегда положительного ответа от среды, окружающего мира, близкого окружения на их действия, рождает непрерывный круг желаний – желаний потреблять, брать, получать. Ради актов получения новых удовольствий, во всё бóльших дозах, эти лица «готовы принять всё и фактически идут на всё». Предполагается, что у таких лиц есть выраженная психологическая потребность, некая готовность к формированию аддикции и предрасположенность к формированию целого спектра зависимостей. Такая готовность, выступает как противоположность психологической невосприимчивости, толерантности к запускающим зависимость механизмам, и означает наличие сниженного порога психологической приемлемости такого поведения [3].

Таким образом, лица с низкой переносимостью ситуаций психологического дискомфорта, возникающих в повседневной жизни периодов неудач, более подвержены риску фиксации на формах поведения, связанных с употреблением алкоголя. Обычно такие риски увеличиваться при встрече с трудными социально неблагоприятными, психотравмирующими ситуациями, как утрата прежних идеалов, разочарование в жизни, распад семьи, потеря работы, социальная изоляция, утрата близких или друзей, резкая смена привычных жизненных стереотипов [4].

Одним из психологических механизмов приспособления человека к изменившимся условиям, является его совладение с возникшими трудными ситуациями. Концепт преодолевающего поведения является центральным понятием в психологии стресса и адаптации. Это помогает определять вариативность адаптивности и дезадаптивности человеческого поведения, рассмотреть риски снижения продуктивности человека, дисфункциональности его состояния на фоне разворачивающегося стресса. При этом преодолевающее поведение понимается как динамический процесс, в котором выделяются как когнитивные и поведенческие усилия личности, направленные на снижение влияния стресса [5]. Поскольку в этом возрасте наиболее активно продолжается процесс обучения способам психологического преодоления жизненных трудностей, можно сказать, что становление моделей преодолевающего поведения происходит именно в этом возрасте.

Начиная с самых первых исследований в этой сфере, О.С. Нартова-Бочавер обосновывает преодолевающее поведение как индивидуальный способ взаимодействия личности с кризисной ситуацией, разновидность социального поведения человека, который заключается в овладении и

предотвращении требований, предъявляемых трудной ситуацией [6]. Таким образом, преодолевающее поведение характеризуется особой, осознанно конструктивной активностью личности. Преодоление при этом является тем стабилизирующим фактором, который обеспечивает психосоциальную адаптацию индивида во время стрессовых воздействий любого рода. То есть, целью такого поведения будет готовность пережить событие, не уклоняясь от возможных последствий, решить проблему, нивелировать конфликт.

При анализе возрастных аспектов проблемы преодолевающего поведения, А.Н. Фомина, вводит понятие ресурса личности, при этом особое внимание обращено на роль внешних и внутренних ресурсов человека в процессе преодоления трудностей на различных этапах жизни. Доказано, что у каждого человека существуют некоторые внутренние ресурсы совладания с жизненными трудностями, между тем, эти ресурсы часто могут остаться невостребованными, если преднамеренно не сфокусировать, акцентировать внимание на их выявлении и развитии. Внутренний ресурс детей и подростков, помогающий успешно справляться с жизненными трудностями, связан с гибкостью мышления, поведения, эмоционального реагирования. Это проявляется в быстрой адаптации к новым стандартам, переключением внимания с одной ситуации на другую, в эмоциональной гибкости, защитной работе воображения. Однако нельзя переоценивать значение внутренних ресурсов ребенка. Значение внешних факторов совладания с трудными жизненными ситуациями для подростков гораздо больше, чем внутренних: социальная и эмоциональная поддержка значимых людей являются важным фактором в преодолении трудных ситуаций в юности [2].

Изучение особенностей, преодолевающего поведения лиц с аддиктивным поведением, мы провели среди подростков, состоящие на учете в ОПДН по Щекинскому району Тульской области.

В соответствии с представленными положениями, была подобрана диагностическая программа исследования, состоящая из методики определения стратегии и модели преодолевающего поведения (опросник SACS), также использовались сокращенный многофакторный опросник для исследования личности (СМОЛ), тест жизнестойкости К. Мадди (адаптирован Д.А.Леонтьевым).

Анализируя результаты оценки по методике определения стратегий и моделей преодолевающего поведения, выяснилось, что для 65% испытуемых подростков исследуемой группы, характерным является использование такой поведенческой стратегии как «поиск социальной поддержки». Так, предпочтение отдается именно возможности найти поддержку в трудной ситуации со стороны других людей, близкого окружения, взаимобмен полезной информацией, а не установлению контактов и межличностных отношений. Склонность к избеганию проблемных ситуаций отражена в выявленном высоком уровне использования стратегии «избегание», которая обнаружена у 70% подростков, стоящих на учете в ОПДН. Установлено, что

45% из числа исследуемой группы, при преодолении негативных обстоятельств, готовы к агрессивным действиям, конфликтам, а также проявляться в тенденции испытывать раздражение и гнев при неудачах и конфликтах с другими людьми.

Модели поведения, показатели которых не превышают средних значений, позволяют нам сделать вывод о вероятном проявлении осторожности при решении трудностей. Подобным образом могут действовать 45% участников данной группы. В меньшей степени (20%) представлены ситуации необдуманности при принятии решений, склонности к обвинению окружающих в чем-либо, гневу. Об этом мы можем говорить, исходя из анализа показателей, характеризующих такие модели поведения как «импульсивные действия» и «агрессивные действия». Все это мы наблюдаем на фоне готовности 45% респондентов к вступлению в социальный контакт, который позволил бы более эффективно разрешить критическую ситуацию при участии других людей.

Невысокие значения показателей, описывающих модели «ассертивные действия», «непрямые действия», «асоциальные действия», позволяет нам описать поведение 60% подростков исследуемой группы, как свободное от асоциальных действий и эгоцентризма. Также не выявлено склонности к манипулятивным действиям, воплощению собственных, скрытых от других людей, побуждений. Наблюдается пониженная активность, направленная на последовательное отстаивание своих интересов, при которой становится возможным открытое заявление о своих намерениях и целях.

Для того, чтобы минимизировать появление дебютов подросткового алкоголизма, предлагается использовать профилактическую программу по формированию стратегий преодолевающего поведения на основе теоретико-методологических разработок таких авторов, как Е.В. Змановская, Г.И.Макартычева. Профилактическая программа предполагает обучение способам психологического преодоления жизненных трудностей используются следующие мишени: осознание формирующихся влечения и зависимости от алкоголя как проблемы личности; развитие навыков преодолевающего поведения; формирование мотивации на полное прекращение употребления алкоголя; осознание ресурсов социально-поддерживающего поведения и поиск социальной поддержки в просоциальных сетях; развитие личностных ресурсов совладания с зависимостью и др.

Цели программы предполагают реализацию следующих задач:

1. Приобретение навыка формирования активной жизненной позиции, осознание личностных, экзистенциальных, духовных и нравственных ценностей;
2. Формирование альтернативного поведения через осознание личностных возможностей.

3. Повышение осведомленности подростков о последствиях алкогольной зависимости для телесного и психологического здоровья.

Программа, нацеленная на формирование стратегии преодолевающего поведения, должна отличаться гибкостью, системностью, индивидуализацией выбора подходов. Подросток должен быть готов принять помощь, которая исходит от организаторов и участников социальных взаимодействий. Использование конструктивных способов разрешения проблем, поиска и принятия социальной поддержки, умение распознавать и модифицировать выработанные стратегии избегания, помогут преодолению алкогольной зависимости на ранних этапах ее становления. Контингент таких мероприятий – дети, подростки, стоящие на внутришкольном, внутриколледжном учете, молодежь группы риска, неорганизованные группы детей и молодежи.

Выводы. Таким образом, в силу сложного характера репертуара поведенческих нарушений аддиктивного характера, стоит отметить, что их предупреждение и преодоление требует хорошо организованной системы психолого-педагогических воздействий, главная цель которых – изменение дезадаптивных и деструктивных моделей поведения на личностно значимую адаптивную модель здорового поведения. В целом, подобные мероприятия, помимо выработки конкретных поведенческих навыков, способствуют снижению эмоциональной напряженности, осознанию личных целей и путей их достижения, развитию коммуникативной и социальной компетентности.

Список литературы

1. Предупреждение подростковой и юношеской наркомании / Под ред. С.В.Березина, К.С. Лисецкого. - Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. - 206 с.
2. Белокрылов И.В., Даренский И.Д. Личностные и средовые факторы развития зависимости от психоактивных веществ // Руководство по наркологии. - М.: Медпрактика. 2002. Т.1. С.64-87.
3. Асеева А.Д. Психологические особенности личности, способствующие развитию зависимого поведения // Научный журнал КубГАУ. 2014. №101(07). С.1-17.
4. Короленко Ц.П. Аддиктивное поведение. Общая характеристика и закономерности развития // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 1991. № 1. С. 8–15.
5. Копытов А.В., Виринская Д.Е. Копинг-стратегии у лиц подросткового и молодого возраста, страдающих алкогольной зависимостью // Известия Саратовского университета. № 3. 2017. С.
6. Нартова-Бочавер С.К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. №5. С. 20-28.
7. Фоминова А.Н. Проблема активизации ресурсов личности человека в трудных возрастно-психологических жизненных ситуациях //

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflict of interests.**

**ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПРОФИЛАКТИКИ ДЕСТРУКТИВНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ
ЯВЛЕНИЙ КАК ФАКТОР АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ**

И. А. Балобешко
(*Минск, Беларусь*)

Об авторе: *Балобешко Игорь Александрович*, сотрудник ГЛУ «Минский лесхоз». E-mail: balobeskoigor@gmail.com

Аннотация. Изложено концептуальное обоснование, касающиеся антикоррупционной политики как категории девиантологии. Актуальность разработки проблемы обусловлена востребованностью органов государственного управления в инновационных методах антикоррупционной политики как механизма патриотического воспитания населения Республики Беларусь. Раскрыты направления и средства снижения уровня коррупции на основе информационно-просветительской, социально-правовой работы на ведущих принципах конструктивно-диалогического взаимодействия органов власти с гражданами и комплексного подхода в патриотическом воспитании детей и молодежи на исторической памяти как условия стабильности, суверенитета и независимости Республики Беларусь. Сформулирован ряд конструктивных предложений, предполагающих инновационный подход к решению проблемы повышения эффективности в сфере противодействия коррупции.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, правоохранительные органы, институты гражданского общества, противодействие коррупции, патриотизм, социальная стабильность, взаимодействие, партнерство.

**DEVIANTOLOGICAL ASPECTS OF ANTI CORRUPTION POLICYS FACTOR
PREVENTION DESTRUCTIVE SOCIAL PHENOMENA**

Igor A. Balobeshko
(*Minsk, Belarus*)

Annotation. The conceptual substantiation concerning anti-corruption policy as a category of deviantology is stated. The relevance of the development of the problem is due to the demand for government bodies in innovative methods of anti-corruption policy as a mechanism for patriotic education of the population of the Republic of Belarus. The directions and means of reducing the level of corruption are revealed on the basis of information and educational, social and legal work on the leading principles of constructive and dialogical interaction between authorities and citizens and an integrated approach in the patriotic education of children and youth on historical memory as a condition for stability, sovereignty and independence of the Republic of Belarus. A number of constructive proposals have been formulated, suggesting an innovative approach to solving the problem of increasing efficiency in the field of combating corruption.

Keywords: anti-corruption policy, law enforcement agencies, civil society institutions, anti-corruption, patriotism, social stability, interaction, partnership.

У граждан страны, в том числе у детей и молодежи при формировании патриотизма должны иметься понятия и убеждения в социальной стабильности государства, независимости и суверенитета. Государственные органы власти должны быть авторитетом как для граждан, так и детей, и молодежи, всего общества в целом. Граждане страны, полагаясь на государственные органы власти, должны быть уверены в своем будущем и процветании страны, и своей социальной защите.

Для актуализации общественной значимости духовного фактора в укреплении социальной стабильности, профилактики деструктивных общественных явлений и экстремизма необходимо отметить возрастающую роль антикоррупционной политики как фактора формирования патриотизма и развития территории государства.

Коррупцированные правонарушения причиняют существенный вред авторитету органам государственной власти, препятствуя эффективному функционированию органов государственного и местного управления, тем самым подрывают доверие общества к властным структурам государства [1]. Таким образом, борьба с коррупцией является центральным звеном внутренней и внешней политики Республики Беларусь как унитарного демократического социального правового государства [2].

Как подчеркнул глава государства А.Г. Лукашенко, жизнь показала, что мы были правы, сделав главным приоритетом нашей политики ее антикоррупционную направленность. Сегодня по этому пути пошла Россия и другие страны, потому что в коррупцированной экономике нет ни эффективного хозяйствования, ни социальной защиты [5]. При патриотическом воспитании, гражданам любого государства необходимо разъяснять, что для процветания государства, стабильности и уверенности в своем будущем и будущем своих потомков, каждому гражданину необходимо обеспечивать защиту своих национальных интересов от внутренних и внешних угроз. При этом, гражданам Республики Беларусь, следует подчеркнуть, что концепция национальной безопасности Республики Беларусь относит эффективное противодействие коррупции

к числу основных национальных интересов в политической сфере, а коррупционные проявления рассматриваются как в качестве основных потенциальных, так и реальных угроз национальной безопасности. Совершенствование процессов предупреждения и борьбы с преступлениями, в первую очередь, с коррупцией, выступает как основное направление политической сферы нейтрализации внутренних источников угроз национальной безопасности Республики Беларусь [3].

Первое место в системе антикоррупционного законодательства занимает Закон Республики Беларусь от 15.07.2015 № 305-З «О борьбе с коррупцией». Принятию данного Закона предшествовала последовательная и системная деятельность законотворческих и правоохранительных органов Республики Беларусь. Данный нормативно-правовой акт гласит, что законодательство о борьбе с коррупцией основывается на Конституции Республики и состоит из настоящего Закона и иных актах законодательства, а также международных договоров Республики Беларусь [2].

Однако, как показывает практика, среди выявленных коррупционных преступлений наиболее распространены злоупотребление властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК РБ), получение взяток за оказание помощи коммерческим структурам в проведении различного рода сделок с нарушением требований действующего законодательства Республики Беларусь (ст. 430 УК РБ), получение незаконного вознаграждения (ст. 433 УК РБ) [7]. К основным из факторов деструктивных общественных явлений и экстремизма можно отнести практику некоторых государственных органов, выраженную в одностороннем, необъективном и неполном рассмотрении материалов по делам об административных правонарушениях.

Так, отдельные государственные органы, уполномоченные в соответствии с Процессуально-исполнительным кодексом об административных правонарушениях Республики Беларусь, самостоятельно рассматривать административные дела и принимать по ним решения опираются на устоявшуюся практику в данном государственном органе, а не на законодательство Республики Беларусь в целом. Данные уполномоченные лица, при ведении дел об административном правонарушении не опираются на общую часть Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь, такие как установления вины и ее формы т.е. гражданин действовал умышленно или по неосторожности, или физическое лицо, совершившее правонарушения, не признавало противоправность своего деяния, не предвидело его вредные последствия и не желало наступление этих последствий (ст. 2.3 КоАП РБ),

Не придают значение принципу справедливости, т.е. административная ответственность должна быть справедливой. Административные взыскания, профилактические меры воздействия должны устанавливаться и применяться с учетом характера и вредных последствий совершенного административного

правонарушения, а также обстоятельств его совершения. Административное взыскание может налагаться при отсутствии достаточных оснований применения профилактических мер воздействия и должно быть соразмерным тяжести совершенного административного правонарушения и соответствовать цели его наложения. Физическому лицу, совершившему административное правонарушение, должно быть назначено административное взыскание (применена профилактическая мера воздействия), необходимое и достаточное для его воспитания (ст. 1.4 КоАП РБ).

Не устанавливаются все обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу об административном правонарушении, в частности наличие деяния, предусмотренного КоАП (время, место, способ и другие обстоятельства совершения административного правонарушения) виновность физического лица в совершении административного правонарушения иные обстоятельства, имеющие значение для принятия решения по делу об административном правонарушении (ст. 6.2 ПИК_оАП РБ). Надлежащим образом не проверяются доказательства, собранные по делу об административном правонарушении, подлежащие всесторонней, полной и объективной проверке органом, ведущим административный процесс (ст. 6.14 ПИК_оАП РБ) [6].

Не надлежащим образом оцениваются доказательства с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в их совокупности – с точки зрения их достаточности для принятия решения по делу об административном правонарушении. Не учитывается тот факт, что относящимися к делу об административном правонарушении признаются доказательства, посредством которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для этого дела. Не учитывают, что не являются относящимися к делу доказательства, которые не способны устанавливать или опровергать подлежащие доказыванию обстоятельства. Не учитывается тот факт, что недопустимыми признаются доказательства, если они получены с нарушением конституционных прав и свобод гражданина или связаны с лишением или ограничением прав участников административного процесса или нарушением требований настоящего Кодекса. Доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса и иных законодательных актов, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу принятия решения по делу об административном правонарушении, а также использоваться для доказывания любого обстоятельства, указанного в ст. 6.2 ПИК_оАП РБ. Достоверными признаются доказательства, если они соответствуют действительности. В основу процессуальных решений, принимаемых органом, ведущим административный процесс, могут быть положены только достоверные доказательства. Достаточными признаются доказательства, когда их совокупность позволяет установить обстоятельства, подлежащие

доказыванию по делу об административном правонарушении (ст. 6.15 ПИКoАП РБ).

Не учитывается, что доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения дела об административном правонарушении (ст. 6.1 ПИКoАП РБ).

Не принимается во внимание, что доказательствами являются любые фактические данные, полученные в порядке, определенном ПИКoАП РБ и иными законодательными актами, на основе которых орган, ведущий административный процесс, устанавливает наличие или отсутствие административного правонарушения, предусмотренного КоАП, оснований и условий административной ответственности юридического лица, виновность или невиновность физического лица, привлекаемых к административной ответственности, и иные обстоятельства, имеющие значение для принятия решения по делу об административном правонарушении (ст. 6.3 ПИКoАП РБ).

Не принимается во внимание, что не является административным правонарушением действие, совершенное лицом в состоянии крайней необходимости, то есть для предотвращения или устранения опасности, непосредственно угрожающей жизни, здоровью, правам и законным интересам данного лица или других лиц, интересам общества или государства, если соответствующая опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами и если причиненный вред не является более значительным, чем предотвращенный (ст. 3.3 КоАП РБ).

Также не принимается во внимание тот факт, что не является административным правонарушением причинение вреда охраняемым настоящим Кодексом интересам при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели. Риск признается обоснованным, если совершенное деяние соответствует современным научно-техническим знаниям и опыту, а поставленная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями и физическое или юридическое лицо, допустившее риск, обоснованно рассчитывало, что предприняло все возможные меры для предотвращения вредных последствий (ст. 3.4 КоАП).

Кроме этого, не учитывается тот факт, что физическое лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина (ст. 1.7 КоАП РБ).

При таких обстоятельствах, в основу доказательств по административным делам ложатся признательные показания лиц, в отношении которых ведется административный процесс, полученных с нарушением их конституционных прав, в частности, вызванных тем, что на данных граждан оказывается психологическое давление, выраженное

в том, что в случае признательных показаний, штрафные санкции будут минимальные, в случае отказа от признательных показаний – максимальные.

Так, отдельные государственные органы, принимают решения по делам об административных правонарушениях, опираясь исключительно на особую часть Кодекса об административных правонарушениях и определяют размер штрафа по собственному усмотрению, не опираясь при этом на действующие нормы законодательства Республики Беларусь. При этом, данные государственные органы пренебрегают вышеописанными нормами действующего законодательства Республики Беларусь.

Таким образом, граждане в отношении которых дела об административных правонарушениях были вынесены с нарушением действующих норм законодательства Республики Беларусь, начинают рассказывать о данных фактах своим близким и знакомым, близкие и знакомые – своим знакомым и т.д. Таким образом данные обстоятельства быстро распространяются среди населения. За счет таких неправомерных действий формируется негативное общественное мнение о законности и компетентности органов на всех ступенях власти. Ввиду подобных обстоятельств, у отдельных категорий граждан, возникает недоверие к государственной власти, что может в последующем способствовать деструктивным общественным явлениям и экстремизму, в том числе, с участием молодежи на территории страны, что является как потенциальной, так и внутренней угрозой национальной безопасности.

Вместе с тем, при вышеописанных обстоятельствах, в действиях должностных лиц, ведущих административный процесс, усматриваются признаки коррупционного преступления, выраженные в злоупотреблении служебными полномочиями путем искусственного завышения показателей служебной деятельности, с целью получения денежного довольствия в виде максимальных премиальных надбавок и (или) увеличения (поддержания) статистики выявленных правонарушений (ст. 424 УК РБ) [7].

Однако, граждане страны, в редких случаях заявляют о подобных фактах в компетентные органы, так как полагают, что борьба с коррупцией является исключительно обязанностью правоохранительных органов (государственных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией, государственных органов, участвующих в борьбе с коррупцией), тогда как противодействие коррупции, снижение масштабов ее распространения начинается с совместного участия на основе партнерства гражданского общества, общественных объединений, уполномоченных государственных органов на противодействие коррупции, ассоциаций, профсоюзных организаций, СМИ, медиасферы.

Таким образом, борьба с коррупцией – это многоуровневая и многоплановая деятельность правоохранительных органов, всех субъектов государственного и местного управления, институтов гражданского общества, молодежных общественных объединений, - которая включает комплекс

мероприятий по предупреждению, выявлению и пресечению коррупционных проявлений, устранению их последствий.

При отлаживании коммуникационных каналов взаимодействия граждан и правоохранительных органов возможно оперативно устранить предпосылки проявлений коррупционной направленности, своевременного предупреждения и пресечения коррупционных действий.

При такой организации слаженных действий и постоянном проведении профилактики коррупционных действий граждане страны будут чувствовать себя правообеспеченными и социально защищенными. Понимать, что уполномоченные государственные органы не допустят ущемления конституционных прав и законных интересов граждан. Тем самым, у граждан снизится мотивация деструктивных общественных явлений и экстремизма. Будет наращаться патриотизм и передаваться следующим поколениям, т.е. граждане будут осознавать роль правового государства в защите от противоправных посягательств лиц. Поднимется авторитет институтов государственной власти. Тем самым внутренняя потенциальная и прямая угроза национальной безопасности значительно снижается.

Обобщая все вышеизложенное, сформулируем ряд конструктивных предложений. С целью того, чтоб не разлагалось общество, в активную борьбу должны включаться не только органы государственной вертикали власти, но и все граждане страны. Гражданским долгом каждого должно стать участие в борьбе с коррупцией, противодействии коррупционным схемам и соблюдение антикоррупционного законодательства Республики Беларусь. В этом направлении следует активнее задействовать средства массовой информации, медиаресурсы.

Необходимо повысить требования к профессиональным, деловым и нравственным качествам лиц, претендующих на занятие должностей государственных должностных и приравненных к ним лиц, а также занимающих эти должности.

Целесообразно ввести в работу комиссий по противодействию коррупции проверку уровня знаний управленческих кадров в сфере антикоррупционного законодательства посредством тестов, собеседования, и т.п. при проведении как плановых аттестаций сотрудников, так и при назначении их на вышестоящие должности.

Необходимо принимать меры, усиливающие ответственность руководителей организаций, руководителей их обособленных и структурных подразделений за непринятие мер по предупреждению коррупции в возглавляемых организациях, подразделениях, что будет мотивировать руководителей на осуществление ими эффективных превентивных мер.

Комиссиям по противодействию коррупции, необходимо принимать все возможные меры и оперативно реагировать на факты совершения работниками коррупционных правонарушений, правонарушений, создающих

условия для коррупции, в целях устранения причин и условий, способствующих таким нарушениям; информировать трудовые коллективы о фактах коррупции на своем предприятии, в регионе, в стране; совершенствовать работу с обращениями граждан и юридических лиц, содержащими сведения о коррупции.

Необходимо практиковать в образовательном процессе, деятельности общественных молодежных объединений, в диалоговых площадках, общении трудовых коллективов и руководителей с представителями государственных правоохранительных органов по борьбе с коррупцией, государственных органов – инновационные формы и методы положительного воздействия на детей и молодежь, развития понимания сути антикоррупционной политики в Республике Беларусь, умений распознавания признаков коррупционных проявлений, их аморальную и противозаконную направленность.

В частности, в формате различных семинарских занятий, круглых столов, интерактивных практик, стримов, правовых консалтингов необходимо осуществлять ознакомление молодежи, рядовых граждан, руководителей организаций, предприятий, различных форм собственности, с национальным и международным опытом борьбы с коррупцией. Данные действия, будут содействовать актуализации и прогностических навыков проектирования региональных и локальных вариантов предупреждения и противодействия коррупции, с учетом ресурсов, специфики проблем организаций. Такие формы и методы антикоррупционного законодательства ряда зарубежных стран и Республики Беларусь будут достаточно актуальны и эффективны, они стимулируют управленческие кадры к повышению уровня своего самообразования в этой сфере, что безусловно способствует целостному антикоррупционному развитию данной категории лиц, формированию у них устойчивого негативного отношения к коррупционным проявлениям на территории.

Также представляется актуальной организация посещений всех категорий лиц, в том числе детей и молодежи, тематических экспозиций, выставок по противодействию коррупции в различных сферах деятельности.

В заключение, сформулируем выводы. Активное взаимодействие и партнерство граждан и органов власти, осуществляющих борьбу с коррупцией и правоохранительными органами, являются неотъемлемым компонентом всей государственной системы борьбы с коррупцией. При комплексном искоренении коррупционных проявлений граждане страны будут чувствовать себя социально защищенными, поднимется авторитет власти и у граждан возрастет чувство гордости за свою страну и повысится уровень патриотизма и социального единства.

Подготовка детей и молодежи в сфере реализации антикоррупционной политики в Республике Беларусь является неотъемлемым компонентом и направлением государственной системы борьбы с коррупцией, осуществляемой государственными органами, организациями с участием

институтов гражданского общества посредством комплексного применения: планирования и организации инновационных практико-ориентированных форм и методов образовательной деятельности детей и молодежи по формированию правовых знаний о действующем антикоррупционном законодательстве; по развитию антикоррупционной компетентности детей и молодежи, навыков профилактики, реагирования на проявления коррупции.

Граждане страны, при уверенности в своей социальной защите, осознавая, что живут в правовом государстве, будут уверены в своей социальной стабильности, тем самым будут относиться с должным уважением к институтам всех ветвей государственной власти, будут беречь природные ресурсы страны, историко-культурные ценности, чтить историческую память и традиции. У общества будет осуществляться формирование благодарного и бережного отношения к родной земле для будущих поколений.

Список литературы

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: 6 января 2021 г., №91-3: принят Палатой представителей 18 декабря 2020 г.: одобр. Советом Респ. 18 декабря 2020 г.

2. Конституция Республики Беларусь 1994 г. [Электронный ресурс]: с изм. и доп. От 24. 11. 1996, 17.10.2004, 27.02.2022 // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. О дополнительных мерах по борьбе с коррупцией [Электронный ресурс]: Декрет Президента Респ. Беларусь, 10 мая 2019 г., № 3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Об утверждении Типового положения о комиссии по противодействию коррупции [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 26 дек. 2011 г., № 1732: в ред. постановления от 30.04.2019 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. Послание Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию / Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/aleksandr-lukashenko-28-yanvary-a-obraatitsya-s-ezhegodnym-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu>. свободный. – (дата обращения: 11.04.2022).

6. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: 6 января 2021 г., №92-3: принят Палатой представителей 18 декабря 2020 г.: одобр. Советом Респ. 18 декабря 2020 г.

7. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г., №275-3: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр.

Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 11. 11.2019 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflict of interests.**

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАГНОСТИКИ И КОРРЕКЦИИ ДЕВИАЦИЙ В ВУЗЕ

М. Р. Арпентьева
(Калуга, Россия)

Об авторе: *Арпентьева Мариям Равильевна*, доктор психологических наук, доцент, академик Международной академии образования, член-корреспондент Российской академии естествознания. Заслуженный работник науки и образования Российской академии естествознания, педагог-психолог, внештатный научный сотрудник Центра психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Содействие», г. Калуга, Российская Федерация, e-mail: mariam_rav@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0003-3249-4941>.

Аннотация. В работе выделяются основные методики и принципы диагностики и коррекции девиаций, которые продуктивно использовать специалистам академических служб психологического сопровождения образовательного процесса вуза. Отмечается важность комплексной работы специалистов, вносятся предложения и рекомендации по совершенствованию методик диагностики и коррекции девиаций у студентов.

Ключевые слова: девиация, девиантология, девиантотерапия, психодиагностика, психологическая коррекция, высшее образование.

MODERN PROBLEMS OF THE DIAGNOSTICS AND CORRECTION OF DEVIATIONS IN UNIVERSITY

Professor Mariyam R. Arpentieva
(Kaluga, Russia)

Annotation. The paper highlights the main methods and principles of diagnosing and correcting deviations, which can be productively used by specialists of academic services of psychological support of the educational process of the university. The importance of the complex

work of specialists is noted, proposals and recommendations are made to improve the methods of diagnosing and correcting deviations in students.

Keywords: deviation, deviantology, deviant therapy, psychodiagnostics, psychological correction, higher education.

Актуальность исследования. Одной из центральных мишеней работы академических (вузовских) служб социально-психологической помощи населению, в последние десятилетия активно создаваемых и развивающихся в высшем образовании России, выступает психодиагностика и психокоррекция девиантности [Арпентьева, 2020; Ларионова, 2013; Clinard, & Meier, 2011; Tashcheva, Gridneva, and Arpentieva, 2020]. Психодиагностика и психокоррекция девиантности предполагает учет как традиционных, так и современных трендов помощи и тенденций девиантизации и патологизации развития и функционирования. В последнее время девиантное поведение студентов вузов не только в России, но и во всем мире становится все более серьезной проблемой. Все больше не только школьников, но и студентов демонстрируют аномальное, отклоняющееся от принятых в обществе норм поведение, и, тем самым, дестабилизируют процессы обучения и воспитания в образовательных учреждениях. Аналогичным образом, исследуются девиации и порождающие / сопровождающие их состояния и характеристики деятельности специалистов: педагогов, социальных работников, психологов, представителей администрации и т.д. [Арпентьева, 2022]. Несмотря на многочисленные исследования и психодиагностические и психокоррекционные разработки в области диагностики и коррекции нарушений функционирования и развития детей и подростков, студенты, юноши и молодежь, а также взрослые люди, до сих пор продолжают игнорироваться. Однако, практика ставит запрос на оценку и коррекцию девиаций современных молодых, взрослых и пожилых людей.

Методика и методология исследования. Цель исследования – осмысление проблем психодиагностики и психокоррекции девиаций у субъектов образования в современных вузах. Данная цель рассматривается в контексте задач служб социально-психологической помощи субъектам образования.

Результаты исследования. Девиации или отклоняющееся поведение (включая работы С.А. Беличевой, Е.В. Змановской, Ю.А. Клейберга, И.С.Кона, В.Д. Менделевича, А.Е. Личко, Г. Беккера, Э. Дюркгейма, И.Гофмана, Ч. Ломброзо, З. Фрейда, и др.) определяется как «любое по степени выраженности, направленности или мотивам поведение, отклоняющееся от критериев общественной нормы», совокупность разных форм «неправильного» по отношению к распространенным в обществе нормам (запретам и предписаниям) поведения в отношении себя, других людей, мира в целом. При этом понятия «норма» и «отклонение» социально детерминированы, а теоретические модели девиаций разнообразны. Социологические объяснения девиантного поведения сосредоточены на том,

как социальные структуры, силы и отношения способствуют девиантности, психологические объяснения используют другой подход: основной единицей анализа является индивид, несущий единоличную ответственность за девиантные действия; личность индивида – система ненормальных, дисфункциональных или неадекватных мотивов девиантного поведения; дефектные или ненормальные психические процессы и поведенческие реакции могут быть вызваны различными причинами, включая 1) психические нарушения вследствие кризисов травм или иных нарушений, 2) нарушения образования: обучения и воспитания в семье, школе и вузе и далее; 3) отсутствие образцов для подражания или интенсивное влияние неподходящих образцов. При этом в контексте психологического подхода генезис девиантного или отклоняющегося поведения связан с нарушениями адаптации вследствие внутриличностного или межличностного конфликтов, а вовлечение человека в один вид девиантных действий увеличивает вероятность его вовлечения в другой. То есть, вопреки модели «детских и подростковых девиаций», с которой имплицитно исходит огромное множество исследований отклоняющегося поведения в современной науке, без направленной коррекционной работы девиации с возрастом могут усиливаться.

Поэтому в настоящее время службы психологического сопровождения образования в вузах России и мира хотя и могут по-прежнему использовать методики, разработанные для детей и подростков, необходима разработка методик для иных возрастных групп. Содержательных ограничений в существующих методиках (препятствующих их применению в иных возрастных группах) не так уж и много, но возникает вопрос о тестовых нормах. Поэтому перед использованием данных методик необходимо внимательно проанализировать и, при необходимости, переформулировать вопросы / пункты анализа так, чтобы они отвечали ситуации развития человека в условиях высшего учебного заведения. И, конечно же, нельзя обойти стороной момент, связанный с тем, что высшее обучение в массе своей является профессиональным, студент не просто познает себя и мир, но готовится к определенной профессиональной активности, преподаватель не просто передает «общие» знания, он участвует в процессе подготовки профессионала. В связи с этим в методики необходимо добавить вопросы и позиции, отражающие аберрации и деформации отношений студентов, преподавателей и иных субъектов образования к труду, карьерному и профессиональному развитию (профессиональной социализации, включающей адаптацию, индивидуализацию и интеграцию и т.п.).

Для результативной психокоррекционной и психопрофилактической (превентивной) работы необходимо своевременное начало работы со школьниками и студентами «группы риска», склонными к девиантным формам поведения или находящимися в неблагоприятных семейных, образовательных, трудовых и т.п. условиях, формирующих и развивающих

данные формы поведения. Необходим учет типа, причин и последствий девиаций или их рисков, а также анализ путей и методик коррекционной и профилактической работы с учетом выявленных особенностей и тех теоретических моделей девиаций, которые существуют в науке и которые являются наиболее подходящими для осмысления и преобразования ситуации конкретного субъекта образования (студента, преподавателя и т.д.). Запрос на психологическую коррекцию девиаций предполагает, прежде всего, детальный анализ информации, собранной специалистом, на котором будет основываться вся программа коррекции. Правильно подобранные диагностические методики на разных этапах психокоррекционной работы не менее важны, чем правильно выбранные методики психологического воздействия [Клейберг, 2004; Колосницына и др., 2010]. Психодиагностика отклоняющегося поведения в целом аналогична общей диагностике личностных и межличностных особенностей активности человека, она должна носить, по возможности, комплексный и индивидуализированный характер: выбор того или иного диагностического аппарата (совокупности психодиагностических методик) определяется тем, какую область отклонений предполагается обследовать (какого типа девиации демонстрирует школьник или студент или какого типа рискам он подвергается).

Существуют многочисленные методики и комплексы методик психодиагностики девиаций, в основном для детей и подростков, например, программно-методический комплекс дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт+» [Дворянчиков и др., 2017]. Для юношества, молодежи и взрослых специальные методики редки.

Здесь уместно использовать следующие инструменты:

- За рубежом широко используются различного рода карты и схемы скрининга разных типов девиаций, например, можно использовать Карту наблюдений (Д. Стотт), предназначенную для изучения системы симптомокомплексов (недоверие, уход в себя, депрессия, тревожность и враждебность к сверстникам и другим людям, асоциальность, неугомонность, напряженность, невротизм, отсталость, неблагоприятные условия, болезни и дефекты, сексуальные деформации учеников, дезадаптированных к условиям школы; в России примером этого типа инструментов является многокомпонентная «Карта психологической характеристики личностного развития подростка» (Ю. А. Клейберг) [Клейберг, 2004];

- В России и СНГ также созданы интегративные методики диагностики девиаций, к которым можно отнести «Методику диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП)» (А.Н. Орёл), оценивающая готовность к разным формам девиантного поведения с помощью шкал склонности к преодолению норм и правил, к аддиктивному поведению, к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, к агрессии и насилию, к делинквентному поведению, принятия женской или мужской

социальной роли [Клейберг, 2004; Орёл, 2017]; сюда же относятся опросники Т.М. Ахенбаха, адаптированные НМЦ «ДАР» имени Л.С. Выготского (Москва) и Центром исследования ребенка Йельского университета (Нью-Хейвен); к этому типу методик относится и «Методика диагностики девиантного поведения несовершеннолетних (СДП – тест склонности к девиантному поведению)» (Э.В. Леус, А.Г. Соловьев), оценивающая степень выраженности дезадаптации у подростков с разными видами девиантного поведения (социально обусловленного поведения, делинквентного поведения, зависимого поведения, агрессивного поведения, самоповреждающего поведения; аналогичен по функциям опросник «Девиантное поведение» [Дворянчиков и др., 2017], основанный на понимании девиантного поведения как системы поступков, противоречащих принятым в обществе нормам, связанных с дисбалансом внутренних психофизиологических процессов, порождаемой ими дезадаптивности, деиндивидуализации и деинтеграции, нарушениях процессов самоактуализации и самореализации, отказе от (нравственного и эстетического) управления собственным поведением. Последний опросник включает ряд шкал: «аутодеструктивная девиация» (AUDD) – неадаптивная активность, обусловленная «жаждой острых ощущений» (склонность к риску и установка «ничего терять» (nothing to lose attitudes); «аутоагрессивная девиация» – суицидальное поведение, обусловленное аномическими, альтруистическими и (или) эгоистическими причинами; «патохарактерологическая девиация» – поведение, обусловленное патологическими изменениями характера (импульсивность, агрессивность) и детерминированное мотивами психопатической самоактуализации (личностным диссонансом); «делинквентная девиация» – склонность к совершению правонарушений (проступков и преступлений), обусловленная психическим инфантилизмом, дефектами воспитания и нарушениями в мотивационно-ценностной сфере; «аддиктивная девиация» – предрасположенность к уходу от реальности путем изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ (алкоголизация, табакокурение, наркотизация).

- За рубежом также, в связи с существенно большей, чем в СНГ теоретической раздробленностью и неоднозначностью поля «девиантное поведение», используются методики диагностики отдельных видов девиаций (агрессии и самоагрессии, зависимого поведения, сексуальных перверсий и т.д.) и методики, позволяющие отличать девиации и психопатологии. В нашей стране и иных странах СНГ эти методики применяются, как правило, либо при вторичной оценке нарушений (после выявления всего «симптомокомплекса» девиантного поведения и его особенностей), либо когда суть нарушений и их причин и последствий не вызывает сомнений (психодиагностическая оценка выступает как уточнение экспертных оценок специалистов служб) [Клейберг, 2004; Glover & Albers, 2007; Lane, & Menzies, 2003; Levitt, et al., 2007; Reinke, et al., 2008; Severson, & Walker, 2002; Severson et al., 2007].

- Неспецифические, но часто используемые методики – это методика диагностики межличностных отношений (модификация Т. Лири – Л.Н. Собчик), «Модифицированный опросник для идентификации типов акцентуаций характера у подростков (МПДО)» (модификация теста А.Е.Личко), «Методика аутоидентификации акцентуаций характера» (Э.Г.Эйдемиллер) и т.д. [Клейберг, 2004; Дворянчиков и др., 2017; Tashcheva, Gridneva, Arpentieva, 2020].

При выборе методик психодиагностики девиаций рекомендуется использовать ряд принципов [Клейберг, 2004; Тацёва, Арпентьева, Гриднева, 2022; McLeod, Jensen-Doss, 2013]: 1. опоры и на эмпирические данные, и на теории нарушенного развития; 2. Непрерывности («мониторинга»); 3. совмещения номотетических и идиографических инструментов; 4. Опоры на представления о нормах развития и их варианты; 5. Опоры на представления о факторах культуры и иных макросоциальных факторах; 6. учет возможностей силы инструмента психометрической оценки. Цель диагностического обследования – создать максимально полное и точное описание нарушений, причин и последствий нарушений у несовершеннолетнего или взрослого человека, чтобы на основе этого описания создать действенные, результативные рекомендации для индивидуальной и/ или групповой программы помощи (сопровождения) и ресоциализации, определить направления профилактической и коррекционной работы.

В зарубежной и отечественной науке описаны общие принципы и методы коррекционной работы с девиантными детьми и подростками [Клейберг, 2004; Обследование детей ..., 2020; Шелкунова, Чугорев, 2018]: принцип системности коррекционных, профилактических и развивающих задач, единства диагностики и коррекции, коррекции и развития; единство возрастно-психологического и индивидуального в развитии, обеспечение уместности и своевременности оказываемой психолого-педагогической помощи и поддержки; принципы коррекции «сверху вниз» (создание зоны ближайшего развития) и «снизу вверх» (тренировка уже имеющихся способностей); деятельностный принцип осуществления коррекции, принципы возрастания сложности и прагматизма психолого-педагогического воздействия; нравственно-гуманистическая направленность психолого-педагогической помощи. Психокоррекция (социально-психологическая коррекция) как система социально-психологических вмешательств, преднамеренное системное (многоуровневое и многокомпонентное) психологическое воздействие, направленное на поддержку развития человека как личности, партнера, ученика и/или профессионала, – одна из основных, системообразующих составляющих и целей работы академических психологических служб [Арпентьева, 2015 и др.]. Стратегические цели психологической помощи девиантным субъектам образования [Змановская, Рыбников, 2012; Клейберг, 2004; Vista, 2016] связаны с *достижением*

продуктивных поведенческих изменений в следующих направлениях: формирование конструктивной мотивации (позитивных ценностей, ориентации на выполнение социальных требований и самосохранение) и выработка жизненно важных умений; интеграция индивидуального опыта и совершенствование саморегуляции /самоуправления; снижение тревожности (устранение изнурительных реакций тревоги, панических атак и т.п.), чувства неполноценности и бессилия, уменьшение дезадаптивного поведения, повышение стрессоустойчивости и расширение ресурсов личности; расширение социальных связей и позитивного социального опыта, повышение уровня социальной адаптации и интеграции; устранение дефицита в поведенческих репертуарах и развитие эффективных социальных навыков; развитие доверия и способности расслабляться и утверждать себя и других; достижение адекватного сексуального, пищевого и иного функционирования индивида как организма. При выборе методик психокоррекции девиаций можно порекомендовать опираться на следующий ряд принципов: 1. Опоры и на эмпирические, непосредственно наблюдаемые и доступные аспекты и ресурсы помощи и на теоретические модели коррекции нарушенного развития; 2. Системности, взаимосвязи коррекционных аспектов работы с диагностическими и профилактическими (сопровождение), 3. Нужна работа как в плане коррекции, так и коучинга (поддержки развития), 4. Совмещения номотетических и идиографических инструментов, опора на представления о нормах трансформации / развития человека в рамках выбранного подхода и их вариантах, учет возможностей и ограничений применяемого подхода, 5. Опоры на представления о факторах культуры и иных макросоциальных факторах; 6. Активизацию института «ближайших помощников», фасилитацию / активизацию собственных усилий клиентов.

Психокоррекционная работа сотрудников академических служб со студентами и преподавателями вузов включает ряд известных подходов, среди которых наиболее перспективными, а также требующими отбора и создания соответствующих психодиагностических методик, мы полагаем трансперсональные, ценностно-смысловые западные и российские модели, побуждающие человека к осознанию своей целостности с миром, своих нужд и целей, ценностей и значимых отношений, их отграничению от неистинных и ненужных, фиктивных и разрушительных желаний, идеализаций и отнимающих силы «знакомств». Также мы можем выделить японские системы работы с девиантным и преступным поведением, связанные с развитием чувства благодарности к миру, принятия реальности и неизбежности перемен и оставляемых ими «трещинок», с уважением к личной истории, которую стоит ценить, а не прятать, поддержанием «*икигай*» (осмысленности жизни), философии «*wabi sabi*» – истинного счастья в неидеальном мире, формирование «приглушенного вкуса» как осознание и переживание красоты в простоте, ограничениях жизни, осознание важности момента и обретение духовного богатства и безмятежности через отстранение от материального

мира (желаний), «расхламление» жизни, с «безмятежностью» перед реальностью взросления / старения, сопричастности законам / циклам природы. В процессе рефрейминга неудач (переосмысление неудачных психических шаблонов) необходимо помнить о незавершенности: происходящее или случившееся – не крах, а часть длящегося процесса, изгиб пути или «*фусимэ*» – «узел на побеге бамбука», важный переход с одного этапа на другой. Рост человека продолжается, несмотря ни на что, он рано или поздно приходит к «*моно но аварэ*» — чувству «печального очарования вещей» как опечаленности и признательности «цирку жизни». В найкан-терапии как психотерапии благодарностью [Арпентьева, 2015; Komoto, 2015] исцеление девиаций и иных нарушений предполагает вхождение в состояние прощения: осознания того, что человек постоянно получает несоизмеримую его усилиям и качествам благосклонность, заботу от других, на фоне общей невозможности компенсировать все свои прошлые проступки будущим испуительным поведением. Ограниченная способность обращаться за помощью связана со стыдом и чувством вины и негодования по отношению к окружающим, которые, однако, делают для человека больше, чем он сознает и достоин. Понимание этого рождает благодарность и счастье быть прощенным и прощать (освободиться) от последствий чужих и своих проступков без причин: свободу развиваться.

В основе профилактики и коррекции девиантного поведения лежат психологические теории нормального и аномального развития и заложенные в них пути нормализующего воздействия [Кащенко, 2012; Клейберг, 2004; Allport, 2015; Maslow, 1954; Rogers, 2013]. В своей деятельности преподаватели, социальные работники или психологи академических психологических служб сопровождения могут использовать комбинации методов профилактики и исправления девиаций.

Службы академического сопровождения за рубежом, например, в США и странах Западной Европы, работают в области профилактики и коррекции девиаций у субъектов образования, никоим образом не отделяя, не изолируя их от привычной социальной и культурной среды; их работа нацелена на стимулирование активности всех субъектов образования, вовлечение в процессы работы как «ближайших помощников» возможно большего количества участников и средств, в том числе подготовку службами психологического сопровождения вузов добровольцев из числа самих студентов, преподавателей и т.д. Также распространена практика групп самопомощи и взаимопомощи по модели «Анонимных алкоголиков», фиксированные на взаимопомощи у правлении собой, и практики, утверждающие способность человека управлять собой самостоятельно, без поддержки извне, включая противостояние групповому давлению иных девиантов и девиантных «норм». Психологи и педагоги интересуются переменными / факторами и условиями, трансформирующими реакции человека на неблагоприятное воздействие окружающей среды, склоняя его/ее

к дезадаптивным, девиантным реакциям совладания с трудностями. Ведутся исследования девиантного поведения не только в контексте поиска результативных способов коррекционного воздействия, но и в направлении поиска факторов, препятствующих (превентивующих) такому поведению. Профилактика девиаций усматривается в трансформации поведения, понимания и ценностей студентов. Так, в контексте исследований Б.П. Буунка [Buunk, 1990] педагогические действия по снижению уровня тревожности и девиантных реакций на тревогу связаны с оказанием социальной поддержки, снижением состояний изолированности и одиночества, состояний отчаяния и депрессии, скуки и отвержения, глупости и невежественности, опасности и необходимости защищаться, важности стремления быть включенным в группу, независимо от сиюминутных реакций на поведение отдельных членов: в процессе социального сравнения преодолевается состояние неуверенности; принадлежность к группе и следование ее нормам снижает тревожность и неопределенность; группа помогает в поиске нужной информации себе и мире. А. Бандура и Ф.Л. Менлав [Bandura & Menlove, 1968] отмечали, что люди склонны подражать тому, что они видят и слышат, их поведение основано на поведении других людей, они невольно и бессознательно воспроизводят (моделируют) как положительные, так и отрицательные модели поведения, поэтому девиация – результат злоупотреблений негативными, девиантными формами отношений со стороны взрослых и более высокостатусных людей. В процессе взаимодействия с окружающей средой, человек исследует разные варианты действия, либо используя их в будущем, либо отвергая [Клейберг, 2004; Anderson, 2012]. Важны также меры, направленные на развитие чувства идентичности с вузом и обществом в целом, поэтому, например, хороши программы сотрудничества образовательных учреждений с учреждениями здравоохранения и правоохранения [Danforth, Smith, 2015].

Важную роль также могут играть клубы по интересам и центры досуга, круглогодичные и сезонные лагеря, программы, направленные на помощь в выборе и освоении дополнительной профессии, повышении квалификации, развитии компетенций, необходимых для решения жизненных задач. Важно также обратить внимание на взаимодействие образовательных и научных учреждений, наставников и родителей (опекунов), иных членов семьи и «ближайших помощников» в целом, необходимо разрабатывать и внедрять комплексную систему превентивного, коррекционного и развивающего воздействия с привлечением междисциплинарной команды специалистов академических служб сопровождения, изучение и воздействие на системы факторов, которое приводило бы к деактуализации девиантного поведения студентов. В России упор делается на подготовку специалистов и волонтеров, отмечается общая «психологизация» воспитательной и обучающей деятельности как профилактических; акцентируется роль междисциплинарной экспертизы и коррекции девиаций, реабилитации и развития студентов [Клейберг, 2004; др.].

Выводы. Коррекция и профилактика девиантного поведения студентов, преподавателей и иных субъектов образования в вузах требует разработки и своевременного, уместного применения специальных систем мероприятий диагностического, профилактического, коррекционного и развивающего характера, которые могут не только сдерживать негативные эффекты девиаций, но и предотвратить еще более сложные ситуации. Социализация и вторичная социализация (ресоциализация) людей с девиантным поведением требует вовлечения их в гармоничные отношения в вузе, семье, обеспечение нормальных условий жизнедеятельности (социальная и психологическая защита и поддержка), обеспечение возможности нести вклад в общественное благополучие. Необходимо трансформировать деструктивные модели и изменить структуру поведенческих реакций, чтобы нивелировать негативное воздействие и усилить позитивное влияние социальных факторов образования.

Список литературы

1. Арпентьева М. Р. Антропологические аспекты девиантологии // Вопросы девиантологии. 2020. №1. С. 9-32.
2. Арпентьева М. Р. Синдром самозванца в деятельности социального работника // V Всероссийская научная конференция с международным участием «Стратегии развития общества и социальная работа». 10–13 октября 2022 года, Ростов-на-Дону. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2022. – С.45-48.
3. Арпентьева М.Р. Проблемы эффективности психологического консультирования в зарубежных исследованиях // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2015. №21 (3). С. 38-42.
4. Арпентьева М.Р. Японские модели психосоциальной поддержки // Россия – Япония: политика, история и культура: сборник статей и докладов участников международной научно- практической конференции. Казань, 04–06 октября 2018 года / Под научн. ред. Д.Е. Мартынова, А.Р. Аликберова, Р.Р.Мухаметзянова. – Казань: Академия наук Республики Татарстан, 2018. С.11-18.
5. Дворянчиков Н. В. Методическое руководство. Сборник тестов программно-методического комплекса дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт+» / Н.В.Дворянчиков, В.В. Делибалт, Е.Г. Дозорцева, М.Г. Дебольский, А.В.Дегтярев, Р.В. Чиркина, А. В. Лаврик. – Москва: МГППУ, 2017. - 230с.
6. Змановская Е. В. Девиантное поведение личности и группы / Е.В.Змановская, В. Ю. Рыбников. – СПб: Питер, 2012. – 352 с.
7. Кащенко В.П. Педагогическая коррекция. Исправление недостатков характера у детей и подростков. – СПб: Азбука, 2012. – 374 с.

8. Клейберг Ю.А. Социальная психология девиантного поведения. – М.: ТЦ Сфера, 2004. – 190с.
9. Колосницына М. Ю. Диагностика девиантного поведения / М.Ю.Колосницына, Г.С. Зайцев, Е.А. Кадацкая, & Л.Г. Алифанова // Акмеология. 2010. №3. С. 9-14.
10. Ларионова С.О. Девиантное поведение как научно-педагогическая проблема // Фундаментальные исследования. 2013. №1-1. С. 90-94.
11. Обследование детей с девиантным поведением / Сост. В.А.Мицкевич. – Иркутск: Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи. 2020. 51 с.
12. Орел А. Н. Определение склонности к отклоняющемуся поведению // Сб. тестов программно-методического комплекса дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт+». – Москва: МГППУ, 2017. С.8-24.
13. Тащёва А. И. Диагностика и коррекция девиаций в вузе / А.И.Тащёва, М.Р. Арпентьева, С. В. Гриднева // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 3. С. 45-56.
14. Шелкунова Т. В. Возможности психологической коррекции девиантного поведения подростков / Т. В. Шелкунова, А. С. Чугорев // Проблемы современного педагогического образования. 2018. №60-3. С. 478-481.
15. Allport, G. The Nature of Personality: Selected Papers / G. Allport. – Text: direct. – London: Praeger, 2015. – 115 p.
16. Anderson, S. Psycho-Educational Processes as Strategies for Students Presenting with Emotional and Behavioral Disorders / S. Anderson. – Text: direct // American International Journal of Contemporary Research. – 2012. – Vol. 2(7). – P.174-183.
17. Bandura, A. Factors Determining Vicarious Extinction of Avoidance Behavior through Symbolic Modelling / A. Bandura, F. Menlove. – Text: direct // Journal of Personality and Social Psychology. – 1968. – Vol.8. – P. 99- 108.
18. Buunk, B. P. Affiliation and Helping Interactions within Organizations: A Critical Analysis of the Role of the Social Support with the Regard to Occupational Stress / B. P. Buunk. – Text: direct // European Review of Social Psychology. – 1990. – Vol. 1. – P. 293-322.
19. Clinard, M. Sociology of Deviant Behavior / M. Clinard, & R.Meier. – Text: direct. – Wadsworth: Cengage Learning, 2011. – 377 p.
20. Danforth, S. Engaging Troubling Students: A Constructivist Approach / S. Danforth, T. J. Smith. – Text: direct. – London: Corwin Press, 2015. – 374 p.
21. Glover, T. A. Considerations for evaluating universal screening assessments / T. A. Glover, & C.A. Albers. – Text: direct // Journal of School Psychology. – 2007. – Vol. 45. – P. 117-135.
22. Komoto, Y. Brief intervention based on Naikan therapy for a severe pathological gambler with a family history of addiction: emphasis on guilt and

forgiveness / Y. Komoto. – Text: direct // Asian Journal of Gambling Issues and Public Health. – 2015. – Vol. 5(2). - P. 20-26. – <https://doi.org/10.1186/s40405-015-0007-3>

23. Lane, K. L. A school-wide intervention with primary and secondary levels of support for elementary students: Outcomes and considerations / K.L.Lane, & H.M. Menzies – Text: direct // Education and Treatment of Children. – 2003. – Vol. 26. – P. 431-451.

24. Levitt, J.M. Early identification of mental health problems in schools: The status of instrumentation / J. M. Levitt, N. Saka, L. H. Romanelli, & K.Hoagwood. – Text: direct // Journal of School Psychology. – 2007. – Vol. 4. – P.163-191.

25. Maslow, A. Motivation and Personality / A. Maslow. – Text: direct. – New York: Harper & Row, 1954. – 193 p.

26. Mcleod, B. D. Overview of Diagnostic and Behavioral Assessment / B.D. McLeod, A. Th. Jensen-Doss. – Text: direct // Diagnostic and Behavioral Assessment in Children and Adolescents: A Clinical Guide / Eds. by B.D.McLeod, A. Jensen-Doss, and Th. H. Ollendick. – New York, NY: Guilford Publications, 2013. – P. 3-33.

27. Reinke, W. M. Empirically derived subtypes of child academic and behavior problems: Co-occurrence and distal outcomes / W. M. Reinke, K.C.Herman, H. Petras, N. S. Ialongo. – Text: direct // Journal of Abnormal Child Psychology. – 2008. – Vol. 36. – P.759-770.

28. Rogers, C. On Becoming a Person: A Therapist's View of Psychotherapy / C. Rogers. – Text: direct. – London: Constable, 2013. – 184 p.

29. Severson, H. H. Pro-active approaches for identifying children at risk for socio-behavioral problems / H. H. Severson, & H. M. Walker. – Text: direct // Interventions for children with or at-risk for emotional and behavioral disorders / K.L. Lane, F.M. Gresham, & T.E. O'Shaughnessy (Eds.). – Boston: Allyn & Bacon., 2002. – P. 33-54.

30. Severson, H. H. Proactive, early screening to detect behaviorally at-risk students: Issues, approaches, emerging innovations, and professional practices. – Text: direct / H. H. Severson, & H. M. Walker, J. Hope-Doolittle, T.R. Kratochwill, & F. M. Gresham // Journal of School Psychology. – 2007. – Vol. 45. – P. 193-223.

31. / N. V. Vista – Text: direct // International Journal of Environmental & Science Education. – 2016.- Vol. 11. – No Tashcheva, A.I. Value-motivational sphere of the deviant students and academics counseling in higher schools / A.I. Tashcheva, S.V. Gridneva, and M.R. Arpentieva. – Text: direct // Bulletin of national academy of sciences of the republic of Kazakhstan. – 2020. – Vol. 6. – P. 223-233.

32. Vista, N. V. Psychological and Pedagogical Conditions for the Prevention of Deviant Behavior among Adolescents. 15. – P. 8536-8551.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflict of interests.

БИО-ПСИХО-СОЦИО-ДУХОВНЫЙ ПОДХОД К КОМПЛЕКСНОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В. В. Герасимова

(Казань, Республика Татарстан, Россия)

Об авторе: *Герасимова Вера Вадимовна*, кандидат психологических наук, доцент кафедры психотерапии и наркологии Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, Казанского филиала Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования Министерства здравоохранения Российской Федерации. E-mail: leto2301@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается системный подход к повышению качества работы по первичной профилактике наиболее выраженных в современной действительности форм девиантного поведения, таких как: экстремизм и терроризм, наркотизация, суицидальное поведение, ВИЧ (СПИД) и ЗППП, правонарушения, в условиях организации высшего образования. Приводится актуальное, целенаправленное методическое решение по интеграции и синхронизации мероприятий профилактического направления в студенческой среде.

Ключевые слова: Профилактика, студенты, био-психо-социо-духовная парадигма.

BIO-PSYCHO-SOCIO-SPIRITUAL APPROACH TO COMPREHENSIVE PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR IN THE CONDITIONS OF EDUCATIONAL ORGANIZATION OF HIGHER EDUCATION

Vera V. Gerasimova

(Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Abstract. The article reveals a systematic approach to improving the quality of work on the primary prevention of the most pronounced forms of deviant behavior in modern reality, such as extremism and terrorism, drug addiction, suicidal behavior, HIV (AIDS) and STDs, offenses, in the conditions of higher education. An up-to-date, purposeful methodological solution for the integration and synchronization of preventive measures in the student environment is given.

Keywords: prevention, students, bio-psycho-socio-spiritual paradigm.

Современная действительность и существующие в ней вызовы является достаточно стрессогенно-токсичными и травматичными в целом для молодежи, и в частности для студенчества.

В силу специфики восприятия и неспособности критически воспринимать поступающую информацию, представители молодого поколения становятся наиболее уязвимой категорией для внешнего воздействия и распространения различных форм девиантного поведения.

Разработанные и реализуемые в последние годы подходы, технологии и механизмы по определённому направлению профилактики не дают ожидаемого результата. Причин этому несколько. Во-первых, выраженная разница профилактических задач, формируемых разными ведомствами для образовательных организаций (организационных, кадровых, инструментальных, методических и материальных, финансовых) и реальными условиями их реализации. Во-вторых, в поколенческих характеристиках студентов и преподавателей, динамике и содержании жизнедеятельности.

Современное студенчество испытывает ощутимое негативное влияние: цифровизации; последствий пандемии, в связи с коронавирусной инфекцией; нестабильности мирового устройства; глобального кризиса нравственных ценностей и жизненных устоев.

Реакцией на существующие вызовы зачастую становится девиантное поведение, спектр которого достаточно широк. Он представлен как в аутоагрессивном, так и гетероагрессивном проявлениях, от самоуничтожения до саморазрушения, от протестных агрессивных действий декларативного характера до фанатичной, насильственной ликвидации себя и других, в том числе в стенах своей образовательной организации.

Известным российским ученым-девиантологом Ю.А. Клейбергом предложена типология отклоняющегося поведения, в которой он выделил следующие три группы:

- Деструктивное девиантное поведение (социальная патология);
 - Социально нейтральное девиантное поведение (социальный паразитизм);
 - Позитивное девиантное поведение (социальное творчество).
- побеги из дома и бродяжничество, наркотизм, вандализм, самоубийство, гомосексуализм [Клейберг, 2020, с. 48; Клейберг, 2022, с. 85].

Е.В. Змановская объединяет все виды отклоняющегося поведения в три группы:

- антисоциальное (делинквентное): насилие по отношению к младшим детям или сверстникам, жестокое обращение с животными, воровство, мелкое хулиганство, разрушение имущества, поджоги;
- асоциальное (аморальное): побеги из дома, бродяжничество, школьные прогулы, агрессивное поведение, злословие, ложь, воровство, вымогательство (попрошайничество);
- аутодеструктивное (саморазрушительное или аутоагрессивное) курение, алкоголизм, наркомания, суициды [Змановская, 2003].

Очевидно, что все группы девиантного поведения имеют единый алгоритм формирования, а также комплекс риск факторов, который у каждого

человека индивидуализируется. Своевременно переформатирование организации работы по профилактике девиантного поведения у студентов, с учетом этих позиций и на основе принципов целостности, постепенности, системности, комплексности, ориентации развития личности в аспекте био-психо-социо-духовной научной парадигмы.

Кроме того, современные студенты имеют ряд специфических характеристик, так им присуще клиповое мышление; высокая контактность, которая зачастую отличается «легковесностью» и беспечностью, свойственен широкий круг знакомств «без обязательств» и быстро меняющиеся интересы, хобби, увлечения. Их ожидания и требования, зачастую завышены и не подкреплены реальными навыками и достижениями. Они трудно адаптируются к иерархии и четко построенной субординации. Активные, деятельные, независимые, любят критиковать, о недостатках говорят охотнее, чем о достоинствах, быстро утомляются. Для них важен свой комфорт и свое время [Карпов, Белоусова 2020, с.13-15].

Студенты тяготеют к коротким, динамичным встречам, в виде психологических практикумов, реализуемых в интерактивном формате с применением цифровых средств.

Проводимые психодиагностические исследования и социологические опросы студентов, указывают на своевременность разработки и реализации Комплексной программы профилактики асоциального поведения в вузе. Кроме того, результаты наблюдения и анализ продуктов деятельности студентов университета свидетельствует о необходимости создания специальных условий в вузе для купирования рисков отклоняющегося поведения, в том числе в виде восстановительных психологических площадок, включающих наличие сенсорного оборудования и программно-аппаратных устройств. А также разработке профилактического контента, к которому можно обращаться в свободное время, смотреть в транспорте, на переменах между занятиями.

Учитывая актуальный запрос студенческой аудитории и ожидаемые результаты профилактической работы, в университете была разработана Комплексная программа профилактики асоциального поведения студентов КФ ФГБОУ РГУП на 2022 -2025 годы (далее – Программа). Она направлена на совершенствование работы по первичной профилактике наиболее выраженных и вызывающих тревогу у профессорско-преподавательского состава и экспертов современных форм асоциального поведения, таких как: экстремизм и терроризм, наркотизация, суицидальное поведение, ВИЧ (СПИД) и ЗППП, правонарушения.

Программа разработана на основе современной научной био-психо-социо-духовной парадигмы человека и общества, площадкой которой явился Казанская государственная медицинская академия – филиала ФГБОУ ДПО РМАНПО Минздрава России. В ней объединены четыре составляющие по потребностно-иерархическому принципу «матрешечного»

(голографического) типа, с позиционированием конгруэнтности и иерархии масштабов материальных, психологических, социальных и духовных потребностей. Эта иерархия потребностей и смыслов применяется как способ для определения конструктивных и деструктивных воздействий на человека, основываясь на самозащите посредством разумного эгоизма [Карпов, 2019, с.13].

Программа объединяет пять тематических подпрограмм. А именно:

- Подпрограмма 1. «Профилактика экстремизма, терроризма в студенческой среде и формирования гражданской идентичности»;
- Подпрограмма 2. «Профилактики наркотизации и формирования осознанной трезвости»;
- Подпрограмма 3. «Профилактика суицидального поведения и формирования ответственности за свое психическое здоровье»;
- Подпрограмма 4. «Профилактика ВИЧ/СПИД, ЗППП» и формирования ответственного поведения за свое репродуктивное здоровье»;
- Подпрограмма 5. «Профилактика правонарушений и формирование законопослушного образа жизни».

В наименовании подпрограмм присутствуют два взаимообусловленных компонента, раскрывающих предмет профилактики и то, посредством чего она будет достигнута.

Каждая из подпрограмм комплексной программы имеет свои цели, задачи, содержательный контент, критерии реализации, ресурсы для реализации. При этом уникальные цели подпрограмм интегрированы в структурно-образующие элементы комплексной программы.

Работа со студентами группы риска не выведена в отдельную подпрограмму, а находит свое отражение в содержании каждой тематической подпрограммы.

Важно отметить, что при разработке комплексной программы были использованы результаты социологического опроса профессорско-преподавательского состава университета. Они свидетельствовали о том, что, современные студенты имеют ряд проблем психологического характера. Приведем их по мере выраженности по нисходящей динамике, опираясь на мнение преподавателей. Итак, наиболее выражено слабое развитие навыков планирования и реализации намеченных планов, далее – проблема правильности профессионального выбора, после нее – трудности в общении, затем – негативизм и одиночество.

При этом на вопрос, по какой проблематике сами преподаватели хотели услышать экспертное мнение, чаще всего были отмечены темы: «Стресс и саморегуляция». «Профилактика эмоционального (профессионального выгорания)»; «Конструктивное общение»; «Мотивация студентов на учебную деятельность и здоровую самореализацию в жизни»; «Связь поколений: отношения преподавателей и студентов, родителей и детей».

Полученные сведения по этим вопросам, учитывались при разработке кураторских часов по тематическим подпрограммам Комплексной программы.

Отметим, что в рамках Комплексной программы из 32 кураторских часов, отведенных на год, десять посвящены проблематике самой программы, это третья часть от общего их количества. В каждой подпрограмме заложено по одному кураторскому часу в семестр, соответственно за полгода реализуется пять тематических мероприятий по проблематике подпрограмм.

Мониторинг реализации комплексной программы спроектирован по трем векторам: (1) *социально-психологический вектор*, представляет собой отслеживание динамики комплексной программы в целом и по ее составляющим на уровне личности студента, студенческой группы, курса; (2) *ориентационно-коррекционный вектор*: реализуется по завершению ряда мероприятий, а также завершению учебного года в реализации подпрограмм комплексной программы; (3) *организационно-методический вектор*, заключается в контроле за разработкой и наличием распорядительных документов, методических и аналитических материалов, тематических разработок, в том числе студенческих научных работ по ряду подпрограмм и др.

Инструментами мониторинга определены методики психологических обследований, социологические опросы и анкетирование, документация планово-отчетная, исследовательская и методическая.

В мониторинге заложено как определение исходных показателей индикаторов комплексной программы и ее подпрограмм, по которым будут сравниваться изменения, произошедшие в результате ее реализации, так и заданные критерии оценки ее эффективности.

Таким образом, представленная комплексная программа, ориентирована на формирование внутривузовской среды, обеспечивающей усвоение студентами основ и преимуществ нормативного, здоровьесберегающего, конструктивного поведения, создания защитных механизмов от различного рода деструктивных проявлений современной действительности, с учетом актуальной психологической проблематики студентов и преподавателей.

Реализация программы в университете ориентирована на новый качественный уровень организации профилактической работы, базирующейся на основе современной био-психо-социо-духовной научной парадигмы сохранения и защиты психического здоровья человека и общества.

Новый качественный уровень интегрирует в себе следующие результаты программной деятельности:

- наличие функционального разноуровневого мониторинга факторов, способствующих вовлечению студентов в различные формы асоциального поведения;
- сокращение числа студентов, отнесенных к группе риска по той или иной форме асоциального поведения или сочетанию нескольких форм;

- увеличение доли студентов, способных конструктивно справляться с различными видами деструктивных психологических воздействий современности;

- наличие разработанной и апробированной матрицы профилактической работы в организации высшего образования;

- аккумуляция эффективных инструментов (технологий) профилактической работы со студентами в рамках деятельности кураторского корпуса (преподавателей и студентов наставников) и профильной психологической деятельности педагогов-психологов Университета, в том числе проектной формации;

- наличие в вузе комфортной, благоприятной среды для продуктивной самореализации студентов в обучении, творческой деятельности и др. сферах жизни.

Список литературы

1. Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие. Для студентов высш. учеб заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. - 288 с.

2. Карпов А.М., Белоусова М.В., Герасимова В.В. Психотерапевтическая практика консультирования: учебно-методическое пособие. – Казань: ИД «МеДДоК», 2020. – 44 с.

3. Карпов А.М., Набиуллина Р.Р., Кирюхина М.В., Белоусова М.В. и др. Теоретические, методические и инструментальные основы сохранения психического здоровья молодежи и профилактики вовлечения в массовые протестные мероприятия экстремистские/террористические организации: Научно-методическое пособие / А.М. Карпов [и др.]. - Казань: ИД «МеДДоК», 2019. – 132 с.

4. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения: Учебное пособие для вузов с кейсами и практикумом. – 12-е изд., перераб. и доп. – Тверь: Тверской гос. ун-т., 2020. 268 с.

5. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения. Избранные труды. Монография. – В 3-х т. – Т.1. – Алматы: Изд-во «Лантар books», 2022. – 602 с.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflict of interests.

К ВОПРОСУ МИНИМИЗАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРОЦЕССЕ ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

И. Ю. Блясова (*Шадринск, Россия*),
Н. А. Коканов (*Челябинск, Россия*)

Об авторах: *Блясова Ирина Юрьевна*, член-корреспондент Академии педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент. Почетный работник высшего профессионального образования РФ; *Коканов Николай Анатольевич*, старший преподаватель кафедры общей и профессиональной педагогики института образования и практической психологии Челябинского государственного университета.

Аннотация. В статье речь идет о факторах, оказывающих негативное влияние на подрастающее поколение, предлагаются рекомендации по улучшению деятельности субъектов системы профилактики, направленные на минимизацию последствий преступности несовершеннолетних. Также рассматривается роль социально-педагогического сопровождения, основанного на заинтересованности, ответственности, добровольности, согласованности действий участников образовательного процесса, направленных на повышение уровня жизненных ценностей подростков, на формирование их положительного самовосприятия. Материалы статьи носят практико-ориентированный характер и представляют практическую значимость для лиц, занимающихся проблемами развития личности.

Ключевые слова: правонарушение, преступность, несовершеннолетние, меры профилактики, условия, предупредительная деятельность, технологии предупреждения преступлений.

ON THE QUESTION OF MINIMIZING THE CONSEQUENCES OF MINOR CRIME IN THE PROCESS OF ITS PREVENTION

Irina Yu. Blyasova (*Shadrinsk, Russia*),
Nikolay A. Kokanov (*Chelyabinsk, Russia*)

Abstract. The article deals with the factors that have a negative impact on the younger generation, offers recommendations for improving the activities of the subjects of the prevention system aimed at minimizing the consequences of juvenile delinquency. The role of socio-pedagogical support based on interest, responsibility, voluntariness, coordination of actions of participants in the educational process aimed at improving the level of life values of adolescents,

the formation of their positive self-perception is also considered. The materials of the article are of a practice-oriented nature and are of practical importance for persons dealing with problems of personal development.

Keywords: offense, crime, minors, preventive measures, conditions, preventive activities, crime prevention technologies.

В современном обществе в связи с дезорганизацией социальных отношений, снижением роли социального контроля, авторитета норм морали и нравственности происходит отчуждению от социальных ориентиров, общепризнанных нравственных ценностей, что приводит к росту противоправного поведения подрастающего поколения. Не случайно Президентом РФ был подписан Указ от 09.11.2022 N 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей", утверждающий основы госполитики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей. В приказе перечислены в качестве приоритетных направлений высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение [18].

Формирование духовно нравственных ценностей имеет важное значение для формирования личности подрастающего поколения, поскольку подростково-юношеский возраст считается одним из сложных периодов развития личности, именно в этом возрасте происходит формирование характера и становление личности под влиянием ближайшего окружения и общества в целом. Данный возраст считается переходным, доминирующими потребностями выступают потребность в общении со сверстниками, в автономии и независимости от взрослых, в самоутверждении, желании стать значимым в коллективе сверстников. Поведению подростков свойственно низкий жизненный опыт, низкий порог самокритичности и самоконтроля, эмоциональная неуравновешенность, повышенная самооценка, стремление к независимости.

Для отдельных подростков характерными становятся неумение сдерживать себя, слабость самоконтроля, отсутствие сдержанности в поведении, которые могут сказываться на межличностных взаимоотношениях, или даже стать предпосылкой для развития девиантного поведения.

В настоящее время показатели подростковой преступности продолжают оставаться по-прежнему высокими, о чем свидетельствуют данные, приведенные в таблице по отдельно взятым регионам.

Количество выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления с 2017-2022 гг. на 100 тыс. населения (по областям).¹

¹ Портал правовой статистики http://crimestat.ru/regions_chart_total

	2018 год	Мес то в рейт инге	2019 год	Мес то в рейт инг е	2020 год	Мест о в рейти нге	2021 год	Мес то в рейт инге	Октяб рь 2022	Мест о в рейт инге
Курганская область	426	36	429	34	304	40	292	38	192	42
Тюменская область	591	23	533	24	412	30	408	24	315	24
Челябинская область	1742	2	1651	2	1557	1	1159	2	820	3
Свердловская область	2129	1	1955	1	1527	2	1316	1	906	1

В таблице приведены данные по подростково-юношеской преступности за отдельные периоды без учета латентной преступности, т.е. на самом деле показатели были бы еще выше. Данные по преступности представлены по отдельным регионами. Если анализировать картину в целом по регионам, то можно отметить достаточно высокие показатели по преступности среди несовершеннолетних. Для несовершеннолетних правонарушителей характерными особенностями становятся искажение мотивационной и ценностной сферы, сопровождаемые бесцельным времяпрепровождением, низким уровнем культуры, снижением интереса к учению и труду, при повышенном интересе к досугу, сопровождаемому бесцельным и негативным времяпрепровождением, употреблением спиртосодержащих напитков, наркотиков, курением. Как правило, бесцельное времяпрепровождение вызывает у подростков желание удовлетворить социально – негативные потребности противоправными способами.

Источником девиантного поведения подростка становится противоречие между потребностями (устремлениями, ценностями) и возможностями их удовлетворения [Куренова Я.И., 2011, с.198].

Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что принимаемые меры органами системы профилактики по стабилизации криминогенной ситуации в подростковой среде оказываются недостаточными, поскольку уголовная статистика, свидетельствует о росте жестокости, общественной опасности преступлений, совершенных несовершеннолетними [Куренова Я.И., 2011, с.3].

Повышение тяжести преступных деяний несовершеннолетних создает угрозу безопасному развитию, как самой личности, так и государству, и обществу в целом. Противоправное поведение является результатом нарушения процесса социализации, который выражается в социальной дезадаптации, то есть несоответствии поведения тем нормам и требованиям системы отношений, существующих в обществе, в которые включается

личность по мере своего социального становления и развития. Пик таких нарушений приходится как раз на подростковый возраст.

Приведенные выше данные становятся поводом задуматься над тем, какие факторы негативно влияют на подростков, какие меры могут быть приняты для их нейтрализации и оказания своевременной помощи. В этих условиях одной из важных и социально значимых задач, становится поиск путей снижения роста преступлений среди несовершеннолетних и повышение эффективности применяемых мер.

Таким образом, подростковая преступность при значительных масштабах её распространения требует решительных, целенаправленных мер по ее предупреждению.

Исследователи данной проблемы (З.А. Астемиров, Я.И. Гишинский, А.И. Долгова, В.Д. Ермаков, Г.И. Забрянский, К.Е. Игошев, Ю.А. Клейберг, Г.М. Миньковский, В.П. Ревин, и др.) указывают на то, что девиантное поведение является результатом деформации сознания личности под воздействием прямых, либо косвенных десоциализирующих факторов. В своих работах Я.И. Гишинский указывает на то, что «Генезис подростково-молодежной преступности подчиняется общим закономерностям. Нет каких-то особых, специфических причин преступности подростков и молодежи. Но социально-экономическое неравенство, неравенство возможностей, доступных людям, принадлежащим к различным группам (слоям), своеобразно проявляется применительно к подросткам и молодежи» [Гишинский Я.И., 2010, с. 85].

Ю.А. Клейберг справедливо подчеркивает, что существенное влияние на отклоняющееся поведение оказывают дефекты социализации, которые возникают при наличии ошибок в воспитании, асоциальной мотивации, антиобщественной ориентации, отсутствии индивидуального социального опыта, общении в группе с лицами, предрасположенными к отклоняющемуся поведению. Негативно сказываются на процессе становления личности педагогическая несостоятельность взрослых, которая довольно часто проявляется в преимущественном использовании мер наказания, а не поощрения. При этом в нормальных условиях процесс усвоения моральных и правовых норм заканчивается в возрасте 14-16 лет [Клейберг Ю.А., 2022].

В.В. Кухарук так же указывает, что «причины и условия преступности несовершеннолетних, как и преступности в целом, носят социально обусловленный характер. Они, прежде всего, зависят от конкретных исторических условий жизни общества, от содержания и направленности его институтов, сущности и способов решения основных противоречий» [Поликашина О.В., 2013, с. 71].

Авторы склонны считать, что преступность несовершеннолетних, порождает круг социальных явлений, которые оказывают влияние на качество жизни, поведение и мировоззрение подрастающего поколения. Среди факторов, нарушающих процесс социализации личности подростков, ученые

называют ухудшение экономической ситуации в стране, снижение жизненного уровня населения, семейное неблагополучие: не понимание ребенка, отсутствие контроля со стороны родителей за ребенком, конфликты со сверстниками, учителями и др.

В сложившихся условиях предупреждение и устранение указанных факторов, защита детей и подростков от неблагоприятного влияния среды, создание нормальных условий для их социально значимого развития должны стать ведущими направлениями в сфере предупреждения личностных деформаций подростков.

Положительный результат профилактики может быть достигнут при условии, что она будет объединять решение вопросов экономического, социального, психолого-педагогического и правового характера. Наличие комплексного подхода будет способствовать устранению воздействия негативных факторов на личность подростков, коррекции их поведения и ослаблению, и устранению причин и условий преступности. Важная роль в профилактике правонарушений среди подростков должна быть отведена таким социальным институтам, как семья, учреждениям общего и дополнительного образования, центрам социальной защиты, общественным и досуговым организациям и др. [Емельянова Л.В., Забрянский Г.И., 2000].

Полагаем, что основой современной профилактики должна стать педагогизация окружающей среды. Л.И. Маленкова [Маленкова Л.И., 2001] в системе профилактики правонарушений среди несовершеннолетних выделяет следующие блоки:

- формирование педагогической культуры дома, семьи, школы, двора;
- организацию воспитания подростков в коллективе;
- организацию и принятие неформальных групп при позитивном направлении их энергии;
- организацию детских и общественных движений с участием в них «запущенных» подростков;
- использование разнообразных организационных форм;
- использование пяти точек опоры воспитания: природы, культуры, дела (которое человек делает), людей (с которыми он вступает в самые разнообразные отношения), «Я сам» как наивысшей ценности.

Такая организация профилактики правонарушений подростков, по мнению исследователя, может быть эффективной при соблюдении следующих условий: воспитание должно выступать для подростка цепью разнообразных прогнозируемых и неожиданных событий, которые имеют значительный личностный смысл и для него, и для педагога; основу должна составлять воспитательная позиция педагога.

В профилактике деформаций личности можно выделить ряд направлений:

- своевременное выявление подростков с отклонениями в поведении;
- изучение причин и условий возникновения этих отклонений;

- определение воспитательных возможностей в воздействии на подростков «группы риска»;
- планирование работы на основе диагноза и прогнозирования (определение задач, содержания, форм и методов психолого-педагогического воздействия);
- организация деятельности по предупреждению девиантного поведения подростков,
- контроль результатов этой деятельности;
- взаимодействие в этой работе образовательных учреждений, семьи и общественности.

При этом важно совершенствовать формы и методы воспитательного воздействия на подростков в образовательных организациях, поскольку совершение преступлений несовершеннолетними в большей степени свидетельствует о недостатках их воспитания и механизмах включения в жизнедеятельность общества.

Профилактика должна быть направлена не только на предотвращение преступности и ее проявлений, но и на актуализацию защитных ресурсов личности, обеспечение социально одобряемого выбора поведения и жизненного пути. Особым потенциалом в профилактике социально-педагогической преступности обладают образовательные организации. В образовательной среде несовершеннолетних можно вовлекать в процесс формирования правил и норм регулирования отношений в школе; создание разнообразных социальных проектов; организацию учебных курсов по вопросам правового просвещения и др. [Гончарова М.В., 2016].

А.Э. Жалинский, верно полагает: «любой элемент профилактической деятельности может и должен осуществляться с помощью заранее разработанных, научно обоснованных и экспериментально проверенных приемов, которые конкретизируются применительно к статусу участника профилактики, целям профилактического труда и обстановке его существования» [Жалинский А.Э., 2014, с. С. 320-321].

Как верно указывает М.И. Еникеев, при благоприятных условиях воспитания или даже при коррекции нарушений, особенности деформации личности «трудного» подростка могут быть заменены деятельностью, одобряемой обществом. А при неблагоприятных социальных условиях – приобретают отрицательную направленность [Еникеев М.И., 2015, с.215].

Технологии предупреждения преступлений Е.В. Грибанов рассматривает как последовательность действий, совокупность приемов, методов и решений, применяемых для достижения прогнозируемого результата по недопущению совершения преступлений путем выявления, устранения или минимизации криминогенных факторов, оказания профилактического воздействия на личность человека на индивидуальном, групповом и массовом уровнях, с целью устранения последствий преступности [Грибанов Е.В.].

Основой для технологизации процесса предупреждения преступлений и обучения ему соответствующих субъектов должна быть разработка универсальной (типовой) технологии предупреждения отдельных видов и групп преступлений. В структуре универсальной технологии предупреждения преступлений Е.В. Грибанов выделяет ряд этапов:

Первый этап диагностики и аналитики. На данном этапе осуществляются определение и постановка конкретной проблемы. На основе источников информации о преступности на конкретной территории, ее причинах и условиях, оценки оперативной и криминогенной обстановки, результатов криминологических исследований субъект предупреждения преступлений должен четко обозначить круг наиболее значимых проблем, которые необходимо разрешить, либо остроту которых необходимо минимизировать. К таким проблемам автор относит: обеспечение личной и имущественной безопасности граждан от преступных посягательств; профилактику правонарушающего поведения отдельных категорий граждан и др.

На втором этапе объектом воздействия может быть социальная группа, конкретный индивид или его микросреда, соответственно, создается три уровня предупредительного воздействия: массовый, групповой и индивидуальный.

Третий этап связан с разработкой подробного плана предупредительной деятельности, программы, социального проекта, сценария и др. На данном этапе речь идет о привлечении к профилактической работе третьих лиц: некоммерческих организаций, граждан, средств массовой информации и др.

На четвертом этапе происходит непосредственная реализация предупредительной деятельности и ее освещение.

Пятый этап оценки и корректировки. На данном этапе предупредительная деятельность не заканчивается, но важно дать профессиональную оценку проделанной работе, выявить ее положительные результаты и недостатки. Такая работа позволит отказаться от мероприятий, которые не имеют должной эффективности, и аккумулировать ресурсы на тех из них, которые, напротив, демонстрируют высокую эффективность [Грибанов Е.В.].

Представленная автором типовая технология предупреждения преступлений не претендует на исключительность, в то же время требует дальнейшей разработки и наполнения.

Отдельные ее положения могут быть использованы в предупредительной деятельности на практике, а также при разработке технологий отдельных видов и групп преступлений.

Т.М. Зайко к приоритетным мерам общесоциального предупреждения преступности несовершеннолетних относит:

– комплексное, в том числе и законодательное, определение деятельности семьи, государства и общества по воспитанию подростков и детей;

– укрепление родительской семьи как одного из наиболее важных социальных институтов, который должен оказывать значительное влияние на формирование личности подрастающего поколения;

– создание для подростков, утративших родительскую семью или в случае ее неблагополучия, условий, максимально приближенных к семейному воспитанию [Зайко Т.М., 2017].

Далее остановимся на характеристике мер общего, специального и индивидуального предупреждения конкретных видов преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Интерес представляют взгляды Р.В. Колесникова сделанные на основании экспертных опросов сотрудников правоохранительных органов из различных субъектов России. Значимой группой мер общесоциальной профилактики преступности несовершеннолетних он считает нравственно-психологические меры. Данные меры включают:

- организацию и проведение для родителей мероприятий, способствующих духовно-нравственному развитию личности, основам уклада семейной жизни и сохранения семейных традиций;

- создание и развитие государственной системы полового воспитания несовершеннолетних, с разработкой специальных школьных курсов, которые предполагают участие психологов и врачей;

- широкое внедрение и развитие в стране сети кризисных и психологических центров, «горячих линий» и консультационных центров по вопросам взаимоотношений в семье, в том числе между родителями и детьми [Колесников Р. В., 2020].

Важным направлением профилактической деятельности выступает ранняя индивидуальная профилактика, которая направлена: на выявление и устранение неблагоприятных факторов жизни и воспитания несовершеннолетнего до того, как они повлияли на формирование его взглядов и поведения; своевременное выявление и устранение источников негативного влияния на подростков; оказание на них сдерживающего и корректирующего влияния.

В этом плане важную роль играет психолого-педагогическое сопровождение в образовательных организациях, которое позволяет своевременно выявить различного рода деформации и отклонения в поведении детей и подростков, и сформировать меры последующей коррекции такого поведения, своевременно выявить лиц, склонных к правонарушениям, и предотвращению преступлений [Харина А.Е.].

Отдельно можно выделить меры специально-криминологической профилактики, которые призваны устранять, нейтрализовать, минимизировать криминогенные детерминанты преступности

несовершеннолетних, улучшить социальную среду, скорректировать отклоняющееся поведение несовершеннолетних [Иванова А.А., 2018]. Индивидуальная профилактика, реализуемая в деятельности ОВД, включает: беседы с несовершеннолетними, вовлечение их в секции, клубы, детские и молодежные общественные объединения; встречи с педагогами образовательной организации; посещение несовершеннолетних по месту жительства; объявление официального предостережения взрослым, которые негативно влияют на несовершеннолетних.

Профилактика преступности несовершеннолетних будет эффективна в том случае, если она носит комплексный характер. Это говорит о важности объединения усилий всех субъектов профилактики в единую систему.

С целью минимизации преступности несовершеннолетних важно обратить внимание на:

- активную право просветительскую работу не только несовершеннолетних, но и педагогов, родителей через образовательные учреждения, участие ОВД, общественных организаций;

- вовлечение несовершеннолетних в активную социальную, спортивную, учебную, трудовую деятельность, деятельность по разработке и реализации общественно-значимых проектов;

- мониторинг состояния правонарушений и проведения разного рода профилактических мероприятий, мониторинг количества несовершеннолетних, демонстрирующих готовность к девиантному поведению, те или иные его формы через участие ОВД, службы психолого-педагогического сопровождения и педагогов ОУ;

- оценку эффективности проводимых мероприятий и их своевременную коррекцию;

- коррекционную работу с несовершеннолетними, демонстрирующими признаки девиантного поведения и склонность к совершению правонарушений.

Отдельным пунктом системы профилактики следует выделить подготовку специалистов для работы с несовершеннолетними по направлению, предусматривающему изучение особенностей физиологии и психологии детского и подросткового возраста, приобретение навыков применения педагогических и психологических знаний при реализации мер ранней профилактики преступности несовершеннолетних, использования медиативных технологий.

Таким образом, профилактика преступлений будет эффективной только при наличии системы предупреждения правонарушений несовершеннолетних, которая бы отвечала современным подходам в данной области, предполагала отказ от доминирования контрольно-предупредительных мер. Доминирующую роль должна занимать охранно-защитная функция профилактики. Контрольно-предупредительная функция активизации действует в тех случаях, когда социально-правовая система

охраны и защиты прав и интересов несовершеннолетних не срабатывает, продуцирует социально опасное состояние несовершеннолетнего.

Список литературы

1. Гишинский Я.И. Преступность несовершеннолетних: криминологический анализ // КриминалистЪ. 2010. № 2. С.84-90.
2. Гончарова М.В. Основные проблемы органов внутренних дел по индивидуальной профилактике преступлений // Наука. Мысль. 2016. № 5-1, URL: wwenews.esrae.ru/32-300 (дата обращения: 10.08.2022).
3. Грибанов Е.В. Универсальная (типовая) технология предупреждения преступлений <https://cyberleninka.ru/article/n/universalnaya-tipovaya-tehnologiya-preduprezhdeniya-prestupleniy/pdf> (дата обращения 28.09.2022).
4. Емельянова Л.В., Забрянский Г.И. Статистика преступности несовершеннолетних в России. – М.: Судебно-правовая реформа, 2000. – 211 с.
5. Еникеев М.И. Общая, социальная и юридическая психология: Учебное пособие. - СПб: Питер, 2015. С.215.
6. Жалинский А.Э. Избранные труды: в 4 т. –Т. 1. Криминология / отв. ред. О.Л. Дубовик. - М., 2014. С. 320-321.
7. Зайко Т.М. Меры борьбы с преступностью несовершеннолетних и молодежи: правовой и психолого-криминологический аспекты. Монография. –Тамбов 2017. // <https://ukonf.com/doc/mon.2017.03.01.pdf> дата обращения 28.10.2022).
8. Иванова А.А. Криминологическая профилактика как приоритетная задача ювенальной юстиции // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. No 4. С. 505–514.
9. Клейберг Ю.А. Основы психологии девиантного поведения. Монография. – 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Изд-во ИП Петросян, 2022. 446 с.
10. Колесников Р. В. Общесоциальные и специально криминологические меры профилактики современной преступности несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 4. С.197 – 201.
11. Куренова Я.И. Современная преступность несовершеннолетних: криминологическая характеристика и предупреждение: дис. ... канд. юр. наук, Ростов-на-Дону, 2011. 12.00.08. – 227 с.
12. Маленкова Л.И. Теория и методика воспитания Учебное пособие для вузов. – М.: Педагогическое общество России, 2002. – 480 с.
13. Особенности противодействия киберпреступности подразделениями уголовного розыска: учеб.-метод. пособие / А.В. Богданов, И.А. Завьялов, И.И. Ильинский, Б.П. Михайлов, Е.Н. Хазов, Я.Н. Чикова, Н.Д.Эриашвили, Е.Н. Яковец // Науч.-исслед. центр судебной экспертизы и исслед. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. – 152 с.

14. Поликашина О.В. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий. - М., «Прометей», 2013. – 182с.

15. Сорокотягин И.Н. Юридическая психология: Учебник. - М.: Юрайт, 2015. – С. 198.

16. Титова О. Н. Криминологические аспекты минимизации социальных последствий преступности несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2005. - 199 с.

17. Харина А.Е. Роль ранней профилактики в предупреждении преступности несовершеннолетних <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-ranney-profilaktiki-v-preduprezhdenii-prestupnosti-nesovershennoletnih-1> (дата обращения 27.10.2022).

18. Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>

**Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interests.**

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОМПОНЕНТОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ С КРИМИНАЛЬНЫМИ МОТИВАМИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

О. Б. Фёдорова
(Курган, Россия)

Об авторе: Федорова О. Б., доцент группы по расследованию преступлений отдела организации дознания Управления Министерства внутренних дел России по Курганской области.

Аннотация. В статье представлен обзор теоретических концепции зарубежных и отечественных исследователей по проблеме развития экологического сознания. Представлены результаты эмпирического исследования компонентов экологического сознания, таких как экологическое отношение, экологические установки, ведущий тип мотивации взаимодействия с природными объектами.

Выявлены взаимосвязи криминальных мотивов и компонентов экологического сознания (экологических установок, экологического отношения).

Ключевые слова: криминальный мотив; личность, правонарушители, природа, ценности, экологическое сознание, экологические установки.

RELATIONSHIP OF COMPONENTS OF ENVIRONMENTAL CONSCIOUSNESS WITH CRIMINAL MOTIVATIONS OF MINOR OFFENDERS

O. B. Fedorova

(Kurgan, Russia)

Abstract. The article provides an overview of the theoretical concepts of foreign and domestic researchers on the development of environmental consciousness. The results of empirical research of components of ecological consciousness, such as ecological attitude, ecological installations, the leading type of motivation of interaction with natural objects, are presented.

The relationships of criminal motives and components of environmental consciousness (environmental installations, environmental relations) were identified.

Keywords: criminal motive; personality, offenders, nature, values, environmental consciousness, environmental attitudes.

Введение. В настоящее время актуальными становятся проблема развития девиантного поведения, экологическая проблема, а также особенности развития экологического сознания подростков и молодежи. Можно сказать, что данные проблемы имеют взаимосвязь. Так как на наш взгляд, экологическое сознание – это не только отношение к природе, но это и наши помыслы, поведение и установки.

Аутлева А.Н. отмечает, что под экологическим сознанием можно понимать «совокупность представлений о взаимосвязях в системе человек – природа, которые базируются на понимании негативных последствий недобросовестного отношения к окружающей среде» [Аутлева, 2005, с. 29].

Д. Маркович говорит о том, что экологическое сознание может охватывать наши представления, наше поведение и даже наши желания и ожидания, которые касаются окружающей среды [Глазачев, 2015, с. 330].

Интересен также подход Э.В. Гирусова, который рассматривает экологическое сознание «как совокупность взглядов, теорий, эмоций, которые начинают отражать проблемы соотношения общества и природы в плане оптимального их решения соответственно конкретным природным возможностям» [Гирусов, 2010, с. 6].

Исследователи В.А. Скребец, П.К. Анохин, Г.С. Смирнов отмечают, что экологическое сознание может анализировать будущее и намечать определенные перспективы развития.

Мы согласны с позицией Фахретдиновой А.Б., Замалетдиновой Л.Р. в том, что благодаря формированию экологического сознания человечество способно сберечь себя [Фахретдинова, Замалетдинова, 2017, с.173].

Бегидова С.Н., Макрушина И.В. в своих работах говорят о том, что сформированное экологическое сознание личности является основой для осмысления и понимания, а также решения экологических проблем [Бегидова, Макрушина, 2014].

Мдивани М. О., Александрова Е. С., Сорокина С. С. отмечают интересный факт, что человек, который вовлечён во взаимодействие с природой достаточно часто вступает с ней в отношении противостояния, в отличие от человека, который любит ее «издалека» [Мдивани, Александрова, Сорокина, 2018, с.12].

Также Мдивани М.О. и Хисамбеев Ш.Р., рассматривая экологическое сознание и самосознание, пришли к выводу о том, что их следует считать необходимым условием субъектности в осуществлении экологического поведения [Мдивани, Хисамбеев, 2017, с.348].

Чердымова Е.И. отмечает, что ценность экологического образования для природной среды состоит в том, что формируемое в его процессе экологическое сознание, его структурные компоненты: экологическое знание, экологические установки, экологическое отношение распространяются на мир окружающей природы, способствуя ее сохранности, разнообразию и устойчивому развитию [Чердымова, 2011, с.386].

Гарданов А.Р., Юмагузина А.М. считают, что многие проблемы формирования экологически ответственного сознания в обществе всеобщего риска. Экологические проблемы носят антропологический характер и напрямую зависят от общественного сознания. Главной целью современного общества является формирование экологически ответственного сознания, что позволит создать перспективу преодоления кризиса человечества [Гарданов, Юмагузина, 2014, с. 80-85].

Деменьшин В.Н. отмечает, что встречается два направления в исследованиях экологического сознания в зарубежной науке.

Одни исследователи рассматривают экологическое сознание как комплексный конструкт, другие как одномерный, состоящий из одного компонента [Деменьшин, 2017].

Л. Железны и П. Шульц используют концепцию экологического сознания для обозначения психологических факторов, «которые могут быть связаны с предрасположенностью физических лиц участвовать в проэкологических моделях поведения (убеждения, ценности, отношения, знания). [Zelezny L, 2000].

Каплан говорит, что люди сами должны находить способы поведения для эффективного взаимодействия с миром и природой.

А. Коллмус и Дж. Агуеман исследовали целый комплекс, который включает знания, ценности, эмоциональную включенность и отношения к окружающей среде.

Р. Дунлап и Д. ван Лир разработали шкалу из 12-пунктов (и пересмотренный вариант с шестью пунктами), чтобы измерить три аспекта

НЭП или мировоззрения. Они выявили взаимосвязь между экологической озабоченностью, экологическими убеждениями с образованием, возрастом, политической идеологией [Dunlap, 2000].

М. Санчес различает три типа поведения: экологический активизм (коллективное поведение, сотрудничество, волонтерство), индивидуальное и низкокзатратное поведение, то есть «зеленое потребление».

С. Арноцки и М. Строинк выявили гендерные различия в уровне экологического сознания. Например, у женщин отмечается большая склонность к про-экологическому поведению. Они связывают это с наличием повышенного уровня эмпатии у женщин. А также это ученые утверждают, что если у человека развита эмпатия то это переносится на весь окружающий мир, а не только к другим людям.

Таким образом, можно сказать, что и отечественные, и зарубежные ученые по-разному трактуют экологическое сознание и выделяют в них различные компоненты. Мы также предположили. Что имеется взаимосвязь компонентов экологического сознания с криминальными мотивами у несовершеннолетних правонарушителей. Исследовать это необходимо для того, чтобы учитывая сформированность компонентов и наличие или отсутствие криминальных мотивов у девиантных подростков, можно было разработать программу профилактики. Эта программа будет направлена на предупреждение развития девиаций у подростков и молодежи.

Цель исследования - выявить взаимосвязи между компонентами экологического сознания и криминальными мотивами несовершеннолетних правонарушителей

Материал и методы исследования.

Предмет исследования рассматривается в соответствии с системно-деятельностным и личностным методологическими подходами.

В исследовании приняли участие подростки 13-15 лет. Количество 50 человек. Из них 22 мальчика и 28 девочек. Диагностическое исследование проводилось по методикам: «Альтернатива», Ясвин В.А. Целью данной методики является выявление ведущего типа мотивации взаимодействия с природными объектами (эстетического, когнитивного, практического прагматического).

Опросник «Натурафил», С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин. Целью является выявление уровня развития интенсивности субъективного отношения к природе непрагматической модальности и его структуры.

Методика «Доминирующий криминальный мотив», Малюшина Ю.А. Цель: выявление доминирующих мотивов криминальной мотивации несовершеннолетних (от 11 до 18 лет) и включает в себя 6 шкал. [Овчарова, Малюшина, 2011].

Результаты исследования и их обсуждение.

Нами было проведено исследование по методикам: «Альтернатива», Ясвин В.А. Опросник «Натурафил». Методика «Доминирующий

криминальный мотив», Малюшина Ю.А. с несовершеннолетних в количестве 50 человек.

По методике «Альтернатива» были выявлены преобладающий тип мотивации Пг – прагматический тип мотивации. Он был выявлен у 37 человек - 74% подростков, то есть в основном они стремятся получить пользу от природы), также у 8 человек - 16 % испытуемых был выявлен практический тип мотивации, что свидетельствует о практической деятельности с природными объектами. Всего у 3 человек - 6 % испытуемых был выявлен когнитивный тип мотивации, то есть подростки не стремятся к познанию природы, и они не получают или не умеют получать удовольствие от взаимодействия с природными объектами, не умеют наслаждаться красотой природы, так как был выявлен только у 2 человек - 4 % эстетический тип мотивации.

Также следует отметить, что нами в основном был выявлен низкий уровень мотивации и направленности познавательной активности, который непосредственно связан с объектами природы 31,8 Т-баллов.

Также на низком уровне находятся эстетическое и этическое освоение объектов природы, не наблюдается повышенной восприимчивости к чувственно-выразительным элементам 33,2 Т-балла.

Поступочная шкала также имеет низкий уровень 32,5 Т-баллов. У опрошенных не наблюдается тенденции к изменениям в поведении по отношению к природе. Натуралистическая эрудиция также диагностируется на низком уровне.

Результаты проведенного опросника «Натурафил» показали, что у опрошенных в основном преобладает прагматическая установка по отношению к природе. Она была выявлена у 23 человек - 46% испытуемых. Подростки рассматривают природу, как средство, из которого можно получить интересующий их продукт. У 12 человек – 24 % выявлена практическая установка, то есть направленная на взаимодействие человека с природными объектами. Когнитивная установка, которая характеризуется в готовности искать, перерабатывать различную информацию о природе выявлен только у 8 человек, что составляет 16%, стремятся взаимодействовать с природой для того, чтобы ее улучшить 4 человек, то есть 8 %, а любоваться красотой природы готовы только 3 человек, соответственно, 6 %.

В основном выявлена средняя степень интенсивности субъективного отношения к природе у 35 человек, что составляет 70 %, низкая степень интенсивности выявлена у 11 человек, то есть у 22% и высокая степень интенсивности у 4 человек, что составляет 8 %.

Также нами была выявлено преобладание низкой степени доминантности природы у 38 человек, соответственно, у 76 %, у 9 средняя степень – 18 % и только у 3 человек – 6 % высокая степень.

Результаты по методике «Доминирующий криминальный мотив» позволили выявить, что у несовершеннолетних правонарушителей в основном

преобладает аморальный мотив (5,8 стеной) у 54%, мотив самоутверждения (7 стеной) у 74% и игровой мотив (7 стеной) у 58%, а также тенденции агрессивного мотива (4 стеной) у 26%, эмоционального (5,5 стеной) у 20% и мотива фрустрации (4 стеной) у 16 % подростков.

После проведенного корреляционного анализа мы выявили следующие корреляционные связи между показателями прагматический тип мотивации с аморальным мотивом ($r=0,32$), прагматическая установка с аморальным мотивом ($r=0,37$), когнитивный тип мотивации с аморальным мотивом ($r=0,31$), когнитивная установка с аморальным мотивом ($r=0,42$), когнитивная установка с фрустрационным мотивом ($r=0,39$), эстетическая установка с эмоциональным мотивом ($r=0,38$), поступочная установка с мотивом самоутверждения ($r=0,41$), практическая установка с мотивом самоутверждения ($r=0,61$), практическая установка с игровым мотивом ($r=0,58$). Уровень значимости $p \leq 0,05$.

Таким образом, можно сделать вывод, что если у подростка имеется аморальный мотив, то он думает и совершает поступки в отношении природы только с целью извлечения выгоды от природы.

Связь когнитивной установки с наличием фрустрационного мотива, свидетельствует о появлении «когнитивной закрытости». Это возникновении механизм познавательной деятельности, который способствует ограждению психики подростка от различных негативных ситуаций и информации. Они не умеют изучать природу, не ищут информацию о ней. У таких подростков может наблюдаться ригидность или проявлении агрессивности.

Взаимосвязь практической установки и мотивов самоутверждения и игрового мотива свидетельствуют о взаимодействии с природными объектами в поведенческом аспекте. Такие подростки могут повреждать, нанести ущерб живой природе для того, чтобы продемонстрировать свою силу и таким образом самоутвердиться среди сверстников. Они не осознают серьезности взаимодействия человека и окружающей среды, ко многим экологическим проблемам относятся как к игре и не осознают последствий, не анализируют перспективы их взаимодействия с природой.

Выводы.

Таким образом, можно сказать о том, что подростки, которые живут в современном информационном обществе находятся далеко о природы.

Так выявлена взаимосвязь между криминальными мотивами и экологической мотивацией, и экологическими установками как компонентами экологического сознания, можно сказать, что для коррекции и профилактики девиантного поведения необходимо разработать программу, направленную на получения экологических знаний, развития правосознания, обучения бережного отношения с природой. Необходимо также обучать подростков видеть красоту природы, наслаждаться общением с природой, так как будут возникать положительные эмоции, и они будут способствовать купированию

агрессии и фрустрации у несовершеннолетних. Все это в дальнейшем будет способствовать формированию адекватного поведения у подростков.

Список литературы

1. Аутлева А.Н. Сущность экологического сознания // Вестник Адыгейского государственного университета (Вопросы экологии, природопользования). 2005. № 3. С. 29-31.
2. Бегидова С.Н., Макрушина И.В. Структура экологического сознания // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2014. № 3 (143). // URL: <http://cyberlenmka.m/artide/n/struktura-ekologicheskogo-soznaniya> (дата обращения: 11.11.2022)
3. Гарданов А. Р., Юмагужина А. М. Проблемы формирования экологически ответственного сознания в обществе всеобщего риска // Социально-гуманитарные знания. 2014. №10. С. 80-85.
4. Гирусов Э. В. Восхождение к экологической культуре: необходимость и сущность // Библиотечное дело. 2010. № 3. С. 6-11.
5. Глазачев С.Н., Глазачев О.С., Гришаева Ю.М. Мир природы и информационное общество // RussianJournalofEducationandPsychology. 2015. №9 (53). С. 10
6. Деменьшин В.Н. Обзор зарубежных исследований экологического сознания // Мир науки. 2017. Том 5. №5. С. 47.
7. Мдивани М.О., Александрова Е.С., Сорокина С.С. Взаимосвязь экологического сознания и экологического поведения: особенности оценки взаимовлияний природы и человека // Акмеология. 2018. № 1(65). С.12
8. Мдивани М.О., Хисамбеев Ш.Р. Экологическое самосознание как основа проэкологического поведения // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т.6. №4 (21). С.348
9. Овчарова Р.В., Малюшина Ю.А. Криминальная мотивация несовершеннолетних и ее коррекция: монография. – Курган: Курганский государственный университет, 2011. - 192 с.
10. Фахретдинова А.Б., Замалетдинова Л.Р. Экологическое сознание современной молодежи (на материалах социологического исследования студентов Казанского государственного энергетического университета Вестник экономики, права и социологии. / А.Б. Фахретдинова, Л.Р. Замалетдинова // Вестник экономики, права и социологии. 2017. №1. С.173
11. Чердымова Е.И. Экологическое намерение как компонент экологического сознания личности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Том 13. №2 (2). С.386
12. Шеяфетдинова Н.А. Специфика эколого-правового сознания как фактора, способствующего решению экологической проблемы // Общество и право. 2003. № 1. С. 152-157.
13. Хвичия Н.З., Бобылева Л.А. Коррекция девиантного поведения подростков средствами экологически ориентированной проектно-

исследовательской деятельности / Н.З. Хвичия, Л.А. Бобылева // Современные наукоемкие технологии. 2015. № 12-3. С. 569-572 // URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=35317> (дата обращения: 24.10.2022).

14. Dunlap R. E. Measuring endorsement of the new ecological paradigm: A revised NEP scale / R. E. Dunlap, Liere Van, D. Kent // Journal of Social Issues, 2000. - 56(3). - P. 425-442

15. Zelezny L. C. Promoting environmentalism / L. C. Zelezny, P. W. Schultz // Journal of Social Issues. - 2000. - № 56(3). - P. 365-578

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflict of interests.**

ПРОЯВЛЕНИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Ю. А. Малюшина
(Курган, Россия)

Об авторе: *Малюшина Ю. А.*, старший преподаватель кафедры психологии Курганского государственного университета, член Международной Ассоциации девиантологов, внештатный лектор лекторской группы УМВД России по Курганской области;

Аннотация. В статье представлен теоретический анализ концепций по проблеме криминальной мотивации несовершеннолетних. Проведен сравнительный анализ мотивационной структуры личности, криминальных мотивов подростков и лиц юношеского возраста. Выявлены достоверные различия по таким показателям как социальная полезность, творческая активность, общение, общая полезность, «фрустрационный мотив», «мотив самоутверждения», «эмоциональный мотив» у подростков и лиц юношеского возраста.

Ключевые слова: криминальный мотив; личность, мотивация, несовершеннолетние, подростки, преступность, юноши.

MANIFESTATIONS OF CRIMINAL MOTIVATION IN ADOLESCENTS

Yu. A. Malyushina
(Kurgan, Russia)

Abstract. The article presents a theoretical analysis of concepts on the problem of criminal motivation of minors. A comparative analysis of the motivational structure of the personality, criminal motives of adolescents and persons of youth was carried out. Significant differences were identified in such indicators as social utility, creative activity, communication, general utility, "frustration motive," "self-affirmation motive," "emotional motive" in adolescents and youth.

Keywords: criminal motive; personality, motivation, minors, adolescents, delinquency, young men.

Введение. В современное время криминологические проблемы несовершеннолетних и молодежи становятся все более острыми. Происходит трансформация различных видов девиаций и преступлений.

Исследование отдельных вопросов мотивации криминального поведения несовершеннолетних и ее профилактики во все времена были и остаются одной из самых неоднозначных тем научных исследований психологов и криминологов.

Проблемой изучения преступности несовершеннолетних посвятили свои труды такие исследователи как Ю.М. Антонян, А.И. Бельский, А.И. Долгова, В.О. Карпов, О. Ю. Красовская, В. Н. Кудрявцев, В.В. Лунеев, Г.М. Миньковский, а также П.С. Мясников, А.А. Реан, Н.А. Сапронова, А.Р. Филиппов и многие другие.

Анализ научной литературы также позволяет выделить следующие общие причины и условия возникновения криминальной мотивации несовершеннолетних правонарушителей: распространение социальных пороков (наркомании, геймерства), несформированность и деформация правосознания; негативное влияние средств массовой информации, явно или косвенно пропагандирующих насилие, грубость, жестокость, пьянство и преступную романтику; активизация криминальных субкультур.

Дифференциацию насильственных и ненасильственных правонарушителей проводили такие исследователи как Edmonds, Kennedy, Mulder, Moffitt, Nederlof, Robins, Stoutham-Loelber.

А. Н. Леонтьев считает, что мотив можно отметить как опредмеченную потребность, которые могут быть смыслообразующими и стимулами [Леонтьев, 1999].

Мешков Н. И. и Мешков Д. Н. говорят, о том, что мотивация является достаточно сложной проблемой науки.

«На сегодняшний день нет единых взглядов в отношении данной проблемы, методологические ориентиры и мировоззренческая позиция ученых выступают как основания, лежащие в ее осмыслении» [Мешков, Мешков, 2015, с.37].

Стоит сказать также, что представители западной психологической науки рассматривают мотивацию с позиции проявления биологической сущности человека (на уровне инстинкта). Отечественные ученые

рассматривают как социальное и биологическое, но при участии и ведущей роли социального начала.

О.С. Кирсанова, что криминальная мотивация является совокупностью факторов, которые вызывают криминальное поведение. Например, склонность к отклоняющемуся поведению, эмоциональную мотивационную направленность, а также отрицательную нравственную ориентацию.

В.Н. Кудрявцев выделяет три формы полимотивации: «совокупность нескольких мотивов, побуждающих субъекта к действию (например, кража по мотивам корысти и самоутверждения); смена мотивов в процессе достижения цели. Например, убийство из мести, переходящее в корыстный акт; 3) конфликт или борьба мотивов» [Кудрявцев, 2009].

Выделяют также так называемую предкриминальную мотивацию, которая является совокупностью психических конструктов. Эти конструкты побуждают индивида отказаться от правомерного поведения взамен начинают использовать противоправное.

Д.В. Жмуров отмечает полимотивационность и «традиционный» комплекс мотивов преступления. Он говорит о том, что преступление может быть обусловлено несколькими мотивами в виде «мотивационной пирамиды». выделяет ведущий мотив и вспомогательные.

Посткриминальная мотивация. Она проявляется в виде оправдания своих деяний, или человек начинает приписывать себе роль девианта [Жмуров, 2018, с.18]

О.И. Годунов отмечает мотивы расхитителей, связанные с проблемными ситуациями, а также ценностными ориентациями, интересами [Гончарова, Подволоцкий, 2017, с. 123].

Можно сделать вывод, что существуют разные концептуальные подходы к трактовке криминальной мотивации. Одни исследователи демонстрируют наличие напряженных потребностей, появление у несовершеннолетних определенного желания испытать «острые» ощущения. Другие интерпретируют понятие криминальной мотивации как совокупность мотивов динамичного образования, которое побуждает личность к преступной деятельности. С психологической точки зрения понятие «мотив» связано с раскрытием его сущностных свойств, а в уголовном праве связано с правовой оценкой действий лица, которое совершило преступление.

Результаты исследования

Цель—провести сравнительный анализ криминальных мотивов, составляющих структуры мотивации личности подростков и лиц юношеского возраста с девиантным поведением.

Гипотезы исследования: 1. У подростков и у лиц юношеского возраста имеются определенные различия в мотивационной структуре личности.

2. Имеются различия в доминирующих криминальных мотивах у подростков и у лиц юношеского возраста.

Для достижения цели и подтверждения гипотезы мы определили задачи.

Исследовательские задачи:

1. Провести сравнительный анализ составляющих мотивационной структуры у подростков и у лиц юношеского возраста;
2. Провести сравнительный анализ криминальных мотивов у подростков и лиц юношеского возраста.
3. Сделать выводы.

Методология и методы исследования.

Применяются системно-деятельностный подход, диалектический метод; общенаучные методы: анализа и синтеза, индукции и дедукции, методы математической статистики t-критерий Стьюдента, корреляционный анализ Пирсона.

В исследовании приняли участие подростки 13-15 лет и лица юношеского возраста 16-20 лет с девиантным поведением. Количество 100 человек. Из них 65 мальчиков и 35 девочек. Психодиагностическое исследование проводилось по таким методикам как «Диагностика мотивационной структуры личности» (В.Э. Мильман), «Доминирующий криминальный мотив» (Ю.А. Малюшина).

«Диагностика мотивационной структуры личности» (В.Э. Мильман). Данная методика выявляет некоторые устойчивые тенденции личности: общую и творческую активность, стремление к общению, обеспечению комфорта и социального статуса.

Также можно выявить общежитейскую направленность личности и рабочую направленность личности.

«Доминирующий криминальный мотив» Малюшина Ю. А.

Методика позволяет выявить доминирующий криминальный мотив в иерархии мотивов криминальной мотивации несовершеннолетних.

Результаты исследования и их обсуждение.

По методике «Диагностика мотивационной структуры личности» преобладают комфорт, социальный статус и общение, затем общая активность, творческая активность, социальная полезность.

После исследования лиц юношеского возраста выявлено преобладание комфорта, общения, социальная полезность, общая активность, творческая активность, социальная полезность. Мы выявили достоверные различия с помощью t-критерия Стьюдента по методике «Диагностика мотивационной структуры личности» по таким показателям как социальная полезность ($t_{\text{эмп}}=22,2$), творческая активность ($t_{\text{эмп}}=33,4$), общение ($t_{\text{эмп}}=13,7$), общая полезность ($t_{\text{эмп}}=22,2$) у подростков и лиц юношеского возраста при $p \leq 0.01$. Полученные значения находятся в зоне значимости. По другим показателям достоверность различий выявлена не была.

Можно говорить о том, что у подростков и лиц юношеского возраста доминирует комфорт. Самый низкий показатель у подростков по шкале – творческая активность, социальная полезность, у лиц юношеского возраста – это социальная полезность.

Все это свидетельствует о том, что как у подростков, так и у лиц юношеского возраста доминирует комфорт, общение. Они мечтают о комфортной жизни, материальном обеспечении.

У лиц юношеского возраста выявлены высокие баллы по социальной полезности и общению. Подростков волнует социальный статус, положение в обществе. Они постоянно задумываются о том, что будут думать о нем другие люди из его окружения. Ему важно показать себя со стороны.

Поэтому в подростковом возрасте часто есть риск попасть в асоциальную группу или даже в криминальную субкультуру. Это связано с тем, что они могут совершать под влиянием своих друзей и знакомых правонарушения, а иногда и преступления. В современное время — это часто встречающиеся кражи, шоплифтинг, то есть тихий вынос товара из розничного магазина. Но в тоже время они могут снять свою кражу на видео и выложить в социальных сетях, с целью получения «лайков».

Самый низкий показатель у подростков и лиц юношеского возраста по шкале жизнеобеспечения. Это может быть связано с тем, что сами не готовы к самостоятельной жизни и принятию важных и ответственных решений. Для взрослых они хотят показать взрослыми, но в тоже время они нуждаются в помощи и поддержке взрослых.

По методике «Доминирующий криминальный мотив» были получены следующие результаты.

У подростков преобладает игровой мотив, мотив самоутверждения, агрессивный мотив.

У лиц юношеского возраста были получены следующие результаты.

У подростков был выявлен доминирующий игровой мотив. Они совершают преступления не только ради какой-либо материальной выгоды, но и ради игры, которая доставляет им острые ощущения и повышает адреналин. У них наблюдается «сужение перспективы», они не понимают и не думают о том, что с ними может произойти в дальнейшем после совершения преступления. «Играя» с законом и соучастниками, они рискуют свободой и угрозой расправы со стороны сообщников, поскольку основным мотивом их поведения является получение острых ощущений. Они хотят произвести сильное впечатление на окружающих сверстников.

Игровые мотивы часто встречаются в преступных действиях воров-карманников, кто совершает кражи из квартир, магазинов и других помещений. Также мы выявили высокие значения по шкале «аморальный мотив», который обозначает, что у них не сформировано правосознание. Доминирующий агрессивный мотив. Криминальные действия при этом виде агрессии осуществляются без учета самой ситуации и носят импульсивный, эмоциональный характер. Они заранее не планируют совершение преступления.

У лиц юношеского возраста преобладает агрессивный аморальный мотивы. Они могут применять физическую силу, крики, угрозы, нецензурную

лексику. Они очень вспыльчивы и раздражительны, не доверяют взрослым и считают, что они враждебно настроены против них.

Высокие значения также были выявлены по шкале игрового мотива.

Выявлены достоверные различия при $p \leq 0.01$ между показателями «фрустрационный мотив» ($t_{\text{мп}}=12$), «мотив самоутверждения» ($t_{\text{мп}}=9,2$), «эмоциональный мотив» ($t_{\text{мп}}=8,6$). По «игровому мотиву», «агрессивному мотиву», «аморальному мотиву» достоверных различий обнаружено не было.

Выводы. Нами было выявлено, что в структуре мотивации личности подростков и лиц юношеского возраста преобладают комфорт, социальный статус и общение, затем общая активность, творческая активность, социальная полезность. Мы выявили достоверные различия с помощью t-критерия Стьюдента по методике «Диагностика мотивационной структуры личности» по таким показателям как социальная полезность, творческая активность, общение, общая полезность у подростков и лиц юношеского возраста. Полученные значения находятся в зоне значимости. По другим показателям достоверность различий выявлена не была.

Самый низкий показатель у подростков по шкале – творческая активность, социальная полезность, у лиц юношеского возраста – это социальная полезность.

По методике «Доминирующий криминальный мотив» были получены следующие результаты. У подростков преобладает игровой мотив, мотив самоутверждения, агрессивный мотив. У лиц юношеского возраста были получены следующие результаты. У подростков был выявлен доминирующий игровой мотив. У лиц юношеского возраста преобладает агрессивный аморальный мотивы. Они могут применять физическую силу, крики, угрозы, нецензурную лексику. Они очень вспыльчивы и раздражительны, не доверяют взрослым и считают, что они враждебно настроены против них. Высокие значения также были выявлены по шкале игрового мотива. По «игровому мотиву», «агрессивному мотиву», «аморальному мотиву» достоверных различий обнаружено не было.

Выявлены достоверные различия при $p \leq 0.01$ между показателями «фрустрационный мотив», «мотив самоутверждения», «эмоциональный мотив».

Список литературы

1. Гончарова М.В., Подволоцкий И.Н. Мотивация преступного поведения корыстных преступников // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. №3-2 (57). С. 122-125.

2. Жмуров Д. В. Криминальная мотивация // Baikal Research Journal. 2018. Т. 9. С.18.

3. Кудрявцев В. Н. Борьба мотивов в преступном поведении. - М.: НОРМА, 2009. - 127 с.

4. Леонтьев Д.А. Психология смысла: Природа, структура и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 1999. – 486 с.

5. Мешков Н.И., Мешков Д.Н. Мотивация личности как ключевая проблема психологии // Интеграция образования. 2015. №1 (19). С.37-40.

6. Рослякова С.В, Черникова Е.Г. Современные формы девиантного поведения подростков и их социальная профилактика // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т.10. №1 (34). С.209-212.

7. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. - СПб: Питер, 2003. - 860 с.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflict of interests.

НАПРАВЛЕНИЕ 3.

Социально-психологическая виктимология девиантной личности

ПОЗИЦИЯ ЖЕРТВЫ КАК ЗАПРОС НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Т. А. Бондаренко
(Москва, Россия)

Об авторе: *Бондаренко Татьяна Алексеевна*, кандидат психологических наук, доцент, доцент Высшей школы практической психологии и бизнеса, действительный член Союза психологов-консультантов и психотерапевтов. E-mail: tabo21@mail.ru

Аннотация. Представлен обзор объекта изучения жертвы и виктимных ролей в криминологии, юридической психологии, виктимологии, девиантологии, кризисной психологии. Статья посвящена анализу основных психологических характеристик позиции жертвы в психологическом консультировании. Приводятся результаты исследования с помощью выявления синдрома выученной беспомощности, созависимости, диагностики ранних дезадаптивных схем, исследования волевой саморегуляции, диагностики уровня алекситимии.

Ключевые слова: жертва, виктимные роли, позиция жертвы, психологическое консультирование.

POSITION OF THE VICTIMS AS A REQUEST FOR PSYCHOLOGICAL COUNSELING

T. A. Bondarenko
(*Moscow, Russia*)

Abstract. An overview of the object of studying victims and victim roles in criminology, legal psychology, victimology, deviantology, crisis psychology is presented. The article is devoted to the analysis of the main psychological characteristics of the victim's position in practical psychology and counseling. The results of the study are presented by identifying the syndrome of learned helplessness, codependency, diagnosis of early maladaptive schemes, research of volitional self-regulation, diagnosis of the level of alexithymia.

Keywords: victim, victim roles, victim's position, psychological counseling.

Социально-политические изменения, происходящие в мире, отражаются на многих сторонах жизни людей, в том числе, на психическом здоровье. В настоящее время многие считают себя невинными, беззащитными жертвами внешних обстоятельств. Как отмечает Г. И Козырев, «в России появились жертвы либерализации экономики, жертвы приватизации, жертвы дефолта и др.» [Козырев, 2008, с.4]. Действительно виктимогенные факторы могут способствовать процессу трансформации человека в жертву. В связи с этим предмет внимания к позиции жертвы становится глобальной социально - психологической проблемой сегодняшнего дня, что привлекает внимание ученых.

В связи с этим, необходимо отметить, что объекты изучения жертвы в различных отраслях науки отличаются. Так, в криминологии объектом изучения является жертва преступления. При этом выделяют такие типы жертв, как невинная; жертва своей неосведомленности; жертва, характеризующаяся пассивным поведением; жертва своей халатности; беззащитная жертва «понятие «беззащитный» включает: неспособный защитить себя, лишенный защиты, беспомощный; ничем не защищенный; никем не охраняемый» [Давтян, 2010, с. 163], «беспомощным считается тот, кто лишен возможности принять меры к самосохранению, спасти себя собственными силами» [Горбатова, 2018, с. 15]; жертва, более виновная, чем преступник; жертва, столь же виновная, как и преступник; жертва, только по вине которой совершено преступление.

Кроме типологии жертв, в криминологии рассматривается массовая виктимность, находящаяся в прямой зависимости от криминогенной обстановки. Поскольку в России на протяжении разных временных отрезков, наблюдается изменение видов преступлений, это напрямую влияют на вероятность появления потерпевших от них. Если в конце XX века преобладали корыстные преступления, то больше было жертв краж. В начале

XXI века количество корыстных преступлений пошло на снижение. При этом увеличилось более, чем в 10 раз, количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что повлекло увеличение жертв, связанных с употреблением наркотиков и пострадавших от наркоманов.

В юридической психологии объектом изучения выступают субъективные и объективные факторы, в которые попала жертва, рассматриваемые при проведении судебно-психологических экспертиз по сделкам, совершенным с пороком воли для выявления «индивидуально-психологических особенностей, психологического состояния, которые могли существенно повлиять на сознательную деятельность подэкспертного; факторов, которые повлияли на формирование у подэкспертного неадекватного (неправильного) представления о сделке» [Бондаренко, 2017, с. 19]; по делам о мошенничестве; о психологическом воздействии; возмещении морального вреда «установление у потерпевшего с помощью судебно-психологической экспертизы сильного эмоционального стресса, аффекта может служить подтверждением, доказательством того, что тот действительно переживал страдания». [Бондаренко, 2015, с. 40]

В виктомологии рассматривается виктимное поведение личности, провоцирующее в отношении себя совершение противоправного деяния, «зачастую поведение жертвы является одним из условий совершения конкретного преступления и влияет на квалификацию и дифференциацию уголовной ответственности субъекта преступления» [Рогова, 2011, с. 53], ролевую виктимность, включающую «наличие негативной оценки со стороны окружающих, страх сделать неправильно, страх стать предметом насмешек» [Лавриненко, 2021, с. 94]; виктимную идентичность личности созависимого типа, содержащую «ощущение неудовлетворенного материального положения, низкого личного статуса и престижа, негативное отношение к своему прошлому и отсутствие надежды на будущее» [Андронникова, 2017, с. 94].

В девиантологии подвергается анализу девиантная виктимность жертвы, приводится классификация жертв в зависимости от состава преступления (насильственных, корыстных, корыстно-насильственных).

В социологии объектом изучения выступают большие социальные группы, которые «посредством формирования и актуализации «образа жертвы», конструируют новую социально-политическую реальность, претендуя на реальные компенсации» [Козырев, 2008, с. 4].

В кризисной психологии объектом изучения выступают психологические особенности поведения жертвы. Так, выявлено, что «жертвенная позиция отрицательно связана в основных параметрах с эмоциональным интеллектом личности» [Андронникова, Герасимова, 2016, с. 119].

Наряду с тем, что в разных отраслях науки отличаются объекты изучения жертвы, разница касается рассмотрения виктимных ролей. Так, в

криминологии такие типы жертв, как невинная или незащищенная, жертва своей неосведомленности или характеризуемая пассивным поведением, чаще проигрывают игровую позицию или позицию жертвы. Жертва своей халатности или виновная в совершении преступления, чаще проигрывают социальную позицию или позицию жертвы.

В юридической психологии при проведении судебно-психологической экспертизы по сделкам, совершенным с пороком воли, у подэкспертного исследуется позиция жертвы; по делам о мошенничестве, социальная позиция; по делам о психологическом воздействии и возмещении морального вреда, игровая и позиция жертвы.

В виктомологии рассматриваются игровая и социальная роли виктимного поведения личности. В девиантологии, кроме отмеченных двух, позиция жертвы. В других отраслях науки анализ виктимных ролей сужается. Если в социологии рассматривается только проигрывание социальной роли, то в кризисной психологии, игровая позиция.

В данной публикации остановимся на рассмотрении позиции жертвы как запросе на психологическое консультирование. Для анализа взяты результаты психодиагностики клиентов в количестве 54 человек, в период с февраля по ноябрь 2022 года. Методы исследования включали методики и тесты: выявление синдрома выученной беспомощности (Джеффри Янг), тест на созависимость (Фишер, Спанн, адаптация Москаленко В.Д.), диагностика ранних дезадаптивных схем (опросник Джеффри Янга), исследование волевой саморегуляции (Зверьков А.В., Эйдман Е.В.), диагностика уровня алекситимии (Тэйлор).

Согласно результатам психологического исследования по методике «выявление синдрома выученной беспомощности (Джеффри Янг)», синдром выученной беспомощности выявлен у 83% респондентов. При этом, у 19% выявлен ярко, 42% явной, 22% незначительной степени. Беспомощное поведение проявлялось в нарушении адаптации к социальному окружению – невозможности установления межличностных контактов, невозможности создания семьи, сложности в построении и поддержании дружеских отношений, страхе неудачи, стереотипности поступков в различных жизненных ситуациях.

При этом не у всех, прошедших исследование, у которых выявлен комплекс выученной беспомощности, возникает желание проработать выученную беспомощность, т.к. получаемые вторичные выгоды в виде сострадания окружающих и желания переложить на них ответственность за принятие решения, может перевешивать эти стремления. Результаты нашего исследования совпадают с выводами ученых о невозможности людям с комплексом жертвы «преодолевать жизненные препятствия и нежелании усваивать новые умения и навыки, признании фатальности ситуации («это судьба, нужно с этим смириться»))» [Субботина, 2016, с. 52]; «жертвой считается несчастный, гибнущий, искалеченный индивид с комплексом

«выученной беспомощности», пассивный, депрессивный, обреченный на постоянные неудачи» [Одинцова, 2011, с. 29].

Согласно результатам психологического исследования по тесту на созависимость (Фишер, Spann), у 71% выявлена склонность к построению созависимых отношений. При этом, опасная созависимость, приводящая к фазе эмоционального истощения, выявлена у 25% респондентов, 46% - выраженная созависимость. Выражается в невозможности находиться в одиночестве, желании постоянного присутствия какого-либо статусного, референтного лица, способного решать материальные и бытовые проблемы. Несмотря на то, что человек, который решает данные проблемы, может обладать абьюзивными качествами, созависимый не может выйти из токсичных отношений.

Согласно результатам исследования с помощью диагностики ранних дезадаптивных схем (опросник Джеффри Янга), были выявлены высокие и средние уровни показателей по следующим критериям. 76% по шкале эмоциональной депривации, причины которой в отсутствии любви и внимания, понимания и желания выслушать, покинутость и ожидание жестокого физического и эмоционального насилия со стороны близких людей в детстве. Как нами отмечалось ранее на основе анализа психологического консультирования клиентов, воспитывавшихся глухими родителями, выявлены «эмоциональная депривированность, напряженное ожидание жестокого обращения, коммуникативные трудности, фобии, фиксация на желаниях других людей, алекситимия, заниженная самооценка», глухонемыми родителями, «эмоциональная депривированность, созависимость, социальная отчужденность, сложность вхождения в социальные группы, уязвимость, навязчивые страхи, отсутствие уверенности, чрезмерная сфокусированность на желаниях, чувствах и реакциях других людей, подавление эмоций, заниженная самооценка» [Бондаренко, 2022, с. 87].

По показателю дефицита автономии и боязни проявить себя, выявлено 69%. Находит проявление в таких паттернах поведения, как навязчивые страхи и фобии, что более всего проявляется в стрессогенных условиях. Выше среднего выявлено у 59% респондентов по степени дефицита внутренних границ, ответственности перед другими. Проявляется в зависти, сравнении себя, своих качеств и своей жизни, с другими людьми как результат сформированного в детстве чрезмерного духа соперничества, стремления во всем быть первым, лучшим, чтобы добиться внимания и одобрения со стороны родителей.

У 63% респондентов выявлена тенденция, в ущерб собственным потребностям и интересам, сфокусированности на желаниях и чувствах других людей, склонность к проигрыванию роли спасателя в треугольнике Карпмана. Причина данных паттернов поведения связана с пренебрежительным отношением родителей в детстве к базовым

потребностям ребенка, формировании у него чувства вины. Результаты нашего исследования совпадают с выводами К.Н. Аракелян, В.Н. Шаболтас о том, что «предрасположенность к проявлениям виктимного поведения определяется тремя основными внутрисемейными факторами: отрицательный социально-психологический климат в семье (который, в частности, включает в себя реализацию наказаний и неадекватность образа ребенка), неудовлетворенности потребностей ребёнка (негативная оценка обстановки в семье, воспитания и социального положения ребенка), неразвитость общей интернальности, включающего в себя интернальность как в области достижений, так и в области неудач, а также интернальность в области семейных и межличностных отношений» [Аракелян, Шаболтас, 2015, с. 52].

Самый высокий показатель выявлен по степени сверхбдительности и подавления эмоций – 82%, что находит свое выражение в выработке жестких внутренних правил, заложенных, согласно канонам психоанализа, в Супер-Эго. Однако эти требования сформированы в процессе деструктивных детско-родительских посланий и блокируют стремление к самореализации и самовыражению. Результаты нашего исследования совпадают с выводами, полученными Е.А. Кудасовой, Л.В. Скитневской, отмечающих, что «жертва буллинга обладает застенчивостью, тревожностью, эскапизмом (уходом в себя), низким или наоборот высоким уровнем агрессии, низкой степенью социальной поддержки, заниженной самооценкой, сензитивностью, неуверенностью в себе, ослабленностью» [Кудасова, Скитневская, 2017, с. 99].

Согласно результатам исследования, полученным при использовании методики по исследованию волевой саморегуляции (Зверьков А.В., Эйдман Е.В.), было выявлено превышение показателей по шкале чрезмерной чувствительности (57%). Выражается в эмоциональной лабильности, ранимости, мнительности, неуверенности в себе, импульсивности и неустойчивости намерений, пугливости и вспышкам раздражения, разбросанности поведения, спонтанности и импульсивности в сочетании с обидчивостью, что мешает адекватно оценивать ситуацию, строить отношения с окружающими людьми.

Следующий тест, который был использован, диагностика уровня алекситимии (Тэйлор). В соответствии с полученными результатами, у 64% испытуемых было выявлено подавление эмоционального выражения чувств. Результатом становится склонность к построению отношений с окружающими людьми с помощью манипулятивных уловок. Причиной является чрезмерное подавление спонтанных действий, чувств, а также запрете или ограничения общения с другими детьми в детстве. Как отмечает М.О. Одинцова, «в психоанализе, неопрейдизме, экспериментальной психологии, гештальтпсихологии жертва - это индивид с комплексами и неврозами, один из которых был назван рентным неврозом, индивид с искусно выстроенной защитной стратегией от «несправедливостей» этого мира, и от самого себя, умеющий искусно манипулировать окружением» [Одинцова, 2014, с. 70].

Итак, у клиентов, обратившихся за психологической помощью с запросом о проработке позиции жертвы, выявлены следующие паттерны поведения: (1) синдром выученной беспомощности, который не все стремятся прорабатывать в связи с получаемыми вторичными выгодами; (2) склонность к построению созависимых отношений, которая может сопровождаться с нахождением в токсичных отношениях без установки на выход из них; (3) эмоциональная депривация, напряженное ожидание жестокого обращения окружающих людей; (4) дефицит автономии и боязнь проявить себя; (5) тенденция, в ущерб собственным потребностям и интересам, сфокусированности на желаниях и чувствах других людей, склонность к проигрыванию роли спасателя в треугольнике Карпмана; (6) сверхбдительность и подавление эмоций; (7) чрезмерная чувствительность, что мешает адекватно оценивать ситуацию, строить отношения с окружающими людьми; (8) подавление эмоционального выражения чувств.

Список литературы

1. Андронникова О.О., Герасимова П.С. Особенности взаимосвязи различных типов жертвенной позиции и эмоционального интеллекта // Сибирский педагогический журнал. № 5. 2016. С. 118-120.

2. Андронникова О.О. Виктимная идентичность личности созависимого типа // Сибирский педагогический журнал. № 2. 2017. С. 92-95.

3. Аракелян К.Н., Шаболтас В.Н. Внутрисемейные факторы виктимизации личности // Вестник ЮУрГУ. Т. 8. № 1. 2015. С. 50-55.

4. Бондаренко Т.А. О проблемах, возникающих при проведении СПЭ по делам о возмещении морального вреда // Наука третьего тысячелетия: Матер. Междун. науч.-практической конференции 03.11.2015. - Самара: РИО МЦИИ «ОМЕГА САЙНС», 2015. С. 36-41.

5. Бондаренко Т.А. Беззащитная жертва при сделке с пороком воли (о возможностях судебно-психологической экспертизы) // Вопросы экспертной практики: Матер. II междун. науч.-практ. конф. 26-27.10.2017. - М.: ФГБОУ ВО РГУП. С. 16-19.

6. Бондаренко Т.А. Особенности психодиагностики и запросов на психологическое консультирование клиентов, воспитывавшихся глухими и глухонемыми родителями // Матер. 3 междун. конф. по консультативной психологии и психотерапии, посвященной памяти Ф.Е. Василюка 11-12.11.2022. - М.: МГППУ, 2022. С. 85-88.

7. Горбатова М.А. Потерпевший при оставлении в опасности: некоторые вопросы теории и практики // Вестник ЮУрГУ. Т. 18. № 2. 2018. С. 13-20.

8. Давтян Д.В. О соотношении понятий «беспомощность» и «беззащитность» применительно к потерпевшему от преступления // Вести Волгоградского ун-та. Сер. 5. № 2 (13). 2010. С. 162-164.

9. Козырев Г.И. «Жертва» как феномен социально-политического конфликта: автореф. ...док. социол. наук. - М., 2008.

10. Кудасова Е.А, Скитневская Л.В. Характеристика психологических особенностей феномена «жертвы» // Интернативная наука. № 4 (14). 2017. С. 98-101.
11. Лавриненко И.В. Проблема ролевой виктимности в современной школе // Наука и социум: Матер. всерос. науч.-практ. конференции. - М.: СИППиСР, 2021. С. 93-96.
12. Одинцова М.А. К вопросу об исследованиях проблемы жертвы в психологии // Вестник ЮУрГУ. Т. 11. № 18. 2011. С. 28-31.
13. Одинцова М.А. Проблема виктимного личностного типа в психологии // Известия Саратовского ун-та. № 2-1. Т. 14. 2014. С. 69-72.
14. Рогова Е.В. Роль виктимного поведения потерпевших в механизме совершения преступлений // Право и законодательство. № 2. 2011. С. 52-56.
15. Субботина Р.А. Личностные детерминанты виктимного поведения юношей и девушек // Интеграция образования. Т. 20. № 1. 2016. С. 51-53.

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflict of interests.**

ДРАМАТИЗАТИЧЕСКИЙ ИНТЕРАКЦИОНИЗМ КЛИНИЧЕСКОЙ СОЦИАТРИИ ВИКТИМНОСТИ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ ВИКТИМОДРАМАТЕРАПИИ

Е. В. Руденский
(Новосибирск, Россия)

Об авторе: *Руденский Евгений Владимирович*, академик Международной академии образования, Академии педагогических и социальных наук, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор социальной психологии и клинической социологии, профессор факультета психологии Новосибирского государственного педагогического университета. Главный редактор журнала «Социально-психологическая виктимология личности», президент-научный руководитель НИА «Лаборатория социально-психологической виктимологии личности профессора Е.В.Руденского».

Представлена методология практического действия социального психолога-виктимолога – методология драматического интеракционизма клинической социатрии-виктимности личности и ее основной метод – виктимодраматерапия, который разработан автором на основе многолетних клинико-экспериментальных исследований и практической работы в качестве клинического виктимолога – социатра.

Раскрыто понимание децидивной виктимности личности (виктимности в действии) как системно-психологического деструктивного состояния – драматии, дана ее спецификация и классификация с позиции виктимологического социально-психологического знания и на этой основе раскрыт метод виктимодраматерапии.

Ключевые слова: драматический интеракционизм, клиническая социатрия-виктимности, виктимодраматерапия, социально-психологическая виктимология личности, драматия, психологический драматизм личности, социально-психологический драматизм личности, социальный драматизм личности, драматерапевтическая сессия.

DRAMATISMATIC INTERACTIONISM OF CLINICAL SOCIATRICALS OF VICTIMITY AS A CONCEPTUAL BASIS OF VICTIMODRAMA THERAPY

Professor Evgeny V. Rudensky
(Novosibirsk, Russia)

The methodology of the practical action of the social psychologist of the victimologist is presented - the methodology of the dramatic interactionism of the clinical sociology of the victimization of the individual and its main method - victimodramatherapy, which was developed by the author on the basis of many years of clinical and experimental research and practical work as a clinical victimologist - sociotherapist.

The understanding of decidative victimhood of a person (victimity in action) as a systemic psychological destructive state - dramapathy is disclosed, its specification and classification from the standpoint of victimological socio-psychological knowledge is given, and on this basis the method of victimodramatherapy is disclosed.

Keywords: dramatic interactionism, clinical sociology of victimhood, victimodramatherapy, socio-psychological victimology of personality, dramatization, psychological dramatism of personality, socio-psychological dramatism of personality, social dramatism of personality, drama therapy session.

События в психологии социальной жизни современного мира, обострили противоречия между психологической теорией и психологической практикой. Это обострение проявляется как разрыв между возникающими психологическими проблемами социального функционирования личности в новых социально-психологических условиях и теоретической и методической неготовностью психологии понять феноменологию, гносеологию и онтологию детерминированных новой социально-психологической ситуацией явлений психической жизни человека. И, прежде всего, проблем социально-психологических, входящих в круг специализированной социально-психологической теории – *социальной психологии клинической виктимологии личности* [7].

Во многом такое положение обусловлено тем, что длительные годы в психологической науке крайне медленно развивались теоретико-

методологические исследования социального функционирования личности, субъективный и ситуационный детерминизм, определяющий характер функциональных сбоев и функциональной патологии личности в контексте культурно-психологической экспансии новой социально-культурной парадигмы – нарциссизма [2].

Образовывающиеся в разрыве психологической теории и психологической практике пустоты заполнялись интенсивно расширяющей свое влияние психиатрии и формируемой на стыке психологии и медицинской науки, медицинской по своей сути дисциплины – клинической психологии.

Это привело к тому, что феноменология, гносеология и онтология возникающих проблем психологии социального функционирования личности в новом для нее социально-культурном контексте стала рассматриваться как медицинская проблема, т.е. как соматическая болезнь.

Особенно ярко это проявилось в сфере образования, и прежде всего в, сфере общего образования, где психиатрия и клиническая психология экспансивно заполняя пространство разрыва психологической теории и психологической практики, а также, используя неадекватный для современной социально-психологической ситуации уровень профессиональной подготовки педагогов-психологов, определили формирование *медицинского редуционизма* как методологии рассмотрения практически всех уровней критических ситуаций возникающих в социально-психологическом пространстве функционирования личности учащегося и других участников образовательного процесса.

Это, естественно не декларируется, но школа все более и более рассматривается как медицинская амбулатория психиатрии и клинической психологии. Что создает *риск массовой психиатрической стигматизации участников образовательного процесса*, которая закономерно станет триггером интенсификации фрустрации идентичности подростков и усиления суицидальных тенденций в их социальном поведении. И это касается в первую очередь подростков, которых часто называют девиантными.

Существующая ситуация оплачивается ценной все более нарастающих и завершаемых суицидальных деликтов подростков, ростом *межличностной агрессивности и brutality межличностных отношений*.

Все это актуализирует интенсификацию теоретической и методологической разработки инновационных методологических подходов к решению проблем критических ситуаций личности в образовательном процессе.

Наиболее перспективным и продуктивным, на мой взгляд, является социально-психологический подход, рассматривающий функциональные проблемы личности в критической ситуации с позиции включенности личности в системы разнообразных межличностных отношений.

Опираясь на этот подход и используя концепты аналитического мышления И. Ялома [10], мной было обосновано понимание сложившейся

ситуации как *межличностной патологии отношений, детерминированной системной патологией отношений в обществе*, включающей социальную патологию, культурную патологию, патологию социализации, организационную патологию, патологию социальной коммуникации [6].

Такое понимание реализовано при создании теоретико-концептуальных основ инновационной социально-психологической теории – социально-психологической виктимологии личности, сформированной на теоретической базе клинической социологии, давшей импульс развития клинко-социологической методологии социально-психологической виктимологии личности [5].

Клинко-социологическая методология социально-психологической виктимологии личности являющаяся системой теоретических и методических способов исследования интерактивного виктимогенеза личности как социально-психологического механизма зарождения, формирования и развития *виктимности как социально-психологической уязвимости личности к риску утраты жизнеспособности*, формируемой на основе дисфункциональных социально-ролевых и психотехнических компетентностей (дефицит социально-ролевой компетентности, дефект социально-ролевой компетентности, деформация социально-ролевой компетентности, дефицит психотехнической компетентности, дефект психотехнической компетентности, деформация психотехнической компетентности). Клинко-социологическая методология стала основой для реализации программы исследования и формирования инновационного социально-психологического знания – социально-психологическая виктимология личности и развития на этой основе *виктимологической социально-психологической компетентности* всех тех, кто обучался по магистерской программе «Психологическая и социально-педагогическая виктимология» на факультете психологии Новосибирского государственного педагогического университета. И тех, кто сегодня на практике использует виктимологическую концепцию исследования девиантного и суицидального поведения и проблемы дисфункциональных семей.

Клинко-социологическая методология социально-психологической виктимологии личности – это *методология научно-исследовательской деятельности социального психолога-виктимолога*. Деятельности, которая сформировала системное теоретическое социально-психологическое знание о виктимности, ее феноменологии, гносеологии и онтологии.

Все эти знания формируют теоретический фундамент обоснования инновационного направления социально-психологической практики – клинической социатрии виктимности. Основным методом которой стал *метод виктимодрамотерапия*.

Для реализация клинической социатрии виктимности как системы методов девиктимизации личности возникла острая необходимость в

обосновании и разработке методологии практического социально-терапевтического действия – девиктимизации.

Методологии практического действия социального психолога-виктимолога, обучающегося по магистерской программе «Драма-терапия виктимности» на факультете психологии НГПУ. И такой методологией практической деятельности стала **методология драматического интеракционизма клинической социатрии виктимности**.

Клиническая социатрия виктимности – это системная социально-психологическая практика девиктимизации личности. Виктимодраматерапия – является концептуальным ядром, ведущим методом клинической социатрии виктимности.

Приступая к теоретической экспозиции методологии драматического интеракционизма клинической социатрии виктимности, считаю необходимым дать основные характеристики базовых концептов моего методологического мышления, сформировавшего эту методологию как концептуальное основание инновационного метода клинической социатрии виктимности – виктимодраматерапии.

1. **Методология** – это совокупность систематизированных, на основе концепции виктимодраматерапии как социально-психологического и культурно-генетического метода девиктимизации, приемов и способов организации драматерапевтической сессии как единства:

1.1. Драма-анализа, порождаемых виктимностью проблем социального функционирования личности, проявляющихся в ее социальном поведении;

1.2. Драма-анализ ситуационных, личностных и событийных детерминант, проявления виктимности в драматическом психологическом или драматическом социальном конфликте как критической ситуации, возникающей в следствии виктимности личности;

1.3. Драма-конструирования критических ситуаций, порожденных виктимностью как психологических, социально-психологических или социальных драм;

1.4. Театрализация драма-конструкций психологических, социально-психологических или социальных драм в драматическом действии;

1.5. Аналитическое конструирование драматической идентичности и социальное конструирование драматических ролей, необходимых для реализации психологических, социально-психологических или социальных драм [3];

1.6. Театрализация психологических, социально-психологических или социальных драм через организацию драматической игры;

1.7. Социально-психологическая рефлексия и онтогенетическая рефлексия драматической игры;

1.8. Действенный анализ социально-ролевых и психотехнических компетентностей субъектов драматической игры;

1.9. Когнитивная реконструкция социально-ролевых и психотехнических компетентностей с целью минимизации их дисфункций – дефицитов, дефектов и деформаций;

1.10. Когнитивная реорганизация ментализации социального функционирования;

1.11. Фиксация социально-ролевых и психотехнических компетентностей как регулирующих программ, обеспечивающих жизнеспособность личности.

2. *Драматический интеракционизм* – методология клинической социатрии виктимности, рассматривающая в качестве содержания терапевтического процесса интерактивную драматизацию критических ситуаций, порождаемых виктимностью, а цели терапевтического процесса минимизации дисфункциональности социально-ролевых и психотехнических компетентностей и снижения уровня и показателей межличностной патологии семейных или других значимых для психосоциального развития личности отношений на основе драматического действия-борьбы, ролевого действия как триггера активации ментализации и снижения страдания жертвы [1].

3. *Клиническая социатрия виктимности* – это система методов социально-терапевтической и культурно-генетической девиктимизации межличностной патологии как единства патологии межличностных отношений и патологии межличностной коммуникации на основе драматической идентификации, ролевой игрификации и компетентностной трансформации социальной идентификации, субъектной регуляции и социально-психологической адаптации как трех базовых механизмов, обеспечивающих жизнеспособность личности.

4. *Виктимность* – социально-психологический диагноз функционально-психологической, психотехнической и социально-психологической уязвимости личности, создающий риск снижения ее жизнеспособности в силу того, что в основании виктимности лежат психологические и компетентностные дисфункции психосоциального развития. Возникающие в следствии сбоя в работе социально-психологического механизма культурного социогенеза компетентностей личности под воздействием межличностной патологии как маркера конкретной ситуационно детерминированной ситуации социального развития личности.

5. *Виктимодрамотерапия* – метод клинической социатрии виктимности, ориентированный на девиктимизацию, т.е. снижение уровня виктимности личности как скрытой –эвентуальной, так и виктимности в действии – децидивной виктимности средствами драматического действия как эмоционально напряженной психологической или социально-психологической борьбы, которая активизирует механизм ментализации, производит замену страдания на переживание, рассматриваемого в качестве

психологической деятельности по устранению критической ситуации социального функционирования личности.

6. *Концептуальное основание* – характеристика системы взглядов, выраженная системой концептов (понятий как единиц концептуально-профессионального мышления), характеризующая понимание сущности виктимодраматерапии как системно-интегрированного метода девиктимизации в формах драматерапии виктимности; как девиктимизации драматическим действием, по законам драмы и характеризующая виктимность в действии как драматическую личность.

Драматизация – клинико-виктимологическая характеристика психологического состояния личности как жертвы функциональной виктимности, главными чертами которого является *виктимошмерц* – боль жертвы и *виктимосафференц* – страдание жертвы от виктимогенной боли, блокирующей разрешение внутри-личностного конфликта между личной беспомощностью, как следствия дефицита социально-функциональных компетентностей, дефекта социально-функциональных компетентностей, деформации социально-функциональных компетентностей и стремлением к самодетерминации как к условию реализации жизнеспособности; между стремлением к социальной и функциональной автономности и формированием межличностной зависимости на фоне прогрессирующей фрустрации идентичности [4].

Драматизация как устойчивое психологическое состояние личности аккумулирует триаду деструктивных эмоционально-психологических состояний - драматизмов, возникающих у личности под воздействием на нее функционально-психологической виктимности, социально-психологической виктимности, субъектной виктимности. Триада драматизмов – это личностный (или психологический) драматизм, социально-психологический драматизм личности, социальный драматизм личности.

Личностный драматизм – это состояние острого внутри-личностного конфликта, блокирующее идентификацию личности в критических ситуациях социального функционирования, возникших в следствии наличия дефицита социально-функциональных компетентностей (или их дефекта, или деформации), а именно, социальной компетентности, эмоциональной компетентности и когнитивной компетентности, что блокирует реализацию функций ментализации как психологического механизма преодоления критических ситуаций.

Социально-психологический драматизм личности – это состояние острого межличностного конфликта, в результате которого становится невозможной социально-психологическая адаптация личности, в следствии дефицита социально-психологической компетентности и дефицита психологической компетентности (или дефекта, или деформации этих компетентностей) [9].

Социальный драматизм личности – как состояние острого социально-личностного конфликта, проявляющегося в невозможности реализации субъектной регуляции в силу дефицита волевой компетентности (или дефекта, или деформации этой компетентности) и дефицита ментализации.

Динамика аккумуляции драматизмов личности ведет к усилению остроты боли и снижения, вплоть до полного исчезновения, переживания как деятельности, по устранению конфликта и полного паралича ментализации.

Ментализация – это эмоциональная восприимчивость, как проявление эмоциональной компетентности и когнитивная способность, как результат развития когнитивной компетентности, характеризующие субъектную способность представлять психическое состояние самого себя и других людей. Это форма социального познания, позволяющая воспринимать и интерпретировать человеческое поведение как детерминированное внутренними интенциями: потребностями, целями, желаниями, чувствами, представлениями.

Ментализация выполняет функцию межличностной интерпретации критических ситуаций. Паралич ментализации блокирует субъектную регуляцию психических процессов, процессов межличностной коммуникации и процессов социальной коммуникации личности.

Паралич ментализации возникает в следствии интенсивного потока деструктивных эмоций, которые являются атрибутивными для состояния драматизма конкретного типа.

Основу каждого из трех типов драматизма составляют, отраженные в сознании четыре типа критических жизненных ситуации: конфликт; кризис; фрустрация, стресс, которые возникают в следствии невозможности удовлетворения жизненно необходимых потребностей из-за дефицита культурно-генетических потребностей, или дефекта культурно-генетических потребностей, или деформации культурно-генетических потребностей.

Соответственно, реально существуют три группы драматизмов, дифференцирующих 12 типов драматизма личности.

➤ Группа «личностный драматизм» основывается на внутри-личностном конфликте, внутри-личностном кризисе, на эмоциональном стрессе, на фрустрации базовых психологических потребностей;

➤ Группа «социально-психологический драматизм личности» формируется на межличностном конфликте; кризисе межличностных отношений; на коммуникативном стрессе, на фрустрации межличностных потребностей;

➤ Группа «социальный драматизм личности» сформированная на психосоциальном конфликте, психосоциальном кризисе, психосоциальном стрессе, на фрустрации потребностей самодетерминации личности.

Три группы драматизма личности представлены, таким образом, четырьмя типами драматизма:

- Конфликт-драматизм;
- Стресс-драматизм;
- Кризис-драматизм;
- Фрустрация-драматизм.

Общий список драматизмов личности, которые аккумулируются, образуют психическое новообразование личности – виктимогенную драматизию, выглядит следующим образом:

- Группа личностных драматизмов:
 - Внутри-личностный конфликт-драматизм;
 - Внутри-личностный кризис-драматизм;
 - Эмоциональный стресс-драматизм;
 - Фрустрация-драматизм базовых психологических потребностей.
- Группа социально-психологических драматизмов личности:
 - Конфликт-драматизм межличностных отношений;
 - Кризис-драматизм межличностных отношений;
 - Коммуникативный стресс-драматизм;
 - Фрустрация-драматизм межличностных потребностей.
- Группа социальных драматизмов личности:
 - Психосоциальный конфликт-драматизм;
 - Психосоциальный кризис-драматизм;
 - Психосоциальный стресс-драматизм;
 - Фрустрация –драматизм потребностей самодетерминации.

Все 12 типов драматизма личности объединяются общими признаками. И главный среди них – это невозможность преодолеть функциональную беспомощность в разрешении критической ситуации социального функционирования личности из-за дефицитов, дефектов и деформаций культурно-генетических компетентностей – социально-ролевых компетентностей и психотехнических компетентностей. Вторым признаком является боль жертвы – (виктимошмерц) дефицитов, дефектов и деформаций культурно-генетических компетентностей. А третьим общим признаком драматизма личности стало страдание жертвы функциональной невозможности (виктимосафференг), блокирующим переживание-деятельность, необходимую для получения программы обретения возможности выхода из драматизма. И четвертым общим признаком является виктимификация – идентификация себе жертвой, которая порождает отказ от действенной активности и обращение к эмоциям, усиливающим состояние виктимошмерц и трансформирующим виктимосафференг в механизм деформации личности. в результате которой происходит образование виктимопатии личности и запускается механизм развития драматических типов психопатии.

Драматизация характеризует крайнюю, клинико-социологическую форму субъектной виктимности и входит в проблемное поле третьей части социально-

психологической виктимологии личности – *клинической виктимологии личности*.

Теория драматизации создает основание для формирования и развития концептуально-методологической позиции понимания виктимности в действии с позиции второй части социально-психологической виктимологии личности – *экзистенциально-драматической виктимологии*. Что определяет базовые единицы социально-психологического анализа межличностной патологии – драматизм межличностных отношений и драматизм межличностной коммуникации, в основании которых лежат дисфункциональные компетентности и психологические дисфункции, детерминирующие образование виктимности личности.

Таким образом, методологическое исследование социальной психологии феномена «*интерактивный драматизм*» закладывает основы понимания методологического алгоритма клинической социатрии виктимности на основе метода виктимодраматерапии.

Этот методологический алгоритм базируется на схеме функционирования децидивной виктимности личности – драматизации: драматическая ситуация противоречия социального функционирования личности, которое возникает между социально-функциональной задачей и невозможностью ее реализации в силу виктимности, порожденной психологической и компетентностной дисфункциональностью приводит к возникновению драматического конфликта и драматической борьбы по его разрешению первоначально внутри сознания самой личности (личностный драматизм). Но с ростом психического напряжения и формируемого на его основе страдания, блокирующего переживание, а значит и вероятность выхода из состояния личностного драматизма, драматический конфликт выходит в сферу межличностных отношений и межличностной коммуникации и обладая высокой эмоциональной токсичностью, втягивает в сферу своего влияния, других вовлеченных в отношения людей, формируя состояние социально-психологического драматизма, проявляющегося в межличностном драматическом конфликте, в межличностной драматической борьбе, в межличностных драматических действиях борьбы деформируя межличностные отношения и межличностную коммуникацию, вовлеченных в социально-психологический драматизм людей, усиливая боль и страдания и формируя межличностную патологию, возникновение которой создает социально-психологическую платформу для формирования социального драматизма личности, который проявляется в усилении межличностной зависимости, межличностной чувствительности и снижении межличностного интереса и межличностной аттракции, компенсируя все это социальным отчуждением и трансформации противоречия, породившего драматический конфликт личности в противоречие между потребностью в самодетерминации на основе автономии, компетентности интерактивности с одной стороны, и, с другой – отсутствием необходимых для этого функционально-

психологических, функционально-компетентностных и психотехнических компетентностей.

Блокируется возможность реализации смысла жизни – обрести социальный статус самодетерминированной личности и личность входит в состояние экзистенциальной фрустрации. Приводящей ее через механизм эмоционального выгорания, к экзистенциальному вакууму. Основными индикаторами которого являются социальная апатия и социальная скука. И полная утрата мотивации социальной активности. Драма социального функционирования личности трансформируется первоначально в драму виктимопата, а затем в трагедию личности с открытым трагическим финалом и убежденностью недостижимости самодетерминированности.

Межличностная патология является социально-психологическим базисом формирования субъективной, проявляющейся в действии, системы отношений – характере, который в свою очередь реализуется в социальных ролях.

Социальная роль в социальной психологии понимается как социально-функциональный механизм, обеспечивающий социальную жизнь человека и демонстрирующий его жизнеспособность.

Социальная роль как система социальных действий личности, отражает его характер и регулируется социально-функциональными и психотехническими компетентностями.

Использование концепта «социальная роль» в методологии интерактивного драматизма клинической социатрии виктимности связывает воедино концепты «межличностная патология»; «драмапатия»; «виктимность»; «виктимодрамапатия» и дает концептуальное основание перейти к рассмотрению методологии интерактивного драматизма клинической социатрии виктимности.

Однако, отметим, что клиническая социатрия виктимности оперирует концептом *«дисфункциональная социальная роль»* и исходит из признания дисфункциональной социальной роли как формы децидивной виктимности (виктимности в действии).

Социальная роль – это социально-психологический механизм функционирования личности и психологический механизм развертывания характера личности как системы регулирующих и усвоенных в процессе культурного социогенеза личности межличностных отношений. В процессе выполнения социальных ролей межличностные отношения персонифицируются, актуализируются и трансформируются под воздействием ролевого действия.

Таким образом, ролевое действие является основным терапевтическим инструментом виктимодратерапии, а драма – способом организации ролевого действия как терапевтического конструктивного воздействия на межличностные отношения и межличностные коммуникации.

Это сложный терапевтический механизм конструктивной межличностной трансформации и психологической трансформации личности одновременно.

Отсюда методология интерактивного драматизма клинической социатрии виктимности представляет собой четырехуровневый алгоритм практического социально-психологического действия, который включает:

Первый уровень – драматизация критических ситуаций социального функционирования и трансформируя их в функциональные драмы личности;

Второй уровень – ролевая идентификация личности в конкретной ситуации функциональной драмы;

Третий уровень – театрализация функциональных драм личности.

Четвертый уровень – ментализация театрализованных функциональных драм на основе техник драма-анализа ролевого действия и выявления функционально-конструктивных и дисфункционально-деструктивных компетентностей.

В единстве этих четырех уровней и функционирует метод девиктимизации личности – виктимодраматерапия, энергетическим источником которой становятся внутри-личностные, межличностные и социально-личностные конфликты.

Место, функции и роль конфликта в виктимодраматерапии требует специального рассмотрения, что позволит расширить понимания концептуального основания метода виктимодраматерапии и методологии драматического интеракционизма клинической социатрии эпохи цифрового тоталитаризма [8].

Это служит основанием для создания социально-психологического театра драма-терапии виктимности как системного метода девиктимизации девиантных подростков на основе методологии драматического интеракционизма и внедрения в практику психолого-педагогической работы в системе образования драма-дидактики психосоциального развития личности.

Список литературы

1. Бейтман Э.У., Фонаги П. Лечение пограничного расстройства личности с опорой на ментализацию: практическое пособие. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014. – 248с.
2. Долганова А. Мир нарциссической жертвы: отношения в контексте современного невроза. – СПб: ИГ «Весь», 2017. - 368с.
3. Индик У. Психология для сценаристов: построение конфликта в сюжете. – М.: Альпина нон-фикшн, 2019. – 432с.
4. Килборн Б. Травма, стыл и страдание. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. - 312с.
5. Руденский Е.В. Субъектная виктимность личности подростка как уязвимость жизнеспособности: феноменология, гносеология и онтология //

Международный научно-практический и методический журнал «Смальта». 2020. №3. С.32-40.

6. Руденский Е.В. Межличностная патология: теоретическое основание виктимологической концепции психологии развития. // Научный журнал Развитие человека в современном мире. 2020. №3. С.96-111.

7. Руденский Е.В. Социодинамика развития культурно-психологического дефекта личности: концептуальный клиничко-виктимологический анализ. Международный научно-практический и методический журнал «Смальта». 2020. №4. С.5-13.

8. Четверякова О. Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России. - М.: Книжный мир, 2019. - 320с.

9. Эгри Л. Искусство драматургии. Творческая интерпретация человеческих мотивов. - М.: Альпина нон-фикшн, 2020. - 420с.

10. Ялом И. Стационарная групповая психотерапия. - М.: Издательство «Э», 2016. - 480с.

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflict of interests.**

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕВИАЦИЯ КАК ОСНОВА ДЕВИАНТНОЙ ВИКТИМНОСТИ

О. О. Сальников

(Новосибирск, Россия)

(Научный руководитель – д-р социол. н., проф. Е.В. Руденский)

Об авторе: *Сальников Олег Олегович*, бакалавр психолого-педагогического образования, Новосибирская СОШ № 172. E-mail: sal-oleg99@mail.ru

Аннотация. В статье с опорой на клиничко-социологическую гносеологическую методологию социально-психологической виктимологии личности рассматривается проблема недостаточной осведомленности академического сообщества девиантологов о подходе к проблеме девиантного поведения с ракурса феномена девиантной личности, генетическим источником которой выступает девиантная виктимность. В качестве продолжения тренда, задаваемым введением в девиантологию Е.В. Руденским понятия «девиантная виктимность», рассматривается функционально-психологическая девиация как основа зарождения и последующего формирования девиантной виктимности.

Ключевые слова: функционально-психологическая девиация, девиантная виктимность, девиантная личность.

FUNCTIONAL AND PSYCHOLOGICAL DEVIATION AS THE BASIS OF DEVIANT VICTIMINITY

Oleg O. Salnikov
(Novosibirsk, Russia)

Annotation. Based on the clinical and sociological epistemological methodology of socio-psychological victimology of a personality, the article deals with the problem of insufficient awareness of the academic community of deviantologists about the approach to the problem of deviant behavior from the perspective of the phenomenon of a deviant personality, the genetic source of which is deviant victimhood. As a continuation of the trend set by E.V. Rudensky of the concept of “deviant victimhood”, considers functional and psychological deviation as the basis for the emergence and subsequent formation of deviant victimhood.

Keywords: functional-psychological deviation, deviant victimhood, deviant personality.

Актуальность заданной темы заложена в текущей обстановке в мире в целом, и в Российской Федерации в частности. В связи с событиями, произошедшими в Российской Федерации 24 февраля 2022 года, резко обострилась проблема дефицита в стране гражданско-патриотической идентичности, что привело к резкому взлету, а если быть точным, актуализации ранее скрытого ресентимента.

Резко взлетевший в российском обществе ресентимент является лишь ярким примером, иллюстрацией проблемы резкого обострения различных форм девиантного поведения, к коим относится и ресентимент. Список подобных примеров можно продолжать бесконечно: жестокое обращение с детьми в семье, буллинг в системе образования (особенно в школе), моббинг по отношению к сотрудникам в различных организациях, и т.д., и т.п.

С другой стороны, данные иллюстрации были приведены с целью продемонстрировать наиболее остро стоящие и нуждающиеся в оперативном поиске решения проблемы, связанные с девиантным поведением.

Однако, в рамках данной статьи, будет рассмотрена другая проблема, прямо вытекающая из того, что было обозначено выше: проблема недостаточной осведомленности академического сообщества девиантологов о подходе к проблеме девиантного поведения с ракурса феномена девиантной личности и ее генетического источника, девиантной виктимности. Чтобы обозначить суть проблемы, необходимо оговориться о том, по какому алгоритму в целом решаются научные проблемы того или иного рода, имеющие в себе прикладной компонент. Самой важной частью решения проблемы, сразу после ее осознания, является нахождение источника, который порождает проблему.

Собственно, суть обозначенной проблемы статьи состоит в том, что существует целое научное направление и объяснительная теория,

разработанная в рамках этого направления, вскрывшая первоисточник проблемы девиантного поведения, однако для многих ученых данное научное направление, его методологические основания, положения, до сих пор либо остается вне поля внимания, либо намеренно игнорируется. Речь идет о социально-психологической виктимологии личности, разработанной Е.В. Руденским. В рамках данного научного направления и была разработана концепция девиантной личности, и в качестве генетического источника такого типа личности обозначена девиантная виктимность. Также остается вне поля внимания и понимание основы зарождения девиантной виктимности, ее ядром выступает функционально-психологическая девиация.

Таким образом, целью статьи является распространение взгляда на проблему девиантного поведения, предлагаемого в рамках социально-психологической виктимологии личности и последующее углубление в тему девиантной виктимности для формирования в научном сообществе понимания сути и значимости для современной девиантологии излагаемого подхода.

Поскольку статья за авторством Е.В. Руденского, описывающая собой феномен девиантной личности и его источник готовится к публикации одновременно с данной статьей, то для поддержания консистентности рассуждений здесь же будут вкратце изложены и авторское понимание феномена «девиантная личность» и связь между концептами «девиантная личность» и «девиантная виктимность». Далее, в продолжение тренда изложения феномена девиантной личности будет описано ядро, основа зарождения и последующего формирования девиантной виктимности – функционально-психологическая девиация.

Исходя из вышесказанного и обозначенной цели, были поставлены следующие задачи:

1. Изложить суть феномена девиантной личности;
2. Вскрыть связь между концептами «девиантная личность» и «девиантная виктимность»;
3. Описать феномен функционально-психологической девиации как ядро формирования девиантной виктимности.

В теоретико-методологическую основу статьи входят:

1. Клинико-социологическая гносеологическая методология социально-психологической виктимологии личности;
2. Функционально-компетентностная парадигма социально-психологической виктимологии личности;
3. Компетентностный подход;
4. Культурно-историческая психология Л.С. Выготского [Выготский, 2013];
5. Субъектно-деятельностный подход С.Л. Рубинштейна [Рубинштейн, 1976];
6. Теория системогенеза деятельности В.Д. Шадрикова [Шадриков, 1996; Шадриков, 2007].

В основу рассуждений автора легли многочисленные статьи, монографии и лекционные материалы Е.В. Руденского. Основными из них в рамках темы статьи являются: монография «Психология отклоняющегося развития» [Руденский, 2019], которая задала основу авторского взгляда на то, что такое «девиация» в целом, а также монография «Социально-психологическая виктимология личности: пропедевтика» [Руденский, 2015], задающая понимание теоретико-методологических основ социально-психологической виктимологии личности.

Колоссальное количество литературы написано на тему девиантного поведения, проблема обсуждается на многих уровнях, в бесчисленном множестве дискуссий и т.д. Однако, почти никогда не звучит в подобного рода дискуссиях концепта «девиантная личность». В этом и кроется проблема: девиантологией изучается поведение, но практически не изучается личность. Именно поведение выступает образом взаимодействия с окружающим нас миром, поведение задает образ действия и именно личность является субъектом действия, а соответственно и субъектом, осуществляющим определенное поведение.

Под девиантной личностью понимается такая личность, которая имеет (и обычно демонстрирует) в своем поведении те или иные отклонения. Можно сказать, что поведение данной личности отклоняется от заданных в обществе сценариев поведения. Это свидетельствует о том, что индивид, обладающий характеристиками девиантной личности, не может осуществлять деятельность в рамках тех задач, которые ставит перед ним необходимость пребывания в социуме (жизненные задачи).

Особенно подчеркну, что я говорю именно о необходимости пребывания в социуме. Как известно, человек – существо биосоциальное, то есть человек по определению существует в социуме (наиболее яркий обратный пример – синдром Маугли). Таким образом, основной задачей человека, чтобы оставаться существующим в социуме, является постоянное осуществление социального функционирования. Под социальным функционированием понимается способность человека реализовывать существующие у него базовые психологические функции, такие как память, внимание, мышление и т.д. [Шадриков, 2007].

Один из основополагающих принципов полноценного функционирования личности – асертивность. Он заключается в том, что субъекту деятельности приятен сам процесс ее выполнения, и также деятельность является социально приемлемой, не вызывающей раздражения или беспокойства у других индивидов. Следовательно, девиантное поведение, исходя из определения, нарушает этот базовый принцип, то есть блокирует полноценное социальное функционирование.

Таким образом, мы приходим к связи между девиантным поведением, девиантной личностью и социальным функционированием. Вывод таков, что фокус внимания в рамках решения проблемы девиантного поведения

смещается на необходимость более тщательного и глубокого анализа девиантной личности, необходимо понять, как она развивается и формируется, что является первоисточником. Согласно социально-психологической виктимологии личности им выступает девиантная виктимность.

Для начала разберемся, что понимается под концептом «виктимность». Для этого вновь обратимся к социальному функционированию. Здесь важно обозначить, что социальное функционирование понимается еще и как мера жизнеспособности человека в общественных отношениях. Согласно социально-психологической виктимологии личности мерой тех или иных способностей человека (включая жизнеспособность) выступает компетентность. Компетентность – это способность человека к выполнению той или иной деятельности; владение алгоритмом выполнения деятельности.

Виктимность, в свою очередь рассматривается как антипод компетентности. Виктимность, в наиболее широком смысле – это социально-психологическая уязвимость к чему-то или в чем-то. Более точно, виктимность – это социально-психологическая уязвимость стать жертвой собственной некомпетентности, именно это создает опасность его жизнедеятельности, т.е. для жизнеспособности индивида. Слово «социально-психологическая» в обоих случаях означает то, что данная уязвимость культивируется (взрачивается) в отношениях, и проявляется также в отношениях.

Наиболее подробно концепция девиантной виктимности будет рассмотрена Е.В. Руденским в его статье и последующих работах, поэтому остановлюсь лишь на своем понимании, рабочем определении девиантной виктимности. Девиантная виктимность – социально-психологическая уязвимость индивида стать жертвой отклоняющегося развития, в результате которого произойдет формирование девиантной личности.

Теперь перейдем к основной мысли данной статьи, к рассмотрению ядра девиантной виктимности. Вновь акцентируем внимание на том, что девиантная виктимность является именно социально-психологической уязвимостью, то есть уязвимость эта формируется в первую очередь в отношениях, в более широком смысле – в социуме в целом, где социум можно представить, как всю генеральную совокупность отношений, в которых пребывает индивид по мере своего развития и своей жизни. Как уже было обозначено, на первом месте в полноценной жизни человека в социуме стоит социальное функционирование, таким образом мы вновь приходим к этой концепции.

Как уже говорилось, социальное функционирование характеризуется в первую очередь способностью индивида реализовывать свои базовые психологические функции. Обращаясь к функционально-компетентностной парадигме, таким образом, первым звеном в социальном функционировании, является функционально-психологическая компетентность. Функционально-психологическая компетентность является мерой развития индивидуальных качеств субъекта. В свою очередь, дефицит функционально-психологической

компетентности выступает как сдерживающий фактор в функциональной психологической системе деятельности [Шадриков, 1996].

Исходя из вышесказанного, функционально-психологическая девиация представляет собой дефицит, а более точным будет сказать, деформацию, искаженную по давлению функционально-психологическую компетентность, характеризующуюся отклонениями личности от полноценного (ассертивного, компетентного) социального функционирования. Таким образом, каждый случай отклонения от полноценного социального функционирования порождает собой все большее давление на функциональную психологическую систему деятельности человека, порождая все новые и новые дефициты.

Так образуется системно-функциональный дефект, порождается и проявляется дефицит функционально-психологических способностей (когнитивных, коммуникативных, эмоциональных и т.д.), и также проявляется в нарушениях на всех этапах саморегуляции.

В качестве заключения отметим, какой пласт проблем затрагивает феномен функционально-психологической девиации. Так, например, у детей школьного возраста основной функционально-психологической девиацией у детей является девиация функции внимания. Функционально-психологическая девиация порождает собой девиантную виктимность как характеристику дисфункциональности, неспособности индивида выполнить деятельность и отдельные действия, составляющие эту деятельность. Нарушение способности выполнять деятельность формирует уязвимость функциональную и уязвимость к психологическим опасностям (что возвращает нас к рассуждениям в рамках актуальности заданной темы статьи).

Таким образом, социально-психологическая виктимология личности предлагает совершенно иной взгляд на проблему девиантного поведения, и помимо углубления понимания этой проблемы (что уже само по себе – шаг к ее решению), производится постепенное внедрение и распространение виктимологического взгляда в том числе на проблемы современной девиантологии, на что направлена и данная статья.

С другой стороны, социально-психологическая виктимология личности также ставит перед современной девиантологией и большой спектр новых проблем. На текущий момент, в рамках социально-психологической виктимологии личности разработан свой методический инструментарий, призванный к решению проблемы нарушения способности выполнять деятельность. Более полное описание инструментария социально-психологической виктимологии личности возможно найти в уже существующих работах в рамках данного научного направления. Постепенно ведется изучение и разработка подходов к решению новых поставленных проблем, но на данный момент все это остается в рамках тем грядущих статей, рефератов, монографий, докладов на научных конференциях и т.д.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Проблемы развития психики. - СПб: Питер, 2013. 368 с.
2. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. -М.: Педагогика, 1973. - 416 с.
3. Руденский Е. В. Психология отклоняющегося развития: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2019. - 392 с.
4. Руденский Е. В. Социально-психологическая виктимология личности: пропедевтика: монография. - Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. - 146 с.
5. Шадриков В. Д. Ментальное развитие человека. М.: Аспект Пресс, 2007. - 284 с.
6. Шадриков В.Д. Психология деятельности и способности человека: Учебное пособие, 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательская корпорация "Логос", 1996. - 320 с.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflict of interests.

ДРАМА-РЕФЛЕКСИЯ КАК МЕТОД КЛИНИЧЕСКОЙ ДРАМА-СОЦИАТРИИ ВИКТИМНОСТИ

Н. А. Гржибовская

(Новосибирск, Россия)

(Научный руководитель – д-р социол. н., проф. Е.В. Руденский)

Об авторе: *Гржибовская Н. А.*, магистрант факультета психологии Новосибирского государственного педагогического университета, социальный педагог МБОУ СОШ №172 г. Новосибирска, лаборант Лаборатории социально-психологической виктимологии личности профессора Е. В. Руденского. E-mail: nodrama2.0@list.ru

Аннотация. Автор раскрывает особенности метода драма-рефлексии в системе девиктимизации личности, позволяющего сформировать новые устойчивые компетентности резилентной личности как регулятивного механизма жизнедеятельности. В статье раскрываются концептуальные понятия клинической драма-социатрии и виктимологии. Особое внимание уделяется понятиям «жертва» и «борьба».

Ключевые слова: драма-рефлексия, рефлексивная практика, психология рефлексии, виктимность, идентичность, жертва, ретроспективная, интроспективная, проспективная рефлексия.

DRAMA-REFLECTION AS A METHOD OF CLINICAL DRAMA-SOCIATRY OF VICTIMOLOGY

N. A. Grzybovskaya
(*Novosibirsk, Russia*)

Annotation. The author reveals the features of the drama-reflection method in the system of personality devictimization, which makes it possible to form new stable competencies of a resilient personality as a regulative mechanism of life. The article reveals the conceptual concepts of clinical drama-sociology and victimology. Particular attention is paid to the concepts of "victim" and "struggle".

Keywords: drama-reflection, reflective practice, psychology of reflection, victimhood, identity, victim, retrospective, introspective, prospective reflection.

Драма-рефлексия в системе клинической драма-социатрии виктимологии, как метод воспитания психики, требует концептуального осознания всех его составляющих.

Что представляет собой Виктимология?! Практически в каждом информационном источнике можно увидеть, что это наука о жертвах. В отечественной виктимологии под жертвой используется понятие «потерпевшего» и на важно от каких видов преступлений.

Однако в клинической социатрии в понятие жертва вкладывается несколько иное, а именно виктимизированная идентичность. По мнению социального философа М.В. Заковоротной, идентичность — это «модель жизни, позволяющая разделить «Я» и окружающий мир, определить соотношение внутреннего и внешнего для человека, конечного и бесконечного, адаптации и самозащиты, упорядочить разнообразие в целях самореализации и самоописания» [4].

Вопросы, на которые отвечает «Идентичность»: Кто я?», «Какой я?», «Где свои, а где чужие?». Другими словами, это принадлежность к чем-либо, в рамках осознанных ролей или эго-состояний. Все нарушения идентичности в том числе, и неспособности, надо искать в культурном -генезисе личности, где зарождается культура и формируются группы с общими ценностно-смысловыми сферами жизнедеятельности.

Что касается социатрии, если дословно, то переводится как излечение, в системе драма-социатрии это излечение от отношений формирующих виктимность или лечения социальных отношений.

Виктимность это некая уязвимость, а виктим-субъект имеющий виктимность [1].

В драма-социатрии индивид рассматривается всегда проявляющийся в отношениях и через отношения, они могут быть как: социальными, которые

происходят между отдельными индивидами, группами, организациями или общностями; культурными взаимодействиями между культурами; межличностными, основанными на интеракции между членами общества.

Драма в системе клинической драма-социатрии есть взаимодействие между индивидами для удовлетворения собственных потребностей, которые безусловно важны и нужны, но возмещение происходит через борьбу: позиционную за «социальную роль», здесь «бой» ведется из занимаемой позиции, например жертвы и абьюзера, высшей точкой «наслаждения», будет всегда победа с максимальной выгодой для «ведущего борьбы»; функциональная – открытое противоречие между функциями, которые должны быть направлены на сохранение целостности, если рассмотреть в интерактивной системе семьи, «бои» идут на передовой «Я-добываю медведя» - «Ты -готовишь саблезубого»; статусную можно наглядно увидеть в борьбе двух мужчин на звание сильнейшего, тот кто выигрывает и получает место рядом с «Важакон», если это борьба ведется, например, на работе; предметную- за предмет потребностей, может проявляться, как при, неудовлетворительных условиях окружающей действительности и достаточных ресурсах, например, ажиотажная покупка гречи и сахара в магазинах, при неблагоприятном экономическом состоянии страны, однако достаточности ресурсов для жизнеобеспечения базовых потребностей, так и как в рамках семьи за материальные ценности.

Катализатором конфликта всегда будет выступать ресентимент или чувства враждебности, неудовлетворённости и эмоциональное притворство негативных чувств. К драме безусловно относится и семейный виктимблейминг, в частом его проявлении, обвинения ребенка или других членов семьи, за свои неудачи и несостоятельности. Очень важный момент в системе драмы, это то, что в борьбу индивид всегда вступает по собственной воле. Какие бы провокации не были со стороны: коллег по работе, супруга дома или прохожего на улице, это всегда «добрая воля» самого виктима и его неудовлетворенные потребности. Борьба как некая драматическая интеракция, через которую самоутверждается.

Нарушенная адаптация и отсутствие концентрации на деятельности, выводит виктима из состояния равновесия и активирует режим автоматического страдания от невозможности и бессилия справиться с требованиями социума, тем самым запускается механизм психологического драматизма, а деформированная эмоционально-волевая компетентность ведет к систематическим срывам на окружающих, что приводит к разрыву интеракции (взаимодействия).

Конфликт всегда начинается, когда страдания не разделяются окружающими, тем самым включается механизм разрушающий эмоциональный фон, который приводит к психосоматике.

«Привычка быть несчастным!» этой крылатой фразой труппы «Квартет И» можно охарактеризовать принцип функционирования виктима. Что бы

дать шанс быть счастливым, представляю метод драма-рефлексия, как ключевого механизма в становлении резилентной личности – ее способность преодолевать стрессы и трудные периоды конструктивным путем. Я буду говорить о драма-рефлексии как о форме клинической драма-социатрии, посредством, которой не только что-то познается внутри нас, но и происходят изменения как в субъекте, так и в объекте борьбы. Через рефлексивную формируется система управления своим поведением и конструируется ролевая компетентность.

Объектом будет выступать некая виктимность (уязвимость). Через драму-рефлексию приостанавливается процесс борьбы и открывается выход за пределы конфликта. Здесь начинается первый этап формирования рефлексивного навыка. На этом этапе происходит воссоздание прошлого и осознание схем, по которым движется виктим, вступивший в конфронтацию. Здесь же происходит действенный анализ и «разбор полетов», осознание сути конфликта, такой вид рефлексии еще можно назвать – ретроспективной.

Крайне тяжелый процесс для виктима это прервать борьбу в моменте «здесь и сейчас». Важно понимать, что борьба – это не всегда скандалы, сопровождающиеся битьем тарелок, так же может выражаться и в форме пассивной агрессии – молчание. На данном этапе осуществляется контроль и корректировка; переоценка и перестройка деструктивных ролевых действий. Такая рефлексия имеет название интроспективной, что означает смотреть внутрь.

Важным этапом становления рефлексивного навыка это доведенная до автоматизма проспективная рефлексия. Здесь формируется прогнозирование и анализирование, которые помогают, проиграть исход конфликта и включить эффективную ролевую модель для отхода от борьбы в сторону конструктивного диалога. Включает в себя: размышления о предстоящей деятельности; представление о ходе деятельности; планирование и выбор наиболее эффективных способов осуществления; прогнозирование возможных результатов.

В процессе виктимизации личности наблюдается отключение механизма переживания [5]. Рефлексия и переживание имеют тесную связь. Драма-рефлексия позволяет включить деятельность по состраданию и переживанию в процессе чего, реконструируются компетентности. Переживание — это креативный процесс реконструкции самого себя. Если за основу понимания переживания взять определение рефлексии – «... всякое перенесение переживания с внешнего мира на самого себя» [3] и применить к драма-переживанию, то можно сказать, что это всякое перенесение душевного состояния с внешнего субъекта на самого себя. Переживание является базой для формирования ментализации, а именно когнитивной способности воспринимать и представлять психическое состояние самого себя и других людей.

Важно отметить, что драматерапия и драмасоциатрия ориентирована на действия по средствам которых перестраиваются ролевые схемы, установки, ценностно-смысловые ориентации. Драма Рефлексия – это тоже действие, выполняя его, формируется волевая регуляция, эффективный инструмент для выключения дезадаптивных режимов функционирования.

Драма-рефлексия выводит жертима на новый уровень понимания жизни, как борьбы, которую можно и нужно вести экологичным способом, например, под маской дипломата, удовлетворять собственные потребности и потребности значимого окружения индивида.

Методы для культивирования рефлексивного навыка много, вот не некоторые из них:

1. Ведение рефлексивного дневника. Действенный инструмент осознания деструктивных схем поведения и аффективных реакций.

2. Видео тренинг через действенный анализ просмотра фильма, эффективно как для взрослых, так и для детей. Через разбор действий учимся понимать другого, его мотивы, цели, уязвимости [2].

3. Геймтренинг через игру в действиях перестраиваются установки и культивируются новые поведенческие схемы.

4. Рефлексивное общение подразумевает не только слушать собеседника, а также осознание сути разговора. А рефлексивные вопросы помогут индивиду включиться в процесс ментализации.

5. Книжные клубы для детей и взрослых, читательские поединки. Через обсуждение проблематики различных книг, формируется навык анализировать с позиции человеческих отношений.

Задача терапевта в использовании метода драма рефлексии, как в консультации клиентов, так и в самостоятельной работе, это включить процесс девиктимизации и довести навык до автоматизма.

Хочу отметить, что через драма-рефлексию формируется, такой важный механизм, как регуляция являющийся базой для мыслительных процессов; самонаблюдения, самоконтроля. Изменяются ценностно-смысловые образования и адаптивность индивида в окружающей социальной среде.

Список литературы

1. Руденский Е.В. Психология ненормативного развития личности. Виктимологическое основание психологической теории дефицитарной патологии развития личности. - Новосибирск, 2000. - 180 с.

2. Руденская Ю.Е. Рефлексивный видеотренинг как когнитивно-поведенческий метод профессионального обучения // Профессиональное образование и занятость молодежи- XXI век: материалы Международной научно-практической конференции (Кемерово, 27-28 марта 2013 г.). - В 2 ч. - Ч 2. /Департамент образования и науки Кемеровской области, ГОУ «КРИПО», ФГНУ «Институт теории и истории педагогики» РАО, ФГБОУ

ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово: КРИПП, 2013.

3. Шаров А.С. Ограниченный человек: значимость, активность, рефлексия: Монография. – Омск: Изд-во Омского государственного педагогического университета, 2000. – 358 с.

4. Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. - Ростов -на Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 1999.

5. Василюк Ф.Е. Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. - 200 с.

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflict of interests.**

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ КАК СЛЕДСТВИЕ ДЕФИЦИТА СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

М. А. Палецкий

(Новосибирск, Россия)

(Научный руководитель – М.А. Щукина, доктор психологических наук, профессор
СПбГПУ им. А.И. Герцена)

Об авторе: *Палецкий Михаил Алексеевич*, магистр психолого-педагогического образования («Девииантология») и магистр психологии («Драматерапия виктимности»), аспирант кафедры психологии развития и акмеологии психологического факультета Новосибирского государственного педагогического университета, психолог центра психологической помощи «Новосибирский Психологический Центр»; e-mail: 8953777654@mail.ru; e-mail: nsk-psychology.ru

Аннотация. В статье представлена проблема девиантного поведения с позиции концептуального подхода социально-психологической виктимологии личности. Показана причина отклоняющегося поведения в нарушении баланса между дихотомическими, но в то же время динамично взаимосвязанными, процессами: социальной адаптацией и социальной автономизацией. Проблема нарушенного баланса между социальной адаптацией и социальной автономизацией определяется как следствие дефицита

социальной компетентности.

Ключевые слова: девиантное поведение, онтогенетическая виктимизация, виктимность личности, компетентность, социальный интеллект, социальная компетентность.

DEVIANT PERSONALITY BEHAVIOR AS A CONSEQUENCE OF SOCIAL COMPETENCE DEFICIENCY

Mikhail A. Paletsky
(Novosibirsk, Russia)

The article presents the problem of deviant behavior from the perspective of the conceptual approach of socio-psychological victimology of personality. The reason for deviant behavior is shown to be a violation of the balance between dichotomous, but at the same time dynamically interrelated processes: social adaptation and social autonomization. The problem of the disturbed balance between social adaptation and social autonomy is defined as a consequence of the lack of social competence.

Keywords: deviant behavior, ontogenetic victimization, victimization of personality, competence, social intelligence, social competence, conformism.

Кризисное состояние социальных институтов и культуры современного общества выступают триггером девиантного поведения, но этому предшествует процесс онтогенетической виктимизации личности. Онтогенетическая виктимизация это дефицитно-деформирующий процесс индивидуального развития личности в условиях социально-психологической депривации (травматизации, манипуляции), которая определяет развитие дисгармонии межличностных отношений и ведет к риску социально-психологической деградации личности.

Личная виктимность это содержательная система интегрированных дефицитов компетентностей функционирования: дефицитов личностных компетентностей; дефицитов когнитивных компетентностей; дефицитов социальных компетентностей; дефицитов эмоциональных компетентностей; дефицитов социально-психологических компетентностей. Личная виктимность является предиспозицией виктимности личности, как дефицитно-компетентностной деформации личности в ситуации невозможности, в силу дефицитов, решить задачи социального функционирования. Основной причиной личной виктимности является патологическая семейная интерактивная система, где формируются основные дефициты ненормативного семейного развития: дефицит социального интереса; социального интеллекта; социальной компетентности; социальной идентичности и дефицит автономности или субъектной позиции.

Девиантное поведение (лат. *deviation* – отклонение) – это устойчивое поведение личности, отклоняющееся от общепринятых норм. Негативные последствия девиантного поведения вынуждают общество к применению определенных формальных и неформальных санкций (изоляция, лечения, исправления или наказания нарушителя). Проблема девиантного поведения

находится в центре внимания с начала появления социологии. Очевидная сложность определения изучаемого понятия «девиантность» обусловлена, прежде всего, его междисциплинарным характером. Данным вопросом занимаются различные научные дисциплины: медицинские, социальные, социально-психологические, психологические.

Так, Е.В. Змановская в своем учебном пособии «Девиантология» [6] предлагает рассматривать отклоняющееся поведение не с точки зрения медицинской нормы-патологии на оси «здоровье-предболезнь-болезнь», а с социально-психологической, на оси «социализация-дезадаптация-изоляция». Было бы не объективно рассматривать поведение субъекта вне контекста его социального окружения. Если следовать из концепции генезиса общения М.И.Лисиной [5], то общение является одним из важнейших факторов общего психического развития, а социальное окружение понимается главнейшим фактором развития высших психических функций в культурно-исторической концепции Л. С. Выготского [2].

Е.В. Руденский в своей работе «Психология отклоняющегося поведения» [7] рассматривает личность как развивающуюся психосоциальную систему, где рассматривает системно-генетическую концепцию личности Л.И.Анциферовой [1], которая хорошо согласуется с эпигенетической теорией развития личности Э. Эриксона [13] и психотехнологической концепцией социального функционирования личности, которая разработана автором [7].

Системно-генетическая концепция согласуется с методологией системно-функционального интеракционизма, где основным способом бытия личности является развитие. По мере становления личности растет целостность, интегрированность ее психологической организации, усиливается взаимосвязь различных свойств и характеристик, накапливаются новые потенции развития. Если обратиться к работе Е. В. Руденского «Дефект социализации личности как базовая категория педагогики критического конструктивизма» [8], то увидим, что автор опирается на методологию социально-когнитивного конструктивизма, где социализация личности рассматривается как интерактивно-когнитивный процесс, включающий социальное конструирование знания, интерпретативный диалог субъектов социализации, когнитивное конструирование социально личностных компетентностей как когнитивных конструктов. Разработанная Е.В.Руденским клинико-социологическая методология, в рамках инновационного научного направления социально-психологической виктимологии личности, которая включает в себя дефицитно-компетентностную парадигму деформации личности, в основе которой заложено понимание дефицита или дефекта компетентности, как предрасположенности к деформации в критической ситуации социального функционирования [8; 11; 12].

Под виктимностью личности понимается онтологическое проявление виктимности в действии, так называемая децидивная виктимность, которая

характеризуется дефицитами социально-функциональных и психотехнических компетентностей. Под дефицитами понимаются также дефекты и деформации, а если их обобщить, то можно выразить понятием – *дисфункциональная компетентность* [8; 11; 12; 13].

Девиантное (отклоняющееся) поведение – это индикатор дефицита компетентности. В рамках данной статьи рассмотрим дефицит социальной компетентности. Для продуктивного функционирования личности надо развить 17 компетентностей, а для выполнения более сложной деятельности, надо иметь намного больше компетентностей.

Компетентность личности – это матрица сознания, которая управляет его восприятием, мышлением, поведением, всей его жизнедеятельностью. В зависимости от состояния компетентности можно судить о качестве личности, о ее адаптивности. Чем ниже уровень компетентности, тем выше уровень виктимности (определение, характеристика личности как «жертвы» дефицита, дефекта или деформации компетентности) [11; 12; 13].

Сущностная характеристика социальной компетентности состоит в осознанном, адекватном, позитивном отношении к себе и другим, основанном на признании субъективности других и собственной субъективности, обеспечивающем реализацию во взаимодействии баланса между социальной адаптацией (учет ожиданий другого человека, его интересов и потребностей) и социальной автономизацией (отстаиванием собственных интересов и запросов). Как владение «когнитивными, эмоциональными и моторными способами поведения, которые ведут к долгосрочным и благоприятным межличностным и профессиональным взаимоотношениям.

Социальный интеллект выступает как средство познания социальной действительности, а социальная компетентность как продукт этого познания. Оба они на высоких уровнях своего развития проявляются в таких существенных для зрелой личности свойствах, как адекватность, автономность, аутентичность. В реальном человеческом взаимодействии эти интегральные свойства личности взаимодополняют и взаимообуславливают друг друга.

Социальная компетентность является одним из компонентов культурного потенциала (интерсубъектности) личности, которая включает также социальную идентичность, социальный интеллект и уверенность в себе. Дефицит хоть одного компонента приводит к дисбалансу диалектического противоречия результативности социализации личности: социальной адаптацией и социальной автономизацией. Нарушение баланса в сторону социальной автономизации формирует девианта, а перевес в сторону социальной адаптации формирует аддикта. И тот и другой дисбаланс в результативности социализации отражается на уровне социальной зрелости, которая определяет степень ее самоактуализации и приводит к стагнации конструктивного функционирования личности, что проявляется в конформизме [9; 10].

Конформизм — это социально-психологическая характеристика личности с дефектом социализации, которая утрачивает свою социальную автономность вследствие дефицита социальной компетентности. Основой такой детерминации является страх быть непризнанным социально-референтной группой, или же страх перед негативными социальными санкциями, которые неизбежны при дефиците социальной компетентности. Сам процесс трансформации личности в конформиста носит характер социально-психологической деформации. Процесс деформации имеет четыре этапа деструктивного развития:

1). Формирование гетерономии (зависимости) в отношении к другим людям, что определяет деперсонализацию личности (потерял себя), ведущую к разрушению целостности личности.

2). Развитие неадаптивности в отношении к себе, ведущей к развитию деиндивидуализации личности (не обрел себя), определяющую развитие социального инфантилизма.

3). Нарушение равновесия отношения личности к обществу, ведущей к развитию деинтеграции личности (не осознал себя), определяет развитие эгоцентризма и эскапизма.

4). Создаются условия для невключенности, что формирует феномен дереализации личности (не реализовал себя), определяет возникновение социальной маргинальности и маргинального мышления [9;10;11].

Таким образом, мы можем рассматривать девиантное поведение как одну из форм проявления виктимности личности, а виктимность личности можем рассматривать не как приговор, а как начало длительной работы по культивированию собственной компетентности и конструктивной трансформации личности.

Список литературы

1. Анцыферова Л. И. Принцип развития в психологии. - М.: Наука, 1970. 370 с.
2. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 1. Вопросы. теории и истории психологии /Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. - М.: Педагогика, 1982. 488 с.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд /Пер, с фр. с сокр.; Под ред. В.А. Базарова. - М.: Мысль, 1994. 399 с.
4. Крукович Е. И., Ромек В. Г. Кризисное вмешательство: Учебно-методическое пособие. – Мниск: ЕГУ, 2003. 92 с.
5. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения / НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР. - М.: Педагогика, 1986.144 с.
6. Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - 2-е изд., испр. - М.: Издательский центр «Академия», 2004. 288 с.
7. Руденский Е.В. Психология отклоняющегося развития: учебное

пособие для вузов. - М.: Издательство Юрайт, 2019. 392 с.

8. Руденский Е.В. Дефект социализации личности как базовая категория виктимологии образования: монография. - Новосибирск: Соцтехсервис, 2004. 119 с. (Ризограф Сибирского психосоциального ин-та).

9. Руденский Е.В. Психология адаптивного функционирования личности. - Новосибирск: НГПУ, 2015. 160 с.

10. Руденский Е.В. Психология ненормативного развития личности: учебное пособие для вузов. - М.: Издательство Юрайт, 2019. 177 с.

11. Руденский Е.В. Социальная патология: учебное пособие для вузов. - М.: Издательство Юрайт, 2019. 199 с.

12. Руденский Е.В. Социально-психологическая виктимология личности: пропедевтика. Монография. - Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. 146 с.

13. Эриксон Э. Г. Детство и общество. - СПб: Лет. сад, 2000. 415 с.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflict of interests.

РИСКИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИКОВ КАК ТРИГГЕРЫ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИХ НАРУШЕНИЙ И АУТОДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЕЖИ

(на примере европейских стран, Болгарии и России)

Р. Бояджиев (София, Болгария)

А. И. Долгиев (Магас, Республика Ингушетия, Россия)

Ю. А. Клейберг (Тверь, Россия)

Об авторах: *Бояджиев Руман*, доктор философии (по общественным наукам), президент Международной ассоциации по борьбе с наркоманией и наркобизнесом (София, Болгария); *Долгиев Адам Исаевич*, бакалавр исторического факультета (направление «Психология») Ингушского государственного университета; *Клейберг Юрий Александрович*, лауреат Государственной премии Правительства Российской Федерации в области науки и образования, основатель и президент Международной Ассоциации девиантологов,

Аннотация. В статье актуализируется проблема аутодеструктивного поведения подростков и молодежи, употребляющих наркотики и психоактивные вещества. Отмечается, что существуют риски употребления наркотиков и психоактивных веществ, которые являются триггерами психосоматических нарушений и аутодеструктивного поведения подростков и молодежи в европейских странах, Болгарии и России. Представлен дискурс-анализ современной ситуации в европейских странах, Болгарии и России.

Ключевые слова: подростки, молодежь, аутодеструктивное поведение, психосоматические нарушения, наркотики, психоактивные вещества, европейские страны, Болгария, Россия.

**RISKS OF DRUG USE AS TRIGGERS OF PSYCHOSOMATIC DISORDERS
AND SELF-DESTRUCTIVE BEHAVIOR IN ADOLESCENTS AND YOUTH
(on the example of European countries, Bulgaria and Russia)**

PhD (social Sciences) Ruman Boyadzhiev (Sofia, Bulgaria)

Adam I. Dolgiev (Magas, Republic of Ingushetia, Russia)

Professor Yury A. Kleyberg (Tver, Russia)

Annotation. The article actualizes the problem of self-destructive behavior of adolescents and young people who use drugs and psychoactive substances. It is noted that there are risks of using drugs and psychoactive substances, which are triggers of psychosomatic disorders and self-destructive behavior of adolescents and young people in European countries, Bulgaria and Russia. A discourse analysis of the current situation in European countries, Bulgaria and Russia is presented.

Keywords: adolescents, youth, self-destructive behavior, psychosomatic disorders, drugs, psychoactive substances, European countries, Bulgaria, Russia.

Психологические знания, как часть общей культуры человека, как условия его оптимального психического и психосоматического функционирования сегодня приобретают особую значимость. И это не случайно – растет значение психологии как одного из источников развития не только общей психологии, психологии личности, коррекционной психологии, но и ювенальной психологии и ювенальной девиантологии.

Психосоматическая психология в большей степени складывается как знание о психологии человека в условиях нарушения психической организации при разных видах психофизиологических отклонений. Особое значение имеет разработка ювенальных проблем психосоматической патопсихологии для современного общества, так как в настоящее время юная личность подвергается значительному числу психотравмирующих факторов: возрастает напряженность жизни, увеличивается число состояний стресса и фрустрации, обостряются подростково-юношеские кризисы, чаще формируется чувство тревожности и неуверенности на фоне объективных трудностей и недостаточно широкой пропаганды здорового образа жизни и др.

Следствием этого является рост психических, психосоматических и поведенческих нарушений в жизнедеятельности юной личности на фоне нарастания общей невротизации общества, возрастания количества детско-подростковых суицидов, широкого употребления психоактивных веществ и алкоголя.

Однако сразу заметим, что теорий распространения и потребления наркотиков и психоактивных веществ (ПАВ), которые хоть как-то объясняли бы эту проблему, на сегодняшний день, насколько нам известно, практически не существует ни в Европе, ни в Болгарии, ни в России.

И все же, надо отдать должное, российскими учеными-девиантологами (В.В.Брюно, Н.Е. Зинберг, Я.И. Гишинский, Ю.А. Клейберг, Ю.Ю. Комлев, Е.Л.Омельченко, М.Е. Позднякова, Т.А. Хагуров и др.) сформулированы основные подходы к пониманию характера и содержания различных форм девиантного и криминального поведения, которые интегрировали положения классических и постклассических теорий в собственных концептуальных построениях.

Работы российских и некоторых зарубежных исследователей (З. Бауман, Ж.Бодрийяр, Т. Вебер, Т. Веблен, П. Коэн, Г. Пирсон, У. Эко, П. Эрикссон и др.) позволяют оценить приоритет превентивных идей и подходов над репрессивными, а также понять динамику наркопотребления и наркопреступлений (Позднякова М.Е., Брюно В.В., 2019).

Теперь обратимся к Отчету Европейского центра мониторинга наркотиков и наркозависимости (European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction – EMCDDA) совместно с Европоллом, где указывается, что жители европейских стран тратят в год не менее €30 млрд на покупку наркотиков. Этот рынок является крупнейшим источником доходов организованной преступности в Европе (Цит. по: [2]).

Проведем дискурс-анализ ситуации, связанной с покупкой и потреблением наркотиков и психоактивных веществ в европейских странах, Болгарии и России.

В этой связи большой интерес представляют национальные приоритеты покупки и употребления наркотиков. Как видно из указанного Отчета EMCDDA, наибольшим спросом пользуется *каннабис* в двух своих популярных разновидностях — *марихуане и гашише*. На их долю приходится €11,6 млрд, или 39% всего оборота средств легального и нелегального наркорынка. Согласно мониторингу, около 25 млн граждан Европы в возрасте от 15 до 64 лет употребляли гашиш и марихуану в 2021 году. Наряду с марихуаной и гашишем, увеличивается также спрос и на их производные с добавлением этих наркотиков (каннабидиол (КБД) или низкий уровень тетрагидроканнабинола (ТНС)) [2].

Следующим после каннабиса часто употребляемым наркотиком в Европе является *кокаин* с оборотом в €9,1 млрд в год и 4 млн европейских потребителей. Наибольшим спросом кокаин пользуется в Великобритании.

Третье место в списке потребляемых наркотиков среди европейцев занимают *героин* и *другие опиаты* – 1,3 млн потребителей в ЕС в 2021 году. Это – МДМА («Экстази») оценивается в Европе примерно в €1,5 млрд в год. В 2021 году около 1,7 млн европейцев принимали амфетамины или метамфетамины, а 2,6 млн потребляли МДМА.

Что примечательно, производство этих веществ, подчеркивается в Отчете, организовано в промышленном масштабе внутри самого Евросоюза и ориентировано как на внутреннее потребление, так и на экспорт [2].

Таким образом, следует отметить, что данные, представленные в Европейском докладе о наркотиках за 2021 год, иллюстрируют существенные изменения ситуации, связанной с наркотиками, за последние 25 лет.

На политическом уровне новая стратегия и план действий Европейских стран относительно проблемы наркотиков 2021–2025 годы, подтверждает обязательство стран Европы по сбалансированному подходу к явлению наркомании и в то же время представляет продуманную и исчерпывающую систему действий для защиты и улучшения общественного здоровья и благополучия, и обеспечения высокого уровня безопасности [3, с. 5, 7].

Совершенно очевидным является то, что наркотики в XXI веке стали чрезвычайно острой и гораздо более распространенной проблемой – проблемой, которая в той или иной степени затрагивает все основные области политики и социальной сферы.

А что происходит в Болгарии в этой связи? Специалисты социологических профессий (психологи, педагоги, социальные работники, медиаторы и др.) отмечают, что число подростков с агрессивным поведением с каждым годом увеличивается, что напрямую связано с употреблением ими психоактивных веществ (ПАВ) и наркотиков [5, с. 48-79].

Законодательством Республики Болгария определены компетенции Центральной комиссии по борьбе с антиобщественными проявлениями несовершеннолетних при Совете министров Республики Болгария, а также региональных комиссий по борьбе с антиобщественными действиями несовершеннолетних [1].

Когда девиантное поведение подростка осуществляется после употребления им психоактивных веществ, то оно обычно характеризуется значительно более выраженной агрессией, так как теряется контроль над своими эмоциями и действиями. В последние годы часто наблюдаются случаи, когда подросток заявляет, что не помнит, что точно причинил и именно кому и в какой степени причинил вред, заявляя, что в момент агрессии, он находился под воздействием наркотиков и / или алкоголя.

Здесь важно провести психологически адекватную диагностику компонентов вещества, которое употребил подросток, и склонности к агрессии. Это имеет первостепенное значение как для справедливого наказания, так и для планирования своевременных психосоциальных вмешательств по отношению к подростку [6; 7].

Таким образом, большая часть подростков не в состоянии справиться с разными влияниями и давлениями, которыми они подвергаются, и, таким образом, становятся уязвимыми к вредному воздействию психотропных веществ и, в некоторых случаях, к агрессивному поведению. Слишком часто наркотики не воспринимаются как вредные, что увеличивает вероятность недооценки рисков. У другой части подростков и молодых людей, употребляющих психоактивные препараты, сформированы адекватные представления о препарате, его эффекте и вредном воздействии на юный организм.

Типичный пример такого отношения представляют убеждения подростков о безвредном употреблении каннабиса (марихуаны) и его производных. Об этом свидетельствуют результаты Европейского школьного исследовательского проекта по алкоголю и другим наркотикам (ESPAD), проведенного среди учащихся в возрасте 15-16 лет в 35 Европейских странах. В среднем употребление каннабиса в этих странах составляет 9% и 13% соответственно. В Болгарии этот процент составляет 8-10%. В то же время 21% юного населения Болгарии употребляло марихуану хотя бы раз в жизни.

Однако, согласно отчету ESPAD (2020), ситуация в Болгарии ухудшилась. К сожалению, исследования показывают, что болгарские подростки демонстрируют более высокий уровень употребления психо- и наркоактивных веществ по сравнению с другими европейскими странами [4].

Практический опыт работы региональных комиссий по борьбе с антисоциальными действиями несовершеннолетних в Болгарии подтверждает вышеупомянутые результаты. Исследования Болгарской ассоциации по профилактике наркомании и Международной ассоциации по борьбе с наркоманией и наркобизнесом в Болгарии (Бояджиев Р., 2020), также подтверждают эти данные.

Как отмечают многие болгарские ученые и практики (Р. Бояджиев, И. Григоров, Д.А. Иванова, А. Канчелов, И.Д. Крастев, Н. Стефанова и др.), на современном этапе в Болгарии существует острая необходимость в хорошо подготовленных специалистах для работы с детьми, совершившими девиантные действия после употребления психоактивных веществ. Их профессиональная деятельность способствовала бы эффективной профилактики агрессивных тенденций в подростково-молодежной среде, а также при использовании сертифицированных программ социально-психолого-медико-педагогического сопровождения подростков и их семей, обеспечила безопасность юной личности и общества.

В России дела обстоят не лучше в плане употребления наркотических и психоактивных веществ (ПАВ) в подростково-молодежной среде. В целом статистику преступлений против детской личности в нашей стране глава Следственного комитета России А.И. Бастрыкин назвал «ужасающей», а тенденцию роста насилия против юной личности – «пугающей» ([Цит. по: 8, с. 58-65]).

Не будет большим преувеличением сказать, что данную характеристику А.И. Бастрыкина можно применить и для оценки ситуации употребления наркотиков и психоактивных веществ юными россиянами. Ситуация действительно ужасающая и пугающая, а посему чрезвычайно актуальна. Ее актуальность заключается в том, что подростки и молодежь являются не только уязвимой частью общества, жертвами агрессивного социума, выступающими часто провокативными мотивацией и установкой (триггерами) деструктивных тенденций в сознании, поведении, ценностных ориентирах, но и в опасности, что нарко- и ПАВ-активность подростков и молодежи в современной ситуации актуализирует их выбор в пользу деструктивного поведения (а употребление наркотиков и ПАВ – это деструкция), как *своеобразного способа адаптации, конструктора моделей существования в агрессивном и психотравматичном мире*. Мы уже не говорим о том, что употребление наркотиков и ПАВ – это прогрессирующая, всеобщая уничтожающая человечество глобальная угроза, представляя реальную опасность безопасности государства.

Судите сами. Резкий скачек безработных в 2019 году увеличил число наркозависимых более чем на 50%, а уровень нелегальных поставок на 45-55%. Причем, недавние исследования, проводимые с разновозрастными группами людей, показали, что девушки и женщины в возрасте от 17 и до 32 лет, страдают наркотической зависимостью больше и сильнее нежели мужчины тех же возрастных категорий. Статистика наркомании в России 2022 года указывает на следующее: 25% граждан России в возрасте 25-29 лет умерли от передозировки наркотиком (ПАВ), 30% - в возрасте 18-24 лет. Ежегодная смертность подростков и молодежи от 15 до 34 лет достигла более 60 тысяч человек. Средний возраст наркозависимых школьников от 9 до 14 лет равен 20%, молодежи от 16 до 24 лет – 60% и от 25 до 30 лет – 20%. В сумме, как указывают исследования, за год сокращается на 1 млн 100 тысяч граждан молодого репродуктивного возраста [9].

С 2011 по 2020 год наблюдается активный рост потребления среди детей и подростков курительных смесей – синтетических каннабиноидов. Распространение запрещенных веществ среди подростков и молодежи такова: синтетические наркотика – 55%, героин – 19%, медицинские препараты – 22 %, каннабис и его производные – 4% [9].

Таким образом, употребление наркотиков и ПАВ – это стимулирование появления, возбужденного или угнетенного состояния центральной нервной системы человека с последующей физической и психологической зависимостью от них. Главной причиной наркотической аддикции (зависимости, пристрастия) к наркотикам является эффект эйфории.

Каждое наркотическое вещество оказывает специфическое воздействие на ЦНС, нанося ей непоправимый вред и постепенно разрушая ее.

Употребление наркотиков и ПАВ характеризуется появлением необратимых изменений в психике людей: более чем в 50% случаев

наблюдаются четкие приметы снижения памяти и интеллекта, а у 71% – заметное снижение морально-этических качеств, деградация личности. Эти типичные последствия такого образа жизни и определяют социальную опасность наркоманов.

Список литературы

1. Закон о борьбе с антиобщественными проявлениями несовершеннолетних. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lex.bg/laws/ldoc/2123897345> (дата обращения: 26. 11. 2022).
2. Добрынин В. Подурнело: миллионы европейцев регулярно употребляют запрещенные препараты // <https://iz.ru/950162/vladimir-dobrynin/podurnelo-milliony-evropeitsev-reguliarno-upotrebliaut-zapreshchennye-preparaty> (дата обращения: 21.11.2022).
3. Европейский доклад о наркотиках: тенденции и изменения. – Люксембург: Европейский центр мониторинга наркотиков и наркозависимости, 2021.
4. Калотеракис Ф. Лечение несовершеннолетних с расстройствами, связанными с наркотиками // Справочник под редакцией Н. Буторина. НЦОЗА, София, Болгария // Справочник реализован в рамках программы: Снижение спроса наркотических средств, Министерство здравоохранения Республики Болгарии. 2020.
5. Канчелов А. Смертельный вирус // Общественное воспитание. 2015. №3. С. 48-79.
6. Клейберг Ю.А. Основы психологии девиантного поведения: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Изд-во ИП Петросян, 2022. – 446 с.
7. Клейберг Ю. А. Введение в ювенальную патопсихологию: учебное пособие. – Тверь: Тверской государственный университет, 2019. – 246 с.
8. Кий Н.М., Мин Л.И. Сетевые риски как триггеры саморазрушительного поведения подростков // Профилактика саморазрушающего поведения детей и подростков: история, теория и практика: Материалы Международной научно-практической конференции, Орехово-Зуево, 26–27 апреля 2017 года. - Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2017. С. 58–65.
9. Статистика наркомании в России за 2021 и 2022 годы. [Электронный ресурс]. <https://nonarko.info/statistika-narkomanii-v-rossii-za-2021-god/> (дата обращения: 28.11.2022).
10. Чирков С. В. Некоторые аспекты предупреждения и профилактики наркотизма несовершеннолетних и лиц молодежного возраста, участвующих в незаконном обороте наркотиков //Юридическая наука и практика. 2013. № 21. С. 14.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interests.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЮВЕНАЛЬНОГО ПРАВА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Э. Н. Рахимбаев

(Бишкек, Кыргызстан, Алматы, Казахстан)

У. Ж. Юсупов

(Джалал-Абад, Кыргызская Республика)

Об авторах: *Рахимбаев Эркинбек Нурудинович*, академик Международной академии образования, президент Кыргызско-Российской академии социальных технологий, доктор юридических наук, профессор Евразийской юридической академии им. Д.А. Кунаева, г. Бишкек, Кыргызстан, г. Алматы, Казахстан; *Юсупов Улукбек Жалалидинович*, кандидат юридических наук, доцент, проректор по международным связям Академии права, бизнеса и образования, г. Джалал-Абад, Кыргызская Республика.

Аннотации. В статье представлен аналитический дискурс криминологической проблематики. Отмечается, что в большинстве случаев эти публикации не находят своего практического применения, и в них, по сути, не отражаются аспекты ювенальной криминологии. В эпоху третьего тысячелетия динамика развития криминальных форм поведения указывает на их неуклонный рост, продолжает занимать ведущие строчки в перечне проблем, переживаемых человечеством. Между тем, как показывают исследования психологов, в сознании молодежи актуальность проблемы снижается. Однако роль молодежи, объединяющей, кстати сказать, три большие, самостоятельные возрастные группы, – подростковый возраст, юность и взросление – в современном обществе, ее влияние на ход социальных, экономических, политических процессов все возрастает.

Ключевые слова. Кыргызстан, Казахстан, проблемы, криминологическая проблематика, ювенальная криминология, несовершеннолетние, подростковый возраст, юность, взросление, современное общество, преступность, ювенальная юстиция.

CONCEPTUAL BASES OF DEVELOPMENT OF THE NATIONAL SYSTEM OF JUVENIENT LAW IN REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Professor Erkinbek N. Rakimbaev

(Bishkek, Kyrgyzstan, Almaty, Kazakhstan)

Ulukbek Zh. Yusupov

(Jalal-Abad, Kyrgyz Republic)

Annotations. The article presents an analytical discourse of criminological issues. It is noted that in most cases, these publications do not find their practical application, and, in fact, they do not reflect aspects of juvenile criminology. In the era of the third millennium, the dynamics of the development of criminal forms of behavior indicates their steady growth, continues to occupy leading positions in the list of problems experienced by humanity. Meanwhile, as studies by psychologists show, in the minds of young people, the relevance of the problem is decreasing. However, the role of youth, which, by the way, unites three large, independent age groups - adolescence, adolescence and growing up - in modern society, its influence on the course of social, economic, political processes is increasing.

Keywords. Kyrgyzstan, Kazakhstan, problems, criminological issues, juvenile criminology, minors, adolescence, youth, growing up, modern society, crime, juvenile justice.

Анализ современного состояния проблемы свидетельствует, что одним из наиболее актуальных и востребованных направлений социальной политики в области детства является необходимость формирования и развития в Кыргызстане и Казахстане системы ювенальной юстиции. Международный опыт показал, что ювенальная юстиция является наиболее эффективной и специализированной системой для правосудия в отношении несовершеннолетних в сравнении с судами общей юрисдикции.

Рост преступности среди несовершеннолетних в некоторых регионах, как Кыргызстана, так Казахстана заставляет рассматривать все возможные варианты противодействия этому негативному социальному явлению в стране.

Основой нашего анализа является национальное законодательство, нормы международного права, научные исследования ведущих специалистов по проблемам ювенальной юстиции, обнаружение недостатков казахстанской модели ювенальной юстиции в нормативном и институциональном механизмах, и поиск способов их устранения.

В контексте методологии анализа отметим, что она включает ряд общенаучных (системно-структурный, формально-логический и герменевтический) и специальных юридических методов познания (сравнительно-правовой и формально-юридический).

В Кыргызской Республике и Республике Казахстан научные исследования по вопросам и проблемам ювенальной юстиции активизировались в конце 90-х годов XX века, а также незначительно в период с 2012 по 2019 годы, а в Российской Федерации с 2002 года. Проблемы ювенальной юстиции в Республике Казахстан исследовались в трудах таких казахстанских ученых, как: Э.Б.Аблаева, Г.А. Айтчанова, Д.И. Аминов, С.М.Апенев, К.К.Ахметова, С.Ф. Бычкова, И.А. Белова, А.С. Василенко, А.Ж.Даулетияр, Г.К. Есдаулетова, А.Е. Жатканбаева, Д.Р.Исаев, А.А.Карибаева, С.М. Наурзалиева, А.А. Нурко, Э.Н. Рахимбаев, А.Т.Сыздыкова, Г.Ж. Сулейменов, О.А. Шут, Г.Х. Юсупова, Р.Н.Юрченко и др. Результаты научных исследований указанных авторов образуют основу современного учения о ювенальной юстиции, об правовой ответственности несовершеннолетних в Республике Казахстан.

К числу последних защищенных диссертаций можно отнести работу Л.М. Каржаубаевой «Преступность несовершеннолетних в Республике Казахстан» (2009), Т.Ж. Атжанова «Особенности освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности (по законодательству Республики Казахстан и Российской Федерации)» (1998). К исследованиям последнего времени следует отнести диссертацию, защищенную в Российской Федерации С.М. Наурзалиевой «Уголовная ответственность несовершеннолетних в Республике Казахстан» (Москва, 2018).

Работа С.М. Наурзалиевой [9], в частности, посвящена исследованию преступности несовершеннолетних в Республике Казахстан и их уголовной ответственности. Автор проанализировала основные криминологические показатели преступности несовершеннолетних в Республике Казахстан, выявила криминологические черты среднестатистического портрета несовершеннолетнего лица, совершившего уголовно-правовое нарушение, определила причины и условия преступности несовершеннолетних, рассмотрела особенности применения наказаний к несовершеннолетним правонарушителям и основные положения института освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также предложила меры по профилактике и предупреждению преступности несовершеннолетних правонарушителей в Казахстане.

Заслуживают нашего внимания и научные исследования таких авторов, как К.К. Ахметова [4], А.Т. Сыздыкова [12], которые изучили проблемы ювенальной юстиции в Республике Казахстан, правонарушения, совершенные несовершеннолетними.

Некоторые вопросы развития ювенальной юстиции рассмотрел Г.К. Есдаулетов [8], а А.Ж. Даулетияр [7] изучил правовые аспекты становления и развития казахстанской модели ювенальной юстиции. И.А. Белова [5] проанализировала проблемы защиты прав детей, формирования особого порядка судопроизводства в отношении несовершеннолетних, совершивших противоправные действия, принципы ювенальной юстиции и др.

Также отдельные аспекты ювенальной юстиции рассматривались казахстанскими учеными при исследовании смежных аспектов – диссертационные исследования М.Ж. Кайбжанова «Предупреждение краж в Республике Казахстан» (2018); Н.М. Абдирова «Координационная деятельность прокуратуры по обеспечению законности, правопорядка и преступностью в Республике Казахстан» (2017); А.Б. Сакеновой «Некоторые аспекты теории и практики назначения наказания по уголовному законодательству Республики Казахстан» (2017).

Представляют интерес исследования С.Ф. Бычковой [6], которая изучила вопросы развития отечественной системы ювенальной юстиции: достижения и проблемы, приоритетные направления социальной и правовой политики Республики Казахстан; С.М. Наурзалиева, А.С. Василенко,

Д.И.Аминов, осуществившие анализ развития ювенальной юстиции в Республике Казахстан, Концепции развития системы ювенальной юстиции, рассмотрели особенности возникновения ювенальной юстиции в зарубежных странах, раскрыли особенности становления и функционирования системы ювенальных судов, медиации в уголовном судопроизводстве в отношении несовершеннолетних [10].

Заслуживает отдельного внимания исследование Э.Б. Аблаевой [1]. Теоретическая и практическая значимость ее исследования состоит в том, что на основе изучения предпосылок, обусловивших необходимость создания специализированных судов, оценивается современное состояние ювенальных судов Республики Казахстан и прогнозируются тенденции его дальнейшего развития. Э.Б. Аблаева также изучила итоги реализации пилотных проектов: «Судебная медиация»; «Ювенальная юстиция»; «Примирение: до суда и в суде»; «Семейный суд».

Генезис ювенальных судов в Республике Казахстан начался в 1990-х годах. Как отмечает Э.Б. Аблаева, один из важных моментов, обозначенный в числе факторов, способствовавших развитию специализации судов, связан со статусом Казахстана на международной арене, где он представлен полноправным и самостоятельным субъектом международного права. Верховный Совет РК своим постановлением от 08.06.1994 года ратифицировал Конвенцию о правах ребенка, принятую Резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1989 года. Казахстан, признав на своей территории юрисдикцию международной Конвенции, принял на себя все обязательства по наилучшему обеспечению интересов ребенка, охране детства, а также защите прав и свобод несовершеннолетних. Вслед за ней первый Президент РК, подписав Закон РК от 26.12.2002 г. № 367, ратифицировал Конвенцию о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда, принятую 17 июня 1999 года в Женеве на 87-й сессии Генеральной конференции Международной организации труда» [1].

Как было выше отмечено, в 1994 году Казахстан присоединился к Международной Конвенции ООН о правах ребенка, где одним из руководящих принципов является положение о наилучшем и приоритетном обеспечении интересов ребенка, признание права любого ребенка, обвиненного в нарушении закона, на принятие по рассматриваемому вопросу решения независимым компетентным и беспристрастным органом.

В Конституции Республики Казахстан закреплён приоритет прав и свобод человека и гражданина, «В Республике Казахстан признаются и гарантируются права и свободы человека в соответствии с Конституцией. Права и свободы человека принадлежат каждому от рождения, признаются абсолютными и неотчуждаемыми, определяют содержание и применение законов и иных нормативных правовых актов. Гражданин Республики в силу самого своего гражданства имеет права и несет обязанности. Осуществление

прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать прав и свобод других лиц, посягать на конституционный строй и общественную нравственность (ст. 12)» [15].

Как отмечает К.К. Ахметова, воспитание подрастающего поколения – процесс длительный, а исправление оступившегося несовершеннолетнего, совершившего преступление, его ресоциализация – задача сложная, требующая консолидации усилий всех институтов государственных институтов [4].

В 2000-е годы в Республике Казахстан заметно возрастает интерес к вопросам и проблемам становления ювенальной юстиции со стороны государства и общества. Свидетельством тому являются принятие Закона Республики Казахстан «О защите прав ребенка», разработка и принятие иных нормативных правовых актов, реализация международного проекта «Ювенальная юстиция в Казахстане».

Начиная с 2001 года в Республике Казахстан инициирован проект «Ювенальная юстиция в Казахстане» в целях изменения методов работы с несовершеннолетними в системе уголовного правосудия. Итоги работы по разработке проекта «Ювенальная юстиция в Казахстане», с учетом мнений заинтересованных государственных органов – министерств юстиции, внутренних дел, образования и науки, Генеральной прокуратуры и Верховного суда Республики Казахстан – свидетельствовали о необходимости создания системы ювенальной юстиции в Казахстане, состоящей из таких специализированных служб, как: ювенальная полиция, ювенальная прокуратура, ювенальный суд, ювенальная адвокатура, ювенальная уголовно-исполнительная инспекция, социальный психолог, региональные органы по защите прав детей [12].

Вопросы ювенальной юстиции были отражены и в Концепции правовой политики Республики Казахстан, утвержденная Указом президента Республики Казахстан от 20 сентября 2002 года [16].

Указом Президента Республики Казахстан в 2009 году Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 гг. также были отражены наиболее актуальные вопросы формирования нормативной и институциональной базы ювенальной юстиции [17].

В Казахстане в сфере осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних лиц органы уголовного преследования и суды обязаны руководствоваться Пекинскими правилами, принятыми Резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1985 года [19]. В соответствии с Пекинским правилом 1.4 правосудие в отношении несовершеннолетних признано составной частью процесса национального развития каждой страны, а Пекинское правило 1.6. рекомендует, чтобы все государства-участницы систематически развивали и координировали службы правосудия в отношении несовершеннолетних. Пункт 52 руководящих принципов, принятых Резолюцией Генеральной Ассамблеи 45/112 от 14 декабря 1990 года

в Эр-Рияде, призывает государства-участников к тому, чтобы были приняты специальные законы и процедуры для содействия осуществлению и защите прав и благополучия все молодежи, а также обеспечения их соблюдения [18].

Следует подчеркнуть, что исправительные учреждения, специальные учреждения и помещения Казахстана, обеспечивающие временную изоляцию от общества, создают все необходимые условия для безопасности несовершеннолетних, находящихся под стражей или в ожидании суда, либо приговоренных к лишению свободы, в том числе для поддержания их психологического и физиологического состояния. В данном случае, в отношении указанной категории лиц применяются принятые Резолюцией Генеральной Ассамблеи 45/113 от 14 декабря 1990 года Гаванские правила. Международная имплементация в национальное законодательство установленных Гаванскими правилами принципов и процедур, являющихся одной из основных целей разработки этих правил, позволяет обеспечивать эффективные средства защиты несовершеннолетних [20].

Мы солидарны с мнением Э.Б. Аблаевой, которая считает, что основной смысл перечисленных выше актов международно-правового характера заключается в том, что, во-первых, все они имеют приоритет над казахстанским национальным законодательством. Соответственно, нормы, правила, положения национального законодательства не должны противоречить актам международно-правового характера. Во-вторых, высшие органы государственной власти РК должны имплементировать в национальное право все правила, принципы и стандарты ООН в отношении несовершеннолетних лиц с учетом рекомендаций Комитета по правам ребенка. В-третьих, нормы, принципы и положения Конвенции о правах ребенка являются непосредственно действующими, поэтому суды РК при осуществлении правосудия в отношении несовершеннолетних должны применять их прямо и обязательно должны на них ссылаться [1].

В марте 2003 года в Казахстане был успешно запущен пилотный международный проект ОБСЕ «Ювенальная юстиция в Казахстане», с целью оказания несовершеннолетним, задержанным полицией, юридической и психологической помощи. В ходе реализации данного проекта в 2003-2004 гг. на территории Алматы и Алматинской области было отказано в возбуждении уголовных дел в отношении половины задержанных полицией несовершеннолетних. Было особо отмечено, что сокращение числа малолетних, подвергнутых лишению свободы, не повлекло роста рецидива преступности [4].

Реализация проекта ОБСЕ «Ювенальная юстиция в Казахстане» в период с 2003 – 2006 гг. принесла целый ряд положительных результатов и позволила существенно усовершенствовать практику уголовного судопроизводства. Значительно сократилось количество несовершеннолетних обвиняемых, в отношении которых применялась мера пресечения в виде ареста, круглосуточно предоставлялись услуги адвоката,

специализирующегося по делам несовершеннолетних. Следует отметить, что с момента задержания несовершеннолетнего обязательно присутствовал социальный психолог, в соответствии с действующим законодательством страны. Однако, вместе с тем в результате тщательного рассмотрения обстоятельств каждого отдельного уголовного дела увеличивалось количество дел, по которым обвинения были смягчены, а также увеличилось число несовершеннолетних, к которым были применены виды наказаний, не связанные с лишением свободы. В целом, данный проект ОБСЕ «Ювенальная юстиция в Казахстане» в период с 2003 – 2006 гг. был признан успешным.

Мы поддерживаем точку зрения Р.Н. Юрченко, который считает, что «... специализация судей способствует качественному и своевременному рассмотрению и разрешению дел, в которых так или иначе затронуты интересы несовершеннолетних, а специализация судов – приведению национального правосудия в соответствие с актами международно-правового характера» [14].

На заседании Совета по правовой политике при Президенте Республики Казахстан 30 марта 2007 года было принято решение о необходимости создания системы ювенальной юстиции в Казахстане. В 2007 году Указом Президента Республики Казахстан (РК) были образованы специализированные межрайонные суды по делам несовершеннолетних в городах Астане и Алматы. В соответствии с данным Указом Президента РК специализированные межрайонные суды по делам несовершеннолетних были уполномочены рассматривать в соответствии с законодательством уголовные дела, дела об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних и гражданские дела, затрагивающие их интересы.

Концепция развития системы ювенальной юстиции в Республике Казахстан на 2009-2011 годы утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 19 августа 2008 года № 646, стала первым правовым актом, положившим начало созданию системы развития отечественной ювенальной юстиции. Концепция вобрала в себя весь комплекс системных мер по защите прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних. В ней было определено, что ювенальный суд является наиболее важным звеном системы ювенальной юстиции. Данной Концепцией, помимо образования ювенальных судов, было предусмотрено создание системы социального сопровождения несовершеннолетних, ювенальной полиции, прокуратуры, адвокатура, уголовно-исполнительные инспекции, региональных органов по защите прав детей.

18 ноября 2005 года Постановлением Правительства Республики Казахстан №1067 был утвержден План мероприятий по реализации Концепции развития системы ювенальной юстиции в Республике Казахстан на 2009-2011 годы. Перед правительством была поставлена задача осуществить проработку соответствующих вопросов и проблем по развитию ювенальной юстиции. Однако, как заметила С.Ф. Бычкова, данная работа не

предусматривала бюджетных расходов, поэтому развитие системы ювенальной юстиции в те годы осуществлялось преимущественно за счет внутренних ресурсов государственных органов и пилотных проектов, поддерживаемых международными организациями и общественными организациями. Тем не менее, отмечает С.Ф. Бычкова, «несмотря на указанное обстоятельство, реализация Концепции повлекла за собой стратегическое видение развития системы ювенальной юстиции, дальнейшее приведение законодательства в соответствие с международными стандартами, совершенствование процессуальных подходов в сфере правосудия в отношении несовершеннолетних, формирование эффективных механизмов, гарантирующих соблюдение прав и законных интересов детей в судопроизводстве» [6]. Г.Ж. Сулейменова, также признавая в целом концептуальный документ положительным, все же выявила ряд проблем, связанных с его реализацией. Она отметила отсутствие системы организационного, материально-технического, кадрового обеспечения системы ювенальной юстиции, ювенальных технологий, а также ювенального права. Успех реализуемой политики Г.Ж. Сулейменова связывала с организацией системы ювенальной юстиции, основанного на общеправовой теории прав ребенка, согласно которой ребенок есть специальный субъект права, а не объект применения к нему различных мер [13].

В рамках Концепции необходимо было реализовать такие мероприятия, как: создание судов по делам несовершеннолетних на всей территории республики; создание специализированной прокуратуры; создание специализированных подразделений ювенальной полиции; реорганизация ЦВИАРНов (центр временной изоляции, адаптации и реабилитации несовершеннолетних); создание специализированных ювенальных юридических консультаций; организация специализированного обучения по ювенальной юстиции в Институте правосудия; организация особого социального сопровождения несовершеннолетних в системе ювенальной юстиции; разработка предложений по улучшению учреждений в системе ювенальной юстиции; осуществление реформы в системе законодательства и др.

Как мы уже отметили, в Астане и в Алматы были созданы специализированные юридические консультации, которые оказывали правовые услуги и представление интересов детей правонарушителей и потерпевших в суде. Министерству юстиции Республики Казахстан, Верховному суду Республики Казахстан, коллегии адвокатов было предложено разработать стандарты качества услуг адвокатов и стандарты их обучения. Опрос показал, что 71 % судей не получили какого-либо обучения по уголовным делам с участием несовершеннолетних, а 74% - по гражданским и административным делам. Было рекомендовано в органах прокуратуры поощрять организацию специализированных подразделений в каждом регионе либо назначение специальных прокуроров; организацию системы обучения

специализированных прокуроров; признание и повышение статуса прокуроров, работающих с детьми; разработку учебными заведениями специальной программы подготовки, как для будущих прокуроров, так и для уже работающих с правонарушителями/жертвами/участниками административных дел, включая вопросы защиты прав детей.

В рамках реализации Концепции были осуществлены: консультации с Верховным судом Республики Казахстан и другими государственными органами по техническому заданию и характеру проведения исследований; онлайн опросы судей и прокуроров; посещение 7 регионов и интервью со всеми заинтересованными сторонами, участвовавшими в реализации Концепции; интервью с детьми в контакте с системой с системой ювенальной юстиции, а также проведены интервью с родителями. В результате реализации Концепции в части деятельности специализированных судов по делам несовершеннолетних были получены следующие результаты: специализированные суды по делам несовершеннолетних были внедрены во всех областях Казахстана; выявлено, что судьи работали преимущественно с гражданскими и административными делами, в меньшей степени с уголовными; было отмечено преданность судей идее ювенальной юстиции и оценка участников судебного процесса была преимущественно позитивной (большинство считало, что слушание проходили честно и они смогли активно в нем участвовать). Обозначилась потребность в необходимости специализированного обучения 71 % судей по делам несовершеннолетних, и в целом по вопросам по ювенальной юстиции. Было отмечено, что в более чем в 1/3 регионов республики действуют специализированные прокуроры. Прокуроры из регионов со специализированными отделами или специализированными прокурорами посчитали, что это привело к значительному улучшению услуг. Тем не менее, судьи отметили, что не всегда были удовлетворены стандартом подготовки прокуроров. В этой связи, предлагалось целесообразным использовать суды по делам несовершеннолетних как площадку для обучения прокуроров.

В целом, по итогам реализации Концепции были выработаны соответствующие рекомендации, в их числе такие как: создание в Казахстане института пробации, т.е. отсрочки наложения наказания. Для решения проблем ювенальной юстиции предлагалось создание в Казахстане системы подготовки специализированных кадров по подростковой преступности, а также осуществить специализированное обучение прокуроров. Также было предложено создание Министерства ювенальной юстиции Республики Казахстан, как одним из способов решения проблем, связанных с преступлениями несовершеннолетних в Казахстане.

Помимо вышеуказанного, были предложены такие рекомендации, как: разработать и ввести систему обучения специалистов по работе с детьми – правонарушителями, жертвами и свидетелями, а также обучение по вопросам защиты детей, по профилактике бытового насилия; рассмотреть возможность

совместного ведения опроса детей – жертв и свидетелей преступлений полицейским и представителем органов опеки и защиты детей; организовать специальные дружественные ребенку комнаты для проведения опроса детей – жертв и свидетелей преступлений, с возможностями ведения видео/аудио записей; осуществить реорганизацию ЦВИАРНов (в соответствии с Концепцией, ответственность за ЦВИАРНЫ была передана от МВД к Министерству образования и науки Казахстана). Было рекомендовано Министерству образования и науки Казахстана: рассмотреть возможность проведения инвентаризации зданий ЦАНов (центр адаптации несовершеннолетних – современное название) и разработать стратегию на пять лет по реконструкции слишком больших зданий ЦАНов, и тех что находятся в неудобном отдалении; разработать план по организации новых, небольших ЦАНов, в удобном расположении, укомплектованных социальными работниками; пересмотреть цели и задачи ЦАНов.

Инновацией явилось признание развития ювенальных судов.

Учитывая положительный опыт становления и развития ювенальных судов Указом Президента Республики Казахстан от 4 февраля 2012 года ювенальные суды были созданы во всех областных центрах и отдельных наиболее крупных городах Казахстана. В апреле 2014 года в г. Дзержинске Карагандинской области был создан еще один ювенальный суд. В итоге, на сегодня, Казахстан – единственный из стран Центральной Азии, где успешно функционируют 19 ювенальных судов: по два суда в Алматинской, Восточно-Казахстанской и Карагандинской областях и по одному суду в других областных центрах, а также городах Астана и Алматы. Общая численность судей ювенальных судов в Казахстане на 26 июня 2018 года составила 57 человек [9].

В числе значимых новаций ст. 84 УК РК 2014 г., в отличие от УК РК 1997 г., С.М. Наурзалиева отмечает введение *пробационного* контроля, который суд устанавливает по правилам ч. 2 ст. 44 УК РК «Ограничение свободы» на весь назначенный срок лишения свободы, а несовершеннолетним – на срок от 6 месяцев до 1 года (ч. 3 ст. 63 УК РК), и осуществляется он уполномоченным государственным органом. *Пробационный* контроль включает исполнение осужденным следующих обязанностей: не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления уполномоченного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением осужденного; не посещать определенные места; пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании, заболеваний, передающихся половым путем; осуществлять материальную поддержку семьи; другие обязанности, которые способствуют исправлению осужденного и предупреждению совершения им новых уголовных правонарушений [10].

Инициатором идеи «Примирение: до суда и в суде» стал Верховный суд Республики Казахстан, в рамках которого был разработан пилотный проект под названием «Семейный суд». На первых порах пилотный проект внедрялся

в деятельность ювенальных судов, расположенных на территориях крупных регионов страны, а затем и в других местах. Функциональное предназначение судей семейных судов заключается в качественном и своевременном рассмотрении и разрешении брачно-семейных споров, а социальное предназначение состоит в предотвращении конфликта, возникшего между супругами, путем их примирения. В настоящее время в местных судах Казахстана созданы и успешно функционируют семейные центры, семейные суды, социальные службы и медиаторы, которые активизируют свои совместные усилия в вопросах примирения, укрепления семьи и охраны детства.

Следует отметить, что Концепция в сфере правосудия по делам несовершеннолетних в Республике Казахстан все еще находится в процессе формирования. Это обусловлено требованиями отечественного уголовного законодательства по делам несовершеннолетних и международным гуманитарным законодательством о защите прав детей, несовершеннолетних правонарушителей.

По данным Комитета административной полиции Министерства внутренних дел РК, за 2014 – 2018 гг. уровень подростковой преступности в целом по Казахстану снизился на 26,8 %. За этот же период в 5 раз снизилось количество преступлений, совершенных против несовершеннолетних лиц. Вместе с тем, среди всех уголовных правонарушений, отмечает, Э.Б.Аблаева, преобладает педофилия. Сексуальная девиация у лиц мужского пола, проявляющаяся в половом влечении к несовершеннолетним допубертатного возраста [1]. В этой связи З. Балиева предложила усилить уголовную ответственность и ужесточить уголовное наказание. Вплоть до применения в отношении насильников наивысшей меры наказания [цит. по: 1].

Создание системы ювенальной юстиции в Казахстане, в том числе образование судов по делам несовершеннолетних впервые на постсоветском пространстве, положительно оценено международными экспертами как прогресс в выполнении Республикой Казахстан рекомендаций Комитета ООН по правам ребенка.

С.М. Наурзалиева, А.С. Василенко и Д.И. Аминов отмечают, что после введения в действие ювенальных судов рассмотрение дел несовершеннолетних значительно ускорилось, что, безусловно, благоприятно сказывается на охране и защите основных прав несовершеннолетних [10]. Кроме того, увеличилось количество дел, по которым уголовное преследование прекращается в связи с применением мер воспитательного характера и примирением сторон.

Следует также учесть и Минимальные стандарты правил Организации Объединенных Наций об отправлении правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинским правилам), а именно пункту 5.1 о соизмеримости любых мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей с особенностями их личности и обстоятельствами

правонарушения, где речь идет о двух главных целях: первая – содействие благополучию несовершеннолетнего, вторая – соблюдение принципа соразмерности наказания за совершенное деяние. Необходимо учитывать множество разных факторов: ситуацию в семье правонарушителя, социальный статус, характер причиненного ущерба, наличие раскаяния за совершенные действия, признание либо непризнание вины. Все это должно влиять на характер наказания за совершенное преступление [19].

Итак, на основании вышеизложенного, нами выявлено, что казахстанская модель ювенальной юстиции представляет собой сложную систему, складывающуюся из нормативного и институционального механизмов. В целях совершенствования этой системы нужно устранить недостатки, используя как наработки зарубежных моделей ювенальной юстиции, так и отечественный опыт.

Реализация отечественного законодательства, различных инновационных концепций, проектов и программ в Республике Казахстан, повлекли за собой дальнейшее стратегическое видение развития системы казахстанской ювенальной юстиции, приведение законодательства в соответствие с международными стандартами, совершенствование процессуальных подходов в сфере правосудия в отношении несовершеннолетних, формирование эффективных механизмов, гарантирующих соблюдение прав и законных интересов детей в судопроизводстве.

Список литературы

1. Аблаева Э. Б. Ювенальные суды Республики Казахстан: история, реалии и перспективы // *Lex russica*. 2020. Т. 73. № 10. С. 137-149. DOI: 10.17803/1729-5920. 2020. 167.10. 137-149.
2. Айтчанова Г. А., Жатканбаева А. Е., Карибаева А. А. Оценка ситуации в сфере ювенальной юстиции. - Астана, 2017. - 390 с.
3. Апенев С. М. Особенности уголовного проступка по уголовному законодательству Республики Казахстан (в сравнении с зарубежной законодательной практикой). URL:<https://www.zakon.kz/4480131-analiz-koncepcii-proekta-ugolovno.html>
4. Ахметова К. К. Ювенальная юстиция в Республике Казахстан. – Астана: АО «Казахский гуманитарно-юридический университет», 2008.
5. Белова И.А. Ювенальная юстиция в Казахстане. Проблемы становления и развития. Ювенальное право Казахстана. Сборник материалов с конференции «20 лет независимости Республики Казахстан в свете формирования гражданского общества». – Астана, 2011.
6. Бычкова С. Ф. Развитие отечественной системы ювенальной юстиции: достижения и проблемы. – Астана, 2010. С.147-151.
7. Даулетияр А. Ж. Правовые аспекты становления и развития казахстанской модели ювенальной юстиции // *Вестник Института законодательства Республики Казахстан*. 2010. № 1 (17). С. 118-121.

8. Есдаулетов Г. К. Некоторые вопросы развития ювенальной юстиции // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2010. № 4 (20). С. 66-70.
9. Наурзалиева С.М. Уголовная ответственность несовершеннолетних в Республике Казахстан: дис. ... канд. юрид. наук. - М., РУДН, 2018. – 22 с.
10. Нурзалиева С. М., Василенко А. С, Аминов Д. И. Ювенальная юстиция в Республике Казахстан. Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2019. № 1 (52). С. 127-131.
11. Раззак Н.Р. Доступность судебной защиты прав несовершеннолетних в Казахстане // Вестник КГЮА. 2015. № 1. С. 76.
12. Сыздыкова А. Т. Ювенальная юстиция в Республике Казахстан: перспективы развития // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2008. № 4 (12). С. 171.
13. Сулейменов Г. Ж. О перспективах создания системы ювенальной юстиции в Республике Казахстан // URL: <http://online.zakon.kz/Document/08500000003> (дата обращения: 31.08.2021).
14. Юрченко Р.Н. Развитие специализированных судов в Казахстане // Зангер, Вестник Верховного суда Республики Казахстан. 2006. № 2. С. 10.
15. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года (в редакции Законов Республики Казахстан от 07.10.1998. № 284-І), 21.05.2007.
16. Концепция правовой политики Республики Казахстан (утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 20 сентября 2002 года) // База данных «Закон». Версия 5.0. – РЦПИ Министерства юстиции Республики Казахстан. 2002.
17. О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года // Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858. <https://wiselawyer.ru/poleznoe54412> - yuvenalnaya-yusticiya-respublike-kazakhstan 2021.
18. Руководящие принципы Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы): [приняты 14 дек. 1990 г. Резолюцией 45/112 на 68-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН]//Международные акты о правах человека: сборник документов. - М., 1999. С. 273.
19. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила») // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/08500000002> (дата обращения: 31.08.2021).
20. Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/08500000002> (дата обращения: 31.08.2021).

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflict of interests.**

РЕЗОЛЮЦИЯ
III-го Международного Конгресса девиантологов
«Девиантология XXI столетия»

*... Пусть нам не дано изменить все немедленно, как хочется, –
когда изменимся мы, изменится мир...*

Евгений Евтушенко. Ольховая сережка, 1975.

По инициативе президента Международной Ассоциации девиантологов, Академии Национального образования и Международной академии ювенологии Организационный комитет Конгресса, ссылаясь на российское законодательство, а также международные правовые акты, регулирующие в той или иной степени превенцию и профилактику девиантного поведения и преступлений среди несовершеннолетних и в отношении них,

➤ ссылаясь также на современные методические и методологические разработки в области девиантологии, социологии, криминологии и психологической науки, ювенологии и педагогики,

➤ признавая значимость проблем в подростково-молодежной среде, актуальность обеспечения и реализации превентивной практики, концентрации особого внимания всех органов системы профилактики, принятия эффективных комплексных мер, направленных на предупреждение совершения детьми и подростками противоправных действий,

➤ обращая внимание на необходимость соблюдения законности и методической корректности при осуществлении профилактических мероприятий в отношении несовершеннолетних и их семей,

➤ осознавая, что важной составляющей профилактики является межведомственное и внутриведомственное взаимодействие правоохранительных органов, образовательных организаций, социальных учреждений и семей, включение всех участников воспитательно-образовательного процесса,

➤ будучи озабоченными статистическими данными по Российской Федерации о преступных девиациях несовершеннолетних и совершенных в отношении них,

➤ подчеркивая актуальность вопроса использования специальных знаний в области ювеноальной психологии, педагогики и девиантологии как способа повышения эффективности превентивных тактики и мероприятий,

Во-первых, определяет понимание важности предотвращения девиантной преступности с участием несовершеннолетних в призме заботы о естественном резерве социального развития в масштабах мирового сообщества и рассматривает как важнейший аспект предупреждения преступности в обществе и государстве в целом,

Во-вторых, понимает как основные следующие типы девиантного поведения: *аутоагрессивное* (самоповреждения, суицид, проституция), *делинквентное* (административные правонарушения, выражающиеся в нарушении правил дорожного движения, вандализм, сквернословие в общественных местах, оскорбительное приставание к гражданам и другие подобные действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие граждан), *зависимое* (употребление психоактивных веществ, анорексия, булимия, аддикции отношений, kleptomания, интернет-аддикции), и *деструктивное* (агрессивное) *поведение*, вплоть до криминализации и реализации насильственных преступлений в виде инструментальной агрессии (проявляется человеком для достижения определенной цели), и враждебной агрессии, (направлена на то, чтобы причинить человеку боль),

В-третьих, определяет вопросы ранней диагностики и соответственно профилактики аутоагрессивного и агрессивного поведения, как наиболее приоритетные к разрешению,

В-четвертых, заявляет о полном исключении дидактического и психологического насилия в учебных и образовательных учреждениях во всех его проявлениях,

В-пятых, указывает, что наиболее раннее выявление и своевременное принятие необходимых профилактических мер к детям, совершающим делинквентные формы девиации, в значительной степени позволяют не допустить формирования стойкой направленности на совершение в дальнейшем каких-либо преступлений,

В-шестых, постановляет консолидировать возможности правоохранительных органов, образовательных организаций, социальных учреждений, экспертов в области психологии и семей,

В-седьмых, настаивает, что концептуальной задачей консолидации является исключение и не повторение ситуаций, связанных с негативными поведенческими проявлениями,

В-восьмых, рекомендует для всех категорий обучающихся в образовательных учреждениях, вместе с советом профилактики, образование психолого-медико-педагогического консилиума, по сопровождению обучающихся разных категорий,

В-девятых, заявляет о необходимости развития служб школьной медиации в тандеме с ювенальной девиантологией в образовательных учреждениях, как альтернативного способа минимизации или полного разрешения нестандартных жизненных ситуаций,

В-десятых, рекомендует уделить должное внимание обучению психологов школ, социальных педагогов и школьных учителей, работников социальных учреждений и семей вопросам ранней диагностики «групп риска», а также современным, валидным методикам, применение которых могло бы способствовать коррекции поведения ребенка и созданию условий, необходимых для формирования полноценной личности,

В-одиннадцатых, заявляет о практической обоснованности и полезности духовно-нравственного и патриотического просвещения и воспитания молодого поколения в условиях актуальной ситуации общественного развития,

В-двенадцатых, рекомендует следующие как основные принципы профилактической работы с группами риска, позволяющие эффективно реализовывать превентивную практику детско-подростково-молодежных девиаций:

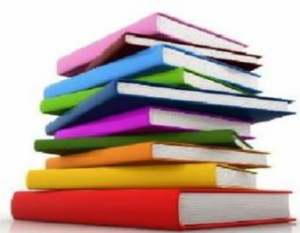
- Включение в учебный процесс основ информационной безопасности, уроков права, психологии,
- Систематическое проведение мероприятий (вебинаров, семинаров, тренингов), направленных на формирование позитивного мироощущения, образа «Я» и перспективы будущего, в том числе профессионального самоопределения,
- Регулярные беседы с родителями детей «группы риска»,
- Информирование подростков о принципах работы телефонов доверия психологических служб в системе образования, правоохранительных органов, создание кабинета анонимной социально-психологической и юридической помощи,
- Развитие детского, подросткового и молодежного движения, ученического и молодежного самоуправления,
- Вовлечение детей в систему кружков, клубов, секций: реализация лидерского и творческого потенциала,
- Проведение совместных с родителями мероприятий,
- Переход от авторитарной педагогики к педагогике сотрудничества и заботы.

Участники III-го Международного Конгресса девиантологов считают, что укрепление межведомственного взаимодействия – главный показатель успеха в реализации системы профилактики девиантного поведения, правонарушений и криминальных проявлений подростков и молодежи.

Текст Резолюции подготовил проф. Ю.А. Клейберг.

11 января 2023 года,

г. Тверь, Российская Федерация

Книжные новинки

Клейберг Ю.А., Козлов В.В., Тесленко А.Н. Девиантология XXI столетия в контексте актуальной ситуации. Монография. / Под ред. Ю.А. Клейберга. – [Приложение к научному журналу «Вопросы девиантологии». – 2023. – №1(13) и №2(14)]. – Алматы: Изд-во «Лантар books», 2023; Тверь: Изд-во Академии Национального образования и науки, 2023. – 136 с.

Клейберг Ю.А. Креативная девиантология: Учебное пособие для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Алматы: Издательство «Лантар books», 2023. – 300 с.

Клейберг Ю.А. Девиантология геноцида. Курс лекций с кейсами и практикумом для студентов вузов. – 2-е изд., доп. – Алматы: Изд-во «Лантар books», 2023. - 150 с.

Клейберг Ю.А. Ювенология (Психология социальной активности молодежи). Монография. – М.: Изд-во ИП Петросян, 2023. - 214 с.

Козлов В.В. Современная личность: самоактуализация и самореализация. Монография. – М.: ИП Петросян, 2023. – 336 с.

Козлов В.В. Влияние медитативных практик на социально-психологические свойства личности. Монография. – М.: ИП Петросян, 2023. – 328 с.

Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения. Избранные труды: монография. – В 3-х т. – Т. 3. – Алматы: Изд-во «Лантар books», 2023. - 281 с.

Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения. Избранные труды: монография. – В 3-х т. – Т. 2. – Алматы: Изд-во «Лантар books», 2023. - 277 с.

Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения. Избранные труды: монография. – В 3-х т. – Т. 1. – Алматы: Изд-во «Лантар books», 2022. - 602 с.

Козлов В.В. Психология сознания: интегративный подход. Монография. – М.: Психотерапия, 2022. – 274 с.

Козлов В.В., Бубеев Ю.А. Психология и феноменология посттравматического стрессового расстройства. Монография. – М., 2022. – 248.

Клейберг Ю.А. Основы психологии девиантного поведения. Монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во ИП Петросян, 2022. - 446 с.

Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения: учебное пособие. – 13-изд., перераб. и доп. – Краснодар: Изд-во ИП Дедков, 2022. - 740 с.

Клейберг Ю.А. Основы коррупции: Учебник для гуманитарных вузов / Под ред. Ю.А. Клейберга / Э.Н. Рахимбаев и др. - Алматы: Изд-во «Лантар books», 2022. - 193 с.

Клейберг Ю.А. Девиантология геноцида. Курс лекций с кейсами и практикумом для студентов вузов. – М.: Изд-во ИП Петросян, 2022. - 154 с.

Клейберг Ю.А. Основы добровольческой деятельности. Монография. – Армавир: Армавирский лингвистический социальный институт, 2022. - 164 с.

Тесленко А.Н., Рыжков М.И. Юногика. Педагогическое обеспечение работы с молодежью. Учебник для вузов. 2-е изд., доп. - М.: Изд-во «Юрайт», 2022. - 334 с.

Гилинский Я. Криминология постмодерна (неокриминология). - СПб: Алетейя, 2021. - 136 с.

Козлов В.В. Психология пандемии. Монография. – 2-е изд., расшир. и доп. – Ярославль: ИАПН, РПФ «Титул», 2021. – 114 с.

Козлов В.В. Вечная психология. Монография. – М.: Ин-т консультирования и системных решений, 2021. – 328 с.

Клейберг Ю.А. Психология просоциального поведения: курс лекций с кейсами и практикумом. – Тверь: Академия Национального образования и науки; Тверской государственный университет, 2021. - 171 с.

Клейберг Ю.А., Рахимбаев Е.Н. Юридическая ювенология: учебник / Под ред. Ю.А. Клейберга. – Алматы: «Алтын Баспа», 2021. - 455 с.

Клейберг Ю.А., Рахимбаев Е.Н., Абдилда Д.А., Ли С.О. Пропедевтика ювенольной криминологии: учебное пособие для вузов с кейсами / Под ред. профессора Ю. А. Клейберга. – Алматы: Изд-во «Евразийская юридическая академия им. Д.А. Кунаева»; Академия Национального образования и науки, 2021. - 153 с.

Клейберг Ю.А., Сакиева Ф.Н. Психология социально-правовой деятельности: курс лекций с кейсами и приложениями для студентов вузов и колледжей / Под ред. Ю.А. Клейберга. – Армавир: Изд-во АЛСИ, 2021. -322 с.

Клейберг Ю.А. Социальная психология добровольческой деятельности: дайджест курса с кейсами и приложениями для студентов вузов и колледжей. – Махачкала: «АЛЕФ», 2021. - 96 с.

Гилинский Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология). Монография. – СПб: Алетейя, 2021. - 136 с.

Клейберг Ю.А., Куами Дарти С.Ф. Политическая девиантология: учебное пособие для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Ю.А. Клейберга. – Лондон-Тверь: Изд-во Академии образования Великобритании; Академия Национального образования и науки, 2021. - 160 с. (CD).

Методология современной психологии. Вып. 13 / Сб. под ред. В.В.Козлова, А.В. Карпова, В.А. Мазилова, В.Ф. Петренко. – М.-Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2021. 430 с.

Современная девиантология: методология, теория, практика. Коллективная монография. – 2-е изд. / Под ред. Ю.А.Клейберга. – Лондон-Тверь: Изд-во Академии образования Великобритании, 2021. - 310 с. (CD).

Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийства и других «отклонений». – СПб, 2021. - 298 с.

Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»: монография. - 4-е изд. — СПб, 2021.

Клейберг Ю.А. Словарь девиантолога: учебное пособие. – 3-е изд., доп. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2021. - 171 с.

Клейберг Ю.А., Тащёва А.И., Гриднева С.В., Арпентьева М.Р. Современная девиантология и девиантотерапия. Монография / Под ред. Ю.А.Клейберга и М.Р. Арпентьевой. – Канада, Торонто, Великобритания, Лондон: Издательско-

литературное агентство «Альфасфера», Международная Ассоциация девиантологов, Академия Национального образования и науки, 2021. - 169 с.

Арпентьева М.Р., Гилинский Я.И., Клейберг Ю.А., Козлов В.В., Храмцова Ф.И. Девиантологический нарратив XXI века: Социальное поведение. Риски. Безопасность личности и общества. Коллективная монография; Материалы II-го Международного Конгресса девиантологов. 19-20 декабря 2020 г. / Под ред. профессора Ю.А. Клейберга. – Лондон-Тверь: Академия образования Великобритании, 2021. - 104 с.

Гилинский Я.И. Человеческое, слишком человеческое. - СПб: Алетейя, 2020.

Тесленко А.Н. Социология популярной музыки: молодежный аспект. Монография. – Нур-Султан: Изд-во «Центр-Элит», 2020. - 220 с.

Тесленко А.Н. Ювенальная суицидология: теория, практика, профилактика. Монография. – Нур-Султан: Изд-во «Центр-Элит». 2020. 250 с.

ПРИГЛАШЕНИЕ ВСТУПИТЬ В ЧЛЕНЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ДЕВИАНТОЛОГОВ

ПОРЯДОК ВСТУПЛЕНИЯ В ЧЛЕНЫ

Для вступления в Международную Ассоциацию девиантологов необходимо направить по электронной почте (yury.kleyberg@yandex.ru) следующие отсканированные документы:

1. Заявление в произвольной форме на имя президента Ассоциации профессора Клейберга Ю.А., с просьбой о принятии в члены Ассоциации.

К заявлению должны прилагаться сканированные документы:

1. Анкета с фотографией.
2. Диплом о высшем образовании.
3. Диплом кандидата наук
4. Диплом доктора наук*
5. Аттестат доцента*

6. Аттестат профессора*
7. Документ о почетном звании*
8. Документ(ы) о принадлежности к другим академическим (научным) сообществам (по желанию.)
9. Список научных трудов (за последние 3 года, **с указанием в конце списка в примечании общего количество трудов.** Списка заверяется подписью автора).
1. Скан паспорта (1 и 2 страница).
2. Фотография для размещения на веб-сайте Ассоциации (в электронном виде).
12. Другие документы по желанию (дипломы, награды и т.д.).

Примечание:

Документы, предусмотренные п.п. 3-7, предоставляются соискателем при наличии соответствующих ученой степени или звания.

Вступительный членский взнос (разовый) - 5 000 руб. Ежегодный членский взнос - 1000 руб.

Оплата взносов осуществляется после принятия решения комиссией Ассоциации о предоставлении соискателем полного пакета документов и их соответствии установленным требованиям. В адрес соискателя высылается квитанция с реквизитами по уплате членского (организационного) взноса.

Решение о приеме в члены Ассоциации осуществляется после уплаты соискателем членского взноса.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Тверской области **07 октября 2020** года была зарегистрирована автономная некоммерческая организация развития образования и

науки «**Академия Национального образования и науки**» (АНОН). **Основатель и президент Академии** – лауреат Государственной премии Правительства РФ в области образования, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, академик РАЕН, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор **Клейберг Юрий Александрович**.

Целью деятельности Академии является предоставление услуг в сфере развития образования и науки, направленной на сохранение, укрепление и развитие единства образовательного и научного пространства России:

а) изучение и анализ мировых достижений в области наук об образовании с целью их использования в национальных интересах Российской Федерации;

б) обобщение и распространение в Российской Федерации и за рубежом прогрессивного национального опыта развития образования и достижений в сфере наук об образовании;

в) участие в разработке, апробации и экспертизе новых образовательных технологий, средств и форм организации обучения и воспитания детей, и молодежи;

г) участие в разработке и реализации государственной образовательной политики, стратегических направлений, целей и программ развития национального образования, взаимодействие с органами государственной власти и органами местного самоуправления в разработке и реализации образовательной политики;

д) взаимодействие с Российской академией наук, Российской академией образования, Международной академией образования, другими государственными и общественными академиями наук, научными сообществами, творческими союзами, российскими и зарубежными организациями, участвующими в образовательном процессе и проведении научных исследований;

е) осуществление повышения квалификации, постдипломного образования по программам магистратуры, аспирантуры и докторантуры с последующей защитой диссертаций.

Приглашаю всех желающих и неравнодушных ученых и практиков к активному сотрудничеству.

Ю. А. Клейберг,
президент Академии Национального образования и науки,
профессор

ТРЕБОВАНИЯ ВЫСШЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ (ВМАК) К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Требования ВМАК к подготовке научных статей для публикации в журналах полностью согласуется с требованиями ВАК Российской Федерации.

Структура научной статьи зависит от особенностей исследований и ее тематики. Для размещения труда в один из ВМАК-журналов, следует придерживаться следующей схемы:

УДК (система кодировки, позволяющая легко найти публикацию в любой базе, библиотеке)

Цветное ФОТО 4x6 см (не официальное)

ЗАГОЛОВОК

Аннотация к работе

Ключевые слова

Основной текст (состоит из вводной части, данных о проводимых исследованиях, выводов)

Библиография (список используемой литературы)

Графический материал (при необходимости)

Сведения об авторе.

Согласно требованию п.13 Положения «О порядке присуждения ученых степеней», вступившим в силу в начале 2014 года, минимальное количество научных публикаций по теме диссертационного исследования зависит от его направления (шифра по паспорту специальностей).

С 01.02.2021 г. произошли изменения в требованиях по количеству ВАК-статей для защиты докторских диссертаций:

➤ для защиты научно-исследовательских работ по химическим, физико-математическим, биологическим наукам – 5 статей;

➤ для докторских диссертаций по аграрным, медицинским, техническим наукам – 3 статьи;

ЗАГОЛОВОК (заглавие). В этой части указывается полное ФИО автора(ов), название вуза/научного учреждения, где готовилась работа.

Аннотация

Основные структурные элементы аннотации – это:

- предмет исследования, тема, цель статьи;
- методология проведения работы;
- результаты экспериментов;
- область применения полученных результатов;
- выводы/заключение.

Аннотация представляет собой сжатое изложение сути материала. Ее

допустимый объем до 600 слов. Если аннотация написана на 2-х языках, то первым располагается русский вариант, за ним следует английский.

Условные обозначения, сокращения употребляются очень редко, с обязательной расшифровкой после первого упоминания в тексте документа.

Ключевые слова. Указываются на двух языках – русском и английском. Задача автора – подобрать словосочетания, максимально точно отражающие предметную область документа. Ключевые слова/словосочетания разделяются запятой.

Рекомендуемое количество — от 5-12 слов. Они располагаются после аннотации в новой строке и разделяются «;». Английский набор следует после русского.

Графический материал. Наглядный материал (графики, схемы, диаграммы, рисунки и т.д.) – обязательное условие при написании научной статьи. Автор группирует материал в отдельных файлах, контролируя качество представленной информации. Количество графических изображений – не более 5.

Если изображение не является авторским, нужно указать источник, откуда оно взято.

Сведения об авторе. ФИО автора(ов) научной статьи, занимаемая должность, ученая степень, место работы указывается на двух языках – русский и английский и располагается в самом конце документа, после библиографического списка.

ФИО набирается строчными буквами, полужирным курсивом. Остальные данные — с новой строки, строчными буквами, курсивом. Выравниваются по левому краю.

Вводная часть. Методы решения выбранной научной задачи, и новизна исследований на практике и в теории.

Данные о проводимых исследованиях.

- Текст набирается в редакторе Microsoft Word.
- Используется шрифт Times New Roman, размер –14, интервал – 1,5.
- Допускаются параметры страницы: формат А4 с книжной ориентацией; размер полей: левое от 30 мм, правое от 10 мм, верхнее и нижнее — 20 мм.
- Основной текст выравнивается по ширине листа, заголовков — по центру заглавными буквами и полужирным шрифтом. Выравнивается по центру листа.
- Сокращения и аббревиатуры расшифровываются при их первом упоминании.

Подробное описание исследований автора(ов), опирающееся на предыдущие эксперименты в указанной отрасли. Таблицы, графики, формулы допускаются в случаях невозможности описания процесса проведенных экспериментов в текстовой форме.

Теоретическая научная статья должна содержать основные положения и мысли соискателя для углубленного анализа.

Выводы, рекомендации. Указываются ответы на вопросы вводной части и демонстрируются подробные выводы насчет области исследования.

Библиография (литература). Список использованной литературы (библиография) – это обязательная структурная единица научной статьи.

Автор(ы) указывает все работы, использованные при написании документа. Основная задача автора(ов) – использовать актуальные, современные источники, так как пренебрежение этим правилом вызывает сомнение о целесообразности публикации статьи в соответствующем журнале.

- Источники разделяются по видам: законы и нормативные акты, научные статьи, монографии, материалы конференций. Их расположение в списке идет по юридической силе.

- Источники каждого вида располагаются в строго определенном порядке: по алфавиту, по фамилии автора, по названию сборника, альманаха, если автор не указан.

- Инициалы и фамилия всегда разделяются пробелом.

- Обязательна сквозная нумерация.

- Порядок расположения различных источников: российские издания, зарубежные, электронные.

Каждый источник из списка должен упоминаться и иметь ссылку в тексте статьи.

Согласно требованиям ГОСТ, литературные источники указываются в строгом алфавитном порядке.

✓ **Ссылка** представляет собой цифру в квадратных скобках. Цифра — это номер источника, который расположен в списке ссылок в конце работы. Пример: [5].

Иногда автор ссылается на конкретную страницу источника. Тогда ее номер проставляется в скобках через запятую. Пример: [5, с.36].

✓ **Сноски** обозначаются звездочкой (например: *).

На странице можно разместить не больше трех сносок.

Нумерация сносок (если больше одной) производится арабскими цифрами. Точка после цифры не ставится.

Текст сноски короткий и содержательный.

Ссылки и сноски размещаются сразу после выражений, которые они объясняют.

Страницы рукописи не нумеровать!!!

Оплата за публикацию статьи в журнале и коллективной монографии осуществляется на карту Сбербанка по телефону

+7(965) 722-38-68

или перевод по платёжной системе «Золотая Корона».

Контактные данные редакционной коллегии:

Главный редактор – профессор КЛЕЙБЕРГ Юрий Александрович.

E-mail: yury.kleyberg@yandex.ru

ISSN: 2782-1587

ВОПРОСЫ ДЕВИАНТОЛОГИИ

№ 2 (14), 2023 (online)

На обложке фото – Вознесенская Церковь. г. Калязин. Тверская область

Издательство

Академии Национального образования и науки

Подписано в печать: 10.01.2023.

Формат 70x108/16. Усл. п.л. 8,0.

Тираж 500 экз. Выход в свет: 12.01.2023.

Заказ № 30.

Цена договорная